

Карл Густав Юнг

Структура и динамика психического (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9370834

Структура и динамика психического / Юнг К.Г. Пер. с англ.: Когито-Центр; Москва; 2008

ISBN 978-5-89353-230-2, 0-691-09774-7

Аннотация

На протяжении многих десятилетий швейцарский психолог и мыслитель Карл Юнг (1875–1961) разрабатывал психотерапевтическую систему, получившую впоследствии название «аналитическая психология».

В данном томе собраны важные работы Карла Юнга, относящиеся к так называемому «постпсихоаналитическому периоду», охватывающему зрелый и поздний этапы (1916–1957) его творчества, сгруппированные по тематическому принципу.

Книга адресована как специалистам – психологам, терапевтам, философам, историкам культуры, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами аналитической психологии

Содержание

Предисловие научного редактора русского издания	5
I	6
О психической энергии	6
I. Общие замечания об энергетической точке ЗРЕНИЯ в психологии	6
II. Применение энергетической точки зрения	12
III. Фундаментальные понятия теории либидо	23
IV. Представление о либидо у первобытных племен	42
Примечания	45
Трансцендентная функция	53
Предварительное замечание	53
Толкование сновидения	58
Примечание	69
Обзор теории комплексов	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Карл Густав Юнг

Сочинения

Carl Gustav
JUNG

the collected works

THE STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE PSYCHE
Volume 8

PRINCETON UNIVERSITY
PRESS 1989

Перевод с английского *В.В. Зеленского, К.М. Бутырина* (глава «О психической энергии»), *Д. А. Узланера* (глава «Основная проблема аналитической психологии») под редакцией *И.В. Ключковой*

Научный редактор В.В. Зеленский

Предисловие научного редактора русского издания

Данная работа является переводом большинства – 17 из 19 – статей и эссе Юнга, входящих в восьмой том его собрания сочинений, и включает материал, раскрывающий основные динамические модели психического, которые Юнг разрабатывал и использовал в период после разрыва отношений с З. Фрейдом. Как известно, собрание сочинений К.Г. Юнга не было выстроено хронологически – за исключением первых четырех томов – и организовывалось по тематическому принципу. Ряд наиболее важных теоретических статей «постпсихоаналитического периода» представлен как раз в восьмом томе, охватывающем значительный временной промежуток – с 1916 по 1957 годы.

В предлагаемый ниже текст не вошли две работы о синхронии, написанные, соответственно, в 1951 и 1952 годах, уже переведенные на русский язык и опубликованные двумя изданиями (см.: *Юнг К.Г. Синх-ронистичность*. Киев: Рефл-Бук, Ваклер, 1998 и *Юнг К.Г. Синхрония*. Киев: Рефл-Бук, Ваклер, 2003).

Наиболее важные теоретические статьи, относящиеся к различным этапам творческой биографии Юнга, образуют как бы ряд блоков: природа и динамический аспект психической энергии, трансцендентная функция психического и активное воображение, теория комплексов, структура психического функционирования, природа и психология сновидений, психическое развитие на разных стадиях жизни человека, структура душевного опыта. Разумеется, отнесение той или иной работы к определенному блоку носит весьма условный характер, поскольку ее содержание, помимо основной «темы», включает и массу «побочных» рассуждений, касающихся самых разных аспектов аналитической психологии. Такова стилистическая специфика юнговских текстов вообще – одна и та же мысль неоднократно повторяется в разных словесных ракурсах, не отклоняясь вместе с тем от своей главной идеологической задачи.

Параграфы в работах, приведенных ниже, соответствуют параграфам восьмого тома собрания сочинений.

Мы сочли уместным привести в Приложении текст «Приветственного адреса», с которым семидесятитрехлетний Карл Юнг обратился к преподавателям и студентам по случаю открытия Института Юнга в Цюрихе в апреле 1948 г. Формально эта работа опубликована в 18 томе, но по существу относится к данной работе, на что прямо указывают редакторы английского издания собрания сочинений. Параграфы в этом случае соответствуют 18 тому.

Подготовка данного издания осуществлялась в рамках издательской программы Информационного центра психоаналитической культуры в Санкт-Петербурге.

Валерий Зеленский
Январь 2008

I

О психической энергии

I. Общие замечания об энергетической точке ЗРЕНИЯ в психологии

а. Введение

1 Концепция либидо, выдвинутая мною¹, встретила множество неверных толкований, в ряде случаев – полное ее неприятие; поэтому, наверное, не будет лишним для меня еще раз повторить основания этой концепции.

2 Общепризнанно, что физические явления могут быть рассмотрены двумя способами: с механистической и энергетической точек зрения². Механистическая точка зрения является чисто каузальной: она понимает событие как следствие некой причины в том смысле, что неизменяющиеся субстанции изменяют свои отношения друг к другу согласно твердо установленным законам.

3 Энергетическая точка зрения, в сущности, является финалистской³; событие прослеживают от следствия к причине, исходя из предположения, что некоего рода энергия лежит в основе изменений в объектах, что она сохраняется в качестве величины постоянной на всем протяжении этих изменений и в конечном счете приводит к энтропии – состоянию общего равновесия. Поток энергии имеет определенное направление (цель), поскольку он в известном смысле следует градиенту потенциала, который нельзя изменить на противоположный. Идея энергии отлична от идеи субстанции, приводимой в движение в пространстве – это понятие, извлекаемое из отношений движения. Поэтому оно базируется не на самих субстанциях, а на их отношениях, тогда как сама движущаяся субстанция является основой этого механистического взгляда.

4 Обе точки зрения необходимы для понимания физических явлений и, следовательно, пользуются общим признанием. Между тем их длительное сосуществование бок о бок постепенно породило третью концепцию, которая является механистической и энергетической одновременно – хотя, логически рассуждая, продвижение от причины к следствию, прогрессивное действие причины, не может в то же самое время быть ретрогрессивным подбором средств, необходимых для достижения цели⁴. Непостижимо, чтобы одна и та же комбинация событий могла одновременно быть и каузальной, и финальной, поскольку одна детерминация исключает другую. Фактически, существуют две различных точки зрения, противоположные одна другой; ибо принцип финальности – это логический реверс принципа каузальности. Финальность не просто логически возможна, она является также необходимым объяснительным принципом, поскольку никакое объяснение природы не может быть только механистическим. Действительно, если бы наши понятия описывали исключительно движущиеся в пространстве тела, то существовало бы только каузальное объяснение; но нам приходится в концептуальном плане иметь дело также и с отношениями движения, что требует энергетической точки зрения⁵. Если бы дело обстояло иначе, не было бы необходимости изобретать понятие энергии.

5 Преобладание одной или другой точки зрения зависит не столько от объективного поведения самих вещей, сколько от психологической установки исследователя или мыслителя. Эмпатия ведет к механистическому взгляду, абстракция – к энергетическому. Оба этих подхода, вследствие убежденности в существовании так называемых объективных фактов опыта, склонны совершать ошибку гипостазирования своих принципов. Они исходят из ошибочного предположения, что субъективное понятие тождественно свойствам самой вещи; что, например, каузальность, как мы переживаем ее, можно объективно обнаружить и в поведении вещей. Эта ошибка очень распространена и приводит к непрекращающимся конфликтам с противоположным принципом; ибо, как было уже сказано, невозможно помыслить о детерминирующем факторе, являющемся в одно и то же время и каузальным, и финальным. Но это нетерпимое противоречие возникает лишь благодаря логически неправильной и бездумной проекции на объект того, что является просто точкой зрения. Наши точки зрения не содержат в себе противоречия только в тех случаях, когда они ограничиваются сферой психологического и проецируются, всего лишь в качестве гипотез, на то или иное объективное поведение наблюдаемых вещей. Принцип каузальности может переносить логический реверс, совершаемый над ним, не впадая в противоречие с самим собой, но факты этого не могут; отсюда явствует, что каузальность и финальность с необходимостью исключают друг друга в конкретном объекте. Исходя из широко известного принципа сведения к минимуму различий, исследователи обычно идут на теоретически недопустимый компромисс, заключающийся в рассмотрении процесса отчасти как каузального, отчасти как финального⁶ – компромисс, который порождает всевозможного рода теоретические гибриды, но который дает (этого нельзя отрицать) относительно верную картину реальности⁷. Нам всегда следует помнить, что, несмотря на даже самое идеальное согласие между фактами и нашими идеями, объяснительные принципы – это только точки зрения, то есть манифестации психологической установки и априорных условий, при которых только и возможно какое бы то ни было мышление.

в. Возможность количественного измерения в психологии

6 Из сказанного достаточно ясно, что каждое явление может быть рассмотрено как с механистически-каузальной, так и с энергетически-финалистской точек зрения. Иными словами, исключительно целесообразность, возможность достижения результатов определяет, предпочесть ли нам первую или вторую точку зрения. Если, например, предметом обсуждения становится качественная сторона явления, то энергетическая точка зрения отходит на второй план, потому что она не имеет ничего общего с самими вещами, но лишь с их количественными отношениями движения.

7 Много копий было сломано по поводу того, могут ли ментальные и психические явления быть предметом энергетического подхода. *A priori* нет причины, почему это следует считать невозможным, поскольку нет оснований для того, чтобы исключать психические явления из сферы объективного опыта. Само по себе психическое очень даже может быть объектом опыта. Тем не менее, как показывает пример Вундта⁸, можно вообще сомневаться в правомерности приложения энергетической точки зрения к психическим феноменам, равно как и в том, может ли рассматриваться душа в качестве относительно закрытой системы.

8 Что касается первого вопроса, то я совершенно согласен с фон Гротом, который одним из первых предложил понятие психической энергии, когда он говорит: «Понятие психической энергии столь же оправдано в науке, как и понятие физической энергии, и у психической энергии так же много количественных измерений и различных форм, как и у физической энергии»⁹.

9 Что касается второго вопроса, то, в отличие от предшествующих исследователей, я несколько не обеспокоен тем, чтобы привести психоэнергетические процессы в соответствие с физической системой. Меня не интересует подобного рода классификация, потому что в лучшем случае у нас в распоряжении оказываются только смутные догадки о дальнейшем пути и никакой реальной отправной точки. И хотя мне представляется несомненным, что психическая энергия так или иначе тесно связана с физическими процессами, все же, чтобы говорить мало-мальски авторитетно об этой связи, от нас потребовался бы довольно разнообразный опыт и проницательность. Что касается философской стороны проблемы, то я совершенно согласен со взглядами Буссе¹⁰. Я должен также поддержать Кюльпе, когда тот говорит: «Таким образом, не имеет значения, вносится ли какое-то количество ментальной энергии в ход материального процесса или нет: закон сохранения энергии, как он формулировался до настоящего времени, не был бы от этого поколеблен»¹¹.

10 На мой взгляд, психофизическая связь представляет собой самостоятельную проблему, которая, вероятно, когда-нибудь будет решена. Между тем, однако, психологу не следует пасовать перед этим затруднением, а рассматривать психическое как *относительно* закрытую систему. В этом случае нам определенно нужно порвать с «психофизической» гипотезой, которая представляется мне несостоятельной, поскольку эпифеноменистская точка зрения – это всего лишь наследие устарелого научного материализма. Поэтому, как считают Лассвиц, фон Грот и другие, феномены сознания не имеют никаких функциональных связей друг с другом, поскольку они суть *только* «феномены, выражения, симптомы некоторых более глубоких функциональных взаимоотношений». Каузальные связи, существующие между психическими фактами, которые доступны наблюдению в любой момент, противоречат теории эпифеномена, имеющей фатальное сходство с материалистическим убеждением, что психическое выделяется мозгом, как желчь – печенью. Психологии, трактующей психическое в качестве эпифеномена, лучше было бы называть себя психологией мозга (brain-psychology) и довольствоваться теми скудными результатами, которые такая психология способна принести. Психическое заслуживает, чтобы его принимали в качестве феномена самого по себе; нет вообще никаких оснований для того, чтобы рассматривать его в качестве простого эпифеномена, хотя, возможно, и зависимого в чем-то от функционирования мозга. Это было бы так же мало оправдано, как рассматривать жизнь в качестве эпифеномена химических процессов с участием углерода.

11 Непосредственный опыт количественных психических отношений, с одной стороны, и непроницаемая природа психофизической связи, с другой, по крайней мере, служат оправданием для предварительного понимания психического как относительно закрытой системы. Тут я оказываюсь в прямой оппозиции к психофизической энергетике фон Грота. На мой взгляд, он вступает здесь на очень зыбкую почву, и его дальнейшие замечания звучат не очень убедительно. Тем не менее, мне бы хотелось изложить читателю формулировки фон Грота его же собственными словами, поскольку они представляют мнение пионера в этой трудной области:

(1) Психические энергии обладают количеством и массой, точно так же, как физические энергии.

(2) В качестве различных форм психической работы и психической потенциальности они способны трансформироваться друг в друга.

(3) Они могут быть преобразованы в физические энергии и наоборот посредством физиологических процессов¹².

12 С моей стороны едва ли нужно добавлять, что третье утверждение явно вызывает большие сомнения. В конечном счете только практическая целесообразность способна поло-

жить конец сомнениям – не относительно того, возможна ли сама по себе энергетическая точка зрения или нет, но обещает ли она принести какие-либо практические результаты¹³.

13 Возможность точного количественного измерения физической энергии *доказала*, что энергетическая точка зрения, действительно, приносит результаты в тех случаях, когда она применяется к физическим явлениям. Однако рассматривать физические явления как формы энергии было бы возможным, даже если бы точного количественного измерения еще не существовало, а просто имелась возможность *оценивать количества*¹⁴.

Если бы, тем не менее, оказалось, что это невозможно, то от энергетической точки зрения пришлось бы отказаться, поскольку при отсутствии возможности хотя бы количественной *оценки* энергетический подход становится совершенно излишним.

(I) Субъективная система ценностей

14 Применимость энергетического подхода в психологии зависит, таким образом, исключительно от ответа на вопрос, возможна ли количественная оценка психической энергии или нет. И ответ на этот вопрос может быть безусловно положительным, поскольку наша душа действительно обладает необычайно широко развитой оценивающей системой, а именно – *системой психологических ценностей*. Ценности суть количественные оценки энергии. Здесь следовало бы отметить, что благодаря нашим моральным и эстетическим ценностям мы имеем в своем распоряжении не просто объективную систему ценностей, но и объективную систему измерения. Однако непосредственного доступа к этой системе, необходимого для нашей цели, у нас нет, поскольку она представляет собой общую шкалу ценностей, которая только косвенно учитывает субъективное, то есть индивидуальные психологические состояния.

15 Следовательно, предметом нашего рассмотрения, в первую очередь, должна стать *субъективная ценностная система*, субъективные оценки отдельного индивида. Фактически, до известного момента мы способны оценивать субъективные ценности наших психических содержаний, даже если временами бывает чрезвычайно трудно измерить их с объективной точностью, в отличие от общеустановленных ценностей. Тем не менее, как уже было сказано, в таком сравнении для нашей цели нет необходимости. Мы не можем сравнить наши субъективные оценки друг с другом и определить их *относительную* силу. Тем не менее, их измерение так или иначе связано с ценностью других содержаний и, следовательно, не является абсолютным и объективным, однако его достаточно для нашей цели, поскольку разные [степени] интенсивности ценности в отношении сходных качеств могут быть безошибочно узнаны, тогда как равносильные ценности при тех же самых условиях явно удерживаются в равновесии.

16 Затруднения возникают только тогда, когда нам необходимо подвергнуть сравнению ценностные интенсивности различных качеств, скажем, ценность научного представления сравнительно с ценностью чувственного впечатления. Здесь субъективная оценка становится неопределенной и, следовательно, ненадежной. Аналогичным образом, субъективная оценка ограничивается содержаниями сознания; поэтому она бесполезна в том, что касается бессознательных влияний при наличии которых мы имеем дело с оценками, выходящими за пределы сознания.

17 Тем не менее, ввиду компенсаторного взаимоотношения, существующего, как известно, между сознательным и бессознательным¹⁵, крайне важно найти способ определения ценности бессознательных продуктов. Если в своих рассуждениях мы хотим подойти к психическим явлениям с помощью энергетической модели, то нам следует учитывать один чрезвычайно важный факт, а именно, что сознательные ценности могут исчезать. В этом случае нам следует теоретически предполагать их появление в бессознательном. Но так как ни

у нас самих, ни у других нет непосредственного доступа к бессознательному, оценка может быть только косвенной, вследствие чего для достижения оценки ценности нам необходимо прибегнуть к помощи вспомогательных методов. В случае субъективной оценки чувство и интуиция немедленно приходят к нам на помощь, поскольку они представляют собой функции, которые развивались в течение длительных периодов времени и стали очень тонко дифференцированными. Даже ребенок с самых ранних лет практикует дифференциацию своей шкалы ценностей; он взвешивает, кто ему больше нравится – отец или мать, кто стоит для него на втором и третьем месте, кого он больше всех ненавидит и т. д. Это сознательное оценивание не только действует разрушительно в отношении манифестаций бессознательного, но фактически ввергает человека в самые очевидные ложные оценки, описываемые так же, как «вытеснения» или «смещение аффекта». Поэтому не может быть и речи о субъективном оценивании бессознательных ценностных интенсивностей. Следовательно, нам необходима объективная отправная точка, которая сделает возможной пусть косвенную, но объективную оценку.

(II) Объективная оценка количества

18 В своих исследованиях феноменов ассоциации¹⁶ я показал, что существуют определенные конstellляции психических элементов, сгруппированных вокруг эмоционально заряженных¹⁷ содержаний, которые я назвал «комплексами». Эмоционально заряженное содержание, комплекс, состоит из ядерного, центрального элемента и множества дополнительно конstellлированных ассоциаций. Ядерный элемент состоит из двух компонентов: во-первых, фактора, детерминируемого опытом и каузально соотносящегося с окружающей индивидом средой; во-вторых, фактора, присущего характеру индивида и определяемого его диспозицией.

19 Ядерный элемент характеризуется собственным чувственным тоном, эмфатичностью, являющейся следствием интенсивности аффекта. Эта эмфатичность, выражаемая в терминах энергии, есть не что иное, как некоторое ценностное качество. Поскольку ядерный элемент сознателен, количество может быть субъективно оценено, по крайней мере, относительно. Но если, как часто случается, ядерный элемент бессознателен¹⁸, во всяком случае в своем психологическом значении, то субъективная оценка становится невозможной, и нам приходится использовать вместо нее косвенный метод оценивания. В принципе, это основывается на том, что ядерный элемент до известной степени автоматически создает комплекс, причем этот комплекс аффективно окрашен и обладает энергетической ценностью, как я показал на большом количестве примеров во второй и третьей частях своей «Психологии Dementia Praecox». Ядерный элемент обладает конstellлирующей силой, соответствующей его энергетической ценности; он производит специфическую конstellляцию психических содержаний, и таким образом происходит образование комплекса. Подобная конstellляция психических содержаний динамически обусловлена их энергетической ценностью. Тем не менее, получающаяся в результате конstellляция не есть лишь иррадиация психического стимула, но результат отбора стимулируемых психических содержаний, обусловленных *качеством* ядерного элемента. Этот отбор, разумеется, невозможно объяснить в терминах энергии, поскольку энергетическое объяснение имеет квантитативный, а не квалитативный характер. Для квалитативного объяснения нам необходимо прибегнуть к помощи каузального подхода¹⁹. Следовательно, утверждение, на котором базируется объективная оценка психологических ценностных интенсивностей, формулируется следующим образом: *конstellлирующая сила ядерного элемента соответствует его ценностной интенсивности, то есть его энергии.*

20 Однако каким средством оценки энергетической ценности конstellлирующей силы, которая обогащает комплекс ассоциациями, мы реально располагаем? Мы можем оценивать это количество энергии разнообразными способами: (1) исходя из сравнительного количества конstellляций, произведенных ядерным элементом; (2) исходя из сравнительной частоты и интенсивности реакций, свидетельствующих о расстройстве или комплексе; (3) исходя из интенсивности сопутствующих комплексу аффектов.

21 1. Данные, необходимые для определения сравнительного количества конstellляций, могут быть получены отчасти путем прямого наблюдения, отчасти путем аналитической дедукции. Иными словами, чем чаще встречаются конstellляции, обусловленные одним и тем же комплексом, тем больше должна быть его психологическая валентность.

22 2. Реакции, свидетельствующие о наличии расстройства или комплекса, не ограничиваются симптомами, появляющимися в ходе ассоциативного эксперимента. Эти симптомы, по существу, есть лишь следствие комплекса, и их характер определяется данным типом эксперимента. Нас здесь более интересуют явления, свойственные психологическим процессам, находящимся за пределами экспериментальных условий. Фрейд описал большую их часть под рубриками речевых оговорок, описок, ошибок памяти, неверных истолкований произнесенных слов и других действий, имеющих симптоматический характер. К ним следует добавить автоматизмы, описанные мною, такие, как «отключение мысли», «постепенный запрет на говорение» («interdiction»), «нелепая болтовня»²⁰ и т. п. Как я показал в своих экспериментах с ассоциациями, интенсивность подобных явлений может непосредственно определяться временем регистрации, но то же самое наблюдается и в случае неограниченной психологической процедуры, когда, имея лишь часы на руке, мы легко можем по времени, требующемуся пациенту для разговора об определенных вещах, определить их ценностную интенсивность. Мне могут возразить, что пациенты тратят большую часть своего времени на болтовню о вещах, не имеющих отношения к делу, с целью уклониться от основной проблемы, однако это лишь демонстрирует, насколько важное значение для них имеют эти так называемые «неуместности». Наблюдатель обязан принять меры предосторожности против произвольных оценок, характеризующих реальные интересы пациента как не относящиеся к делу, согласно какому-нибудь субъективному теоретическому предположению конкретного аналитика. Определяя ценности, мы должны строго придерживаться объективных критериев. Так, например, если пациентка тратит массу времени, жалуясь на своих слуг, вместо того чтобы приблизиться к основному конфликту, который, возможно, совершенно верно оценил работающий с ней аналитик, то это означает только то, что комплекс слуги имеет фактически гораздо большую энергетическую ценность, нежели тот бессознательный конфликт, который, возможно, откроется в качестве ядерного элемента лишь в ходе более длительного курса лечения, или что торможение со стороны крайне высоко ценимой сознательной позиции держит ядерный элемент в бессознательном состоянии посредством сверхкомпенсации.

23 3. Для определения интенсивности сопутствующих аффективных явлений у нас имеются объективные методы, которые хотя и не измеряют количество аффекта, тем не менее, делают возможной его оценку. Экспериментальная психология обеспечила нас рядом таких методов. Помимо измерений времени реакций, определяющих торможение ассоциативного процесса, а не фактических аффектов, у нас имеются в распоряжении, в частности, следующие показатели:

- (а) кривая пульса²¹;
- (б) кривая дыхания²²;
- (с) психогальванический феномен²³.

24 Легко распознаваемые изменения этих кривых позволяют наблюдателю осуществлять интерференциальные оценки интенсивности беспокоящей пациента проблемы. Возможно также, как, к нашему глубокому удовлетворению, показал опыт, намеренно вызывать аффективные явления в субъекте посредством психологических стимулов, которые, как известно, специально нагружаются аффектом для данного конкретного индивида в отношении его экспериментатора²⁴.

25 Кроме этих экспериментальных методов, мы обладаем высоко дифференцированной субъективной системой для распознавания и оценивания аффективных явлений в других. У каждого из нас для этого имеется непосредственный инстинкт, который в высшей степени свойственен и животным, и не только по отношению к их собственному виду, но и к другим животным и человеческим существам. Мы способны воспринимать самые незначительные эмоциональные колебания (флуктуации) в других и обладаем очень тонким инструментом оценки качества и количества аффектов в наших ближних.

II. Применение энергетической точки зрения

а. Психологическое понятие энергии

26 Термин «психическая энергия» имеет давнее употребление. Мы находим его, например, уже у Шиллера²⁵, а энергетическая точка зрения характерна также для фон Грота²⁶ и Теодора Липпса²⁷. Липпс проводит различие между психической и физической энергией, тогда как Штерн²⁸ оставляет вопрос об их связи открытым. Мы должны быть признательны Липпсу за дистинкцию между психической *энергией* и психической *силой*. Для Липпса психическая сила – это вообще возможность возникновения процессов и достижения ими определенной степени эффективности. С другой стороны, психическая энергия определяется Липпсом как «присущая этим процессам способность актуализировать данную силу в себе»²⁹. В другом месте Липпс говорит о «количественных свойствах психического». Различение между силой и энергией является концептуальной необходимостью, поскольку энергия – это, по существу, понятие, как таковая она не существует объективно в самих явлениях, но лишь в специфических данных опыта. Иными словами, будучи актуальной, энергия всегда конкретно переживается в качестве движения и силы, а будучи потенциальной, – в качестве состояния или условия. Будучи актуальной, психическая энергия заявляет о себе в особых динамических явлениях души, таких, как инстинкт, желание, воление, аффект, внимание, способность к работе и т. д., составляющих вместе психические силы. Будучи потенциальной, энергия проявляется в специфических достижениях, возможностях, склонностях, установках и т. д., которые суть ее разнообразные состояния.

27 Дифференциация специфических энергий – таких, как энергия удовольствия, энергия ощущения, энергия противоречия и т. д., – предлагаемая Липпсом, представляется мне теоретически недопустимой, поскольку специфические формы энергии и есть вышеупомянутые силы и состояния. Энергия – количественное понятие, которое включает в себя их все. И только эти силы и состояния получают количественное определение, поскольку являются понятиями, выражающими качества, вносимые в действие посредством энергии. Количественное понятие ни в коем случае не должно являться в то же самое время качественным, иначе оно не будет давать нам возможности интерпретировать отношения между силами, что в конечном счете является его настоящей функцией.

28 Так как, к сожалению, мы не в силах научно доказать, что между физической и психической энергиями существует отношение эквивалентности³⁰, у нас нет другого выбора,

кроме как или совсем прекратить разговор об энергетическом воззрении, или же предположить существование некой особой психической энергии – что, безусловно, возможно в качестве гипотетической операции. Как уже отметил Липпс, психология не в меньшей степени, чем физика, может пользоваться правом строить свои собственные понятия, однако, как вполне справедливо указывает Вундт, лишь в том случае, если энергетическое воззрение доказывает свою ценность, а не представляет собой простое подытоживание результатов в виде неопределенного общего понятия. Мы, тем не менее, придерживаемся мнения, что энергетическая точка зрения на психические феномены является весьма ценной, потому что дает нам возможность распознавать как раз те количественные отношения, существование которых в душе, возможно, и нельзя отрицать, но которые легко не заметить при чисто качественном взгляде на вещи.

29 Далее, если бы, как утверждают психологи, исследующие сознательный разум, психическое состояло только из сознательных процессов, то мы могли бы удовлетвориться предположением о существовании «особой психической энергии». Но так как мы убеждены, что бессознательные процессы имеют отношение также и к психологии, а не только к физиологии мозга (в качестве субстратных процессов), то мы обязаны поставить наше понятие энергии на значительно более широкое основание. Мы полностью согласны с Вундтом в том, что существуют вещи, которые мы сознаем только смутно. Мы принимаем, вслед за ним, шкалу ясности для сознательных содержаний, однако психическое для нас отнюдь не прекращается там, где начинается темнота, но находит себе продолжение прямо в бессознательном. Мы также оставляем психологии мозга ее участок работы, поскольку полагаем, что бессознательные функции в конечном счете сводятся к физиологическим процессам, однако их не стоит возводить на уровень психического, если только не прибегать к помощи философской гипотезы панпсихизма.

30 В определении границ понятия психической энергии нам, таким образом, приходится столкнуться с определенными трудностями, поскольку мы совершенно лишены средства для отделения того, что является психическим, от биологического процесса как такового. К биологии с не меньшим успехом, чем к психологии, можно подойти с энергетической точки зрения, другой вопрос – насколько, по мнению самого биолога, такой подход полезен и представляется ценным. Подобно психическому, жизне-процесс (life-process), вообще говоря, не находится в каком-либо точно доказуемом взаимоотношении эквивалентности с физической энергией.

31 Если мы будем держаться в границах научного здравого смысла и избегать философских умозрений, которые увели бы нас слишком далеко, то, вероятно, лучше всего было бы рассматривать психический процесс просто в качестве некоего жизне-процесса. Таким способом мы расширяем более узкое понятие психической энергии до понятия жизне-энергии, которая включает в себя «психическую энергию» в качестве особой части. В результате мы получаем преимущество, состоящее в том, что мы можем придерживаться количественных отношений и за пределами узких границ психического – в сфере биологических функций вообще и, таким образом, можем оценить по достоинству, если понадобится, давно дискутируемую и вездесущую проблему «духа и тела».

32 Понятие «жизне-энергии» не имеет ничего общего с так называемой жизне-силой, ибо последняя, в качестве силы, являлась бы не чем иным, как специфической формой всеобщей энергии. Рассматривать жизне-энергию таким образом, и, следовательно, перекидывать мостик над все еще зияющей пропастью между физическими процессами и жизне-процессами, означало бы игнорировать особые требования биоэнергетики в сравнении с физической энергетикой. Я предложил называть эту гипотетическую жизне-энергию «либидо», ввиду психологического применения, предназначенного нами для нее. В известной степени я дифференцировал ее от понятия всеобщей энергии, отстаивая таким образом право био-

логии и психологии формировать свои собственные понятия. Выбирая подобный термин (имею в виду «либидо»), я никоим образом не желаю опережать исследователей, работающих в области биоэнергетики, но открыто признаю, что заимствовал его с намерением использовать для *наших* целей: для их же целей какой-нибудь термин вроде «био-энергии» или «жизненной энергии», возможно, более предпочтителен.

33 Здесь мне необходимо принять меры предосторожности в связи с возможностью неверного понимания моих слов. Я не имел ни малейшего намерения пускаться в настоящей статье в обсуждение спорной проблемы психофизического параллелизма и взаимодействий сторон в этом отношении. Эти теории суть умозрительные заключения относительно возможности духа и тела функционировать совместно или бок о бок, и они касаются как раз того самого вопроса, который я намеренно не принимаю здесь во внимание, а именно существует ли движение психической энергии независимо от физического процесса, или оно включается в него. На мой взгляд, нам практически ничего об этом не известно. Подобно Буссе³¹, я считаю идею реципрокного взаимодействия вполне разумной и не нахожу никакой причины ставить под сомнение ее надежность с помощью гипотезы психофизического параллелизма. Для психотерапевта, специфическая область деятельности которого лежит как раз в этой ключевой сфере взаимодействия духа и тела, представляется в высшей степени вероятным, что психическое и физическое являются не двумя независимыми параллельными процессами, но в значительной мере связаны между собой реципрокным образом, хотя действительная природа этого взаимоотношения по-прежнему находится совершенно за пределами нашего опыта. Исчерпывающие дискуссии по этому вопросу, возможно, в высшей степени интересны для философов, однако эмпирической психологии следует ограничиваться эмпирически доступными фактами. Даже если нам еще не удалось доказать, что процессы в области психической энергии включены в физический процесс, противникам подобной точки зрения точно так же не удалось с минимумом научной достоверности отделить психическое от физического.

в. Сохранение энергии

34 Если мы беремся рассматривать психический жизне-процесс с энергетической точки зрения, мы не должны довольствоваться одним лишь понятием энергии, но обязаны также проверить его применимость к эмпирическому материалу. Энергетический подход бесполезен, если выясняется, что его основной принцип, сохранение энергии, непригоден. В данном случае мы должны последовать предложению Буссе и провести различие между принципом эквивалентности и принципом постоянства³². Принцип эквивалентности гласит, что вместо данного количества энергии, расходуемого или потребляемого с целью вызвать определенное состояние, равное количество той же самой или иной формы энергии появляется где-либо в другом месте; тогда как принцип постоянства утверждает, что общая сумма энергии остается постоянной и не подвержена ни увеличению, ни уменьшению. Отсюда видно, что принцип постоянства является логически необходимым, но обобщающим выводом из принципа эквивалентности и не столь важен на практике, поскольку наш опыт всегда имеет дело только с парциальными системами.

35 Для нашей цели непосредственный интерес представляет только принцип эквивалентности. В своей книге *Символы трансформации*³³ я наглядно показал возможность рассмотрения определенных процессов развития и других трансформаций подобного типа с точки зрения принципа эквивалентности. Я не намерен повторять *in extenso* то, что уже сказал там, однако хотел бы только еще раз подчеркнуть, что исследование Фрейдом сексуальности внесло неоценимый вклад в разработку нашей проблемы. Ничто, кроме рассмотрения

отношения сексуальности к психическому в целом, не позволяет более ясно увидеть, как за исчезновением данного количества либидо следует появление эквивалентной ценности в иной форме. К несчастью, весьма понятная переоценка Фрейдом сексуальности заставила его свести трансформации других специфических психических сил, так или иначе соотносящихся с сексуальностью, к сексуальности чистой и простой, что навлекло на него справедливое обвинение в пансексуализме. Недостаток фрейдовского взгляда заключается в односторонности, к которой механистически-каузальный подход всегда имеет склонность, иначе говоря – во всеупрощающем *reductio ad causam*¹, которое чем оно вернее, проще и более широко охватывает вещи, тем менее отдает должное продукту, подобным образом анализируемому и редуцируемому. Всякий, кто внимательно читает работы Фрейда, видит, какую важную роль играет принцип эквивалентности в структуре его теорий. Это особенно хорошо заметно в его исследованиях конкретных случаев заболеваний, где он дает описание вытеснений и замещающих их образований³⁴. Всякому, кто обладает практическим опытом в этой области, известно, какую огромную эвристическую ценность имеет принцип эквивалентности при лечении неврозов. Даже если применение этого принципа не всегда осознано, вы, тем не менее, применяете его инстинктивно или руководствуясь чувством. Например, когда сознательная ценность, скажем, перенос, уменьшается или фактически полностью исчезает, вы немедленно ищете замещающее его образование, надеясь увидеть эквивалентную ценность, зарождающуюся где-либо в другом месте. Нетрудно обнаружить замену, если замещающее образование представляет собой сознательное содержание, но нередко случаи, когда некое количество либидо исчезает, по всей видимости, не образуя замены. В этом случае замена имеет бессознательный характер, или, как это обычно бывает, пациент просто не сознает, что какой-то новый психический факт выступает в роли соответствующего замещающего образования. Но не исключена возможность и того, что значительное количество либидо исчезает, словно бы полностью поглощенное бессознательным, не являя никакой новой ценности вместо себя. В подобных случаях целесообразно твердо придерживаться принципа эквивалентности, поскольку внимательное наблюдение за пациентом вскоре позволит выявить признаки бессознательной активности, например интенсификацию определенных симптомов, или появление какого-нибудь нового симптома, или особенные сновидения, или странные, быстро исчезающие фантазии и т. п. Если аналитику удастся перевести эти скрытые содержания в сознание, то обычно можно продемонстрировать, что либидо, которое исчезло из сознания, генерировало в бессознательном некий продукт, который, несмотря на все отличия, имеет немало общих черт с сознательными содержаниями, утратившими свою энергию.

36 Имеется немало поразительных и достаточно широко известных примеров подобных трансформаций. Так, когда ребенок начинает субъективно отделяться от своих родителей, у него возникают фантазии о замещающих их родителях, и эти фантазии почти всегда переносятся на реальных людей. Переносы такого рода в конце концов оказываются несостоятельными, потому что созревающая личность должна ассимилировать родительский комплекс и достичь компетентности, ответственности и независимости. Другая сфера, изобилующая поразительными примерами, – это психология христианства, в котором подавление инстинктов (то есть примитивной инстинктивности) приводит к возникновению религиозных замещающих образований, таких, как средневековая *Gottesminne*², сексуальный характер которой не заметит только слепой.

37 Эти размышления ведут нас к еще одной аналогии с теорией физической энергии. Как известно, теория энергии признает не только фактор *интенсивности*, но и фактор

¹ Сведение к причинам (лат.).

² Любовь к Богу (нем.).

экстенсивности, причем последний является необходимым практическим дополнением к понятию чистой энергии. Он объединяет понятие чистой интенсивности с понятием количества (например, количество света в противоположность его силе). «Количество энергии, или фактор экстенсивности, прикреплено к данной структуре и не может быть перенесено на другую структуру без увлечения за собой частей первой; однако фактор интенсивности способен переходить с одной структуры на другую»³⁵. Следовательно, фактор экстенсивности демонстрирует динамическое измерение энергии, присутствующей в любой момент в данном явлении³⁶.

38 Сходным образом и фактор психологической экстенсивности не может перейти в новую структуру без переноса при этом частей или характерных особенностей предыдущей структуры, с которой он связан. В своей более ранней работе я специально привлек внимание к этой особенности трансформации энергии и показал, что либидо не покидает определенной структуры в качестве чистой интенсивности, переходя без всякого следа в другую структуру, но что оно снова обретает характерные качества прежней своей функции – только в новых условиях³⁷. Эта особенность так поражает, что приводит к ложным заключениям – и не только к неверным теориям, но и к самообманам, чреватых самыми печальными последствиями. Скажем, некоторое количество либидо, имеющего определенно сексуальный характер, переходит в другую структуру, забирая при этом с собой некоторые из особенностей своего предыдущего применения. В этой ситуации очень велико искушение прийти к мысли, что динамика новой структуры тоже будет сексуальной³⁸. Возможен и другой случай, при котором либидо какой-нибудь духовной деятельности отдается в основном материальным интересам, вследствие чего данный индивид ошибочно полагает, что новая структура столь же духовна по своему характеру, как и прежняя. Подобные заключения ложны в принципе, поскольку они учитывают лишь относительные черты сходства этих двух структур, не обращая при этом внимания на их не менее важные различия.

39 Практический опыт заставляет нас принять в качестве общего правила, что психическая деятельность может найти себе замещение только на основе принципа эквивалентности. Например, патологический интерес, интенсивная привязанность к симптому могут быть заменены в равной степени интенсивной привязанностью к другому интересу, что объясняет нам, почему освобождение либидо от симптома никогда не происходит без такого замещения. Если заместителю недостает энергетической ценности, нам сразу ясно, что часть энергии следует искать где-нибудь в другом месте – если не в сознательном разуме, то в образованиях бессознательной фантазии или в расстройстве «parties superieures»³ психологических функций (если воспользоваться уместным здесь выражением Жана).

40 Помимо этих практических выводов из нашего опыта, давно уже имевшихся у нас, энергетическая точка зрения предоставляет также возможность оформить еще один аспект нашей теории. Согласно каузальному подходу Фрейда, существует только одна неизменная субстанция, сексуальный компонент, к деятельности которого с монотонной регулярностью приводит всякая интерпретация, – факт, на который Фрейд сам однажды указал. Очевидно, что дух *reductio ad causam*⁴ или *reductio in primam figuram*⁵ никогда не позволит оценить по достоинству идею финального развития, необыкновенно важную для психологии, потому что любое изменение в состояниях понимается в этом случае лишь как «сублимация» базисной субстанции и, следовательно, как замаскированное выражение все того же сексуального компонента.

³ Высшего замысла (франц.).

⁴ Сведения к причинам (лат.).

⁵ Сведения к основным фигурам (лат.).

41 Идея развития возможна только в том случае, если понятие неизменной субстанции не гипостазировано при помощи ссылок на так называемую «объективную реальность» – иначе говоря, только тогда, когда не предполагается, что каузальность идентична поведению вещей. Идея развития требует признания возможности изменения в субстанциях, способных к теоретически неограниченной взаимозаменяемости и модуляции, в соответствии с принципом эквивалентности и исходя из очевидной предпосылки о разности в потенциале. Здесь снова, так же как при рассмотрении соотношения между каузальностью и финальностью, мы сталкиваемся с неразрешимой антиномией, являющейся следствием незаконной проекции энергетической гипотезы, ибо неизменная субстанция не может в то же самое время являться энергетической системой³⁹. Согласно механистическому воззрению, энергия прикреплена к субстанции, что позволяет Вундту говорить об «энергии психического», которая возрастает с течением времени и, следовательно, не допускает применения энергетических принципов. С другой стороны, при энергетическом подходе субстанция – это всего лишь выражение или знак энергетической системы. Эта антиномия выглядит неразрешимой только до тех пор, пока забывают, что обе точки зрения соответствуют фундаментальным психологическим установкам, которые, очевидно, до некоторой степени совпадают с состояниями и поведением объектов – совпадение, которое и делает точки зрения применимыми на практике. Поэтому нет ничего удивительного в том, что каузалистам и финалистам приходится вести в равной мере отчаянную борьбу за объективную действительность своих принципов, ибо каждый из отстаиваемых ими принципов является, помимо прочего, принципом личного отношения ученого к жизни и к миру, и никто добровольно не захочет согласиться с тем, что его психологическая установка, возможно, связана с действительностью лишь условно. Такое неприятное признание переживается нами в какой-то степени как самоубийственная попытка подпилить сук, на котором сидишь. Однако неизбежно возникающие антиномии, к которым приводит проекция логически оправданных принципов, принуждает нас произвести фундаментальную проверку собственных психологических установок, поскольку только таким способом можно избежать произвола с нашей стороны в отношении иного, логически обоснованного принципа. Антиномия должна разрешаться в некоем *антиномическом постулате*, каким бы неудовлетворительным такое предложение, возможно, ни казалось для нашего конкретистского мышления и каким бы мучительным для духа естествознания ни являлось признание того, что сущность так называемой реальности исполнена загадочной иррациональностью. Тем не менее, такое признание с необходимостью следует из принятия антиномического постулата⁴⁰.

42 Теория развития не может функционировать без финалистской точки зрения. Даже Дарвин, как отмечает Вундт, прибегал в своей работе к помощи финалистских понятий, таких, например, как адаптация. Очевидный факт дифференциации и развития никогда не сможет получить исчерпывающего объяснения при помощи каузальности; он требует для своего объяснения также и финалистской точки зрения, которую человек выработал в ходе своей психической эволюции точно так же, как он выработал каузальную.

43 Согласно понятию финальности, причины понимаются как средство к достижению цели. Простейший пример – процесс регрессии. Рассматриваемая каузально, регрессия определяется, скажем, как, «фиксация на матери». Но при финалистском подходе дело обстоит иначе: либидо регрессирует к материнскому *имаго*, для того чтобы обрести там памятные ассоциации, посредством которых может осуществляться дальнейшее развитие, например, из сексуальной системы – в интеллектуальную или духовную.

44 Первое объяснение исчерпывается подчеркиванием важности причины и совершенно игнорирует финальную значимость регрессивного процесса. Под таким углом зрения цивилизации становится простым восполнением табуированного инцеста. Второе объяснение, напротив, позволяет нам предвидеть последствия регрессии и в то же самое

время помогает понять значимость образов памяти, работа которых возобновляется благодаря способному к регрессии либидо. Каузалисту последняя интерпретация, естественно, кажется невероятно гипотетической, тогда как для финалиста «фиксация на матери» – это не более чем произвольное допущение. Такое допущение, возражает он, совершенно не обращает внимания на цель, которая единственно может нести ответственность за реактивацию материнского имаго. Адлер, например, выступает с многочисленными возражениями подобного рода против теории Фрейда. В своих *Символах трансформации* я пытался отдать должное обоим взглядам и столкнулся, к моему глубокому огорчению, с обвинением с обеих сторон в том, что я занимаю обскурантистскую и двусмысленную позицию. В этом случае я разделяю участь нейтральной стороны в военное время, даже самые честные намерения которой нередко отрицаются.

45 То, что для каузального взгляда является *фактом*, для финалистского служит *символом*, и наоборот. Все, что является реальным и существенным для одной точки зрения, нереально и несущественно для другой. Поэтому мы вынуждены прибегнуть к помощи антиномического постулата и, кроме того, непременно должны рассматривать мир как психический феномен. Конечно, науке необходимо знать, каковы вещи «сами по себе», но даже наука не может не принимать в расчет психологических условий познания, а уж психология должна быть особенно чуткой к этим условиям. Поскольку психическое всегда может быть рассмотрено с финалистской точки зрения, то психологически недопустимо занимать сугубо каузальную позицию в отношении психических феноменов, не говоря уже о всем хорошо знакомой монотонности их односторонних интерпретаций.

46 Символическая интерпретация причин при помощи энергетического подхода необходима для дифференциации психического, ибо, если факты не получают символической интерпретации, причины остаются неизменными субстанциями, продолжающими действовать постоянно, как мы это видим в старой фрейдовской теории травмы. Зацикливание на причине делает развитие невозможным. Для психического *reductio ad causam* противоположно развитию; оно привязывает либидо к элементарным фактам. С точки зрения рационализма, это максимум того, чего можно желать, однако, с точки зрения психического разъяснения, это безжизненная и неутешительная скука – хотя никогда не следует забывать, что для многих людей абсолютно необходимо держать свое либидо поближе к основным установкам, координирующим их жизнь. Однако, даже если данное требование исполняется, психическое не может вечно оставаться на одном и том же уровне и должно продолжать развиваться, причины же для достижения цели трансформируются в средства, в символические выражения на пути такого развития. Исключительное значение причины, то есть ее энергетическая ценность, тем самым исчезает и возникает снова в символе, сила притяжения которого репрезентирует равноценное количество либидо. Энергетическая ценность никогда не уничтожается постановкой произвольной и рациональной цели: последняя всегда является временной заменой.

47 Психическое развитие невозможно завершить исключительно в силу нашего замысла и желания; развитие нуждается в притяжении символа, ценностное количество которого превышало бы ценностное количество причины. Однако образования символа не может произойти до тех пор, пока разум достаточно не поразмышлял над элементарными фактами, иначе говоря, до тех пор, пока внутренняя или внешняя необходимость жизненного процесса не привели к трансформации энергии. Если человек всецело жил инстинктивно и автоматически, трансформация могла произойти в соответствии с чисто биологическими законами. У нас есть возможность все еще наблюдать нечто подобное в жизни первобытных племен, которая одновременно и совершенно конкретна, и совершенно символична. В цивилизованном человеке рационализм сознания, в других отношениях столь полезный для него, оказывается, представляет собой наиболее трудное препятствие для лишенной трений

трансформации энергии. Разум, всегда стремящийся избежать невыносимой для него антиномии, занимает позицию исключительно на одной или другой стороне и решительно стремится держаться однажды избранных им ценностей. Он и будет продолжать действовать так до тех пор, пока – на правах человеческого разума – не перестанет слыть «неизменной субстанцией» – тем самым устраняя всякую возможность символического взгляда на самого себя. Но разум лишь относителен и в конечном счете проверяется на своих же собственных антиномиях. Он тоже является всего лишь средством к достижению цели, символическим выражением переходной стадии на пути развития.

с. Энтропия

48 Принцип эквивалентности – одно из предположений, имеющих практическое значение для теории энергии; другим предположением, необходимым и находящимся к первому в отношениях комплементарности, является принцип энтропии. Трансформации энергии возможны только как следствие различий по интенсивности энергетических проявлений. Согласно закону Карно, теплота может быть преобразована в работу только через переход от более теплого к более холодному телу. Но механическая работа постоянно преобразуется в теплоту, которая, вследствие ее уменьшающейся интенсивности, не может быть преобразована снова в работу. Таким способом закрытая энергетическая система постепенно уменьшает свои различия по интенсивности до равномерно распределенной температуры, в силу чего попытка любого дальнейшего изменения встречает препятствия.

49 Как показывает опыт, принцип энтропии знаком нам только в качестве принципа частичных процессов, образующих относительно закрытую систему. Душа (психическое) тоже может быть рассмотрена в качестве такой относительно закрытой системы, в которой трансформации энергии приводят к выравниванию различий. Согласно формулировке Больцмана⁴¹, этот выравнивающий процесс соответствует переходу от менее вероятного состояния к более вероятному, вследствие чего возможность дальнейшего изменения все более ограничивается. В психологическом отношении мы можем наблюдать этот процесс на практике в развитии устойчивой и относительно неизменной установки. После мощных колебаний вначале противоположности уравниваются друг друга, и постепенно развивается новая установка, окончательная устойчивость которой прямо пропорционально соответствует величине первоначальных различий. Чем больше напряжение между парами противоположностей, тем больше энергия, исходящая от них; а чем больше энергия, тем сильнее ее констеллирующая, притягивающая сила. Эта возрастающая сила притяжения соответствует более широкому объему констеллируемого психического материала, и чем больше этот объем, тем меньше вероятность последующих помех, которые могли бы возникнуть от трения с ранее не подвергавшимся констелляции материалом. По этой причине установка, сформировавшаяся в результате длительного процесса выравнивания, характеризуется особенной устойчивостью.

50 Повседневный психологический опыт служит доказательством этого утверждения. Самые напряженные конфликты, если их удастся преодолеть, оставляют после себя ощущение безопасности и покоя, которые нелегко нарушить, или же душевную надломленность, которая едва ли поддается исцелению. И наоборот, именно такие напряженные конфликты с их всепожирающим огнем необходимы для того, чтобы вызвать очень важные и продолжительные последствия в душе. Поскольку наш опыт ограничивается относительно закрытыми системами, мы никогда не имеем возможности наблюдать абсолютную психологическую энтропию; но чем более закрыта психологическая система, тем более отчетливо проявляется феномен энтропии⁴². Это особенно хорошо видно на примере тех ментальных

расстройств, при которых характерно интенсивное отстранение человека от окружающей среды. Так называемое «притупление аффекта» при *dementia praecox*, или шизофрении, возможно, лучше всего понимать как феномен энтропии. То же самое относится и ко всем так называемым дегенеративным явлениям, которые развиваются в рамках психологических установок, перманентно исключая всякую связь со средой. Сходным образом сознательно регулируемые процессы, такие как направленное мышление и направленное чувство, могут рассматриваться как относительно закрытые психологические системы. Эти функции основываются на принципе исключения нецелесообразного, или несоответствующего, которое могло бы привести к отклонению от избранного пути. Элементы, «имеющие отношение к делу», остаются включенными в процесс взаимного выравнивания и получают тем временем защиту от нарушающих равновесие влияний извне. Таким образом, спустя некоторое время они достигают своего вероятностного состояния, проявляющегося, скажем, в «продолжительном» убеждении или «глубоко укоренившейся» точке зрения и т. п. О том, насколько прочно укореняются подобные вещи, может судить всякий, кто пытался «растворить» такую структуру, например искоренить предубеждение или изменить умственную привычку. В истории народов такие изменения обходились реками пролитой крови. Но поскольку абсолютная изоляция невозможна (за исключением, может быть, патологических случаев), энергетический процесс продолжается в виде развития, хотя и с уменьшающейся интенсивностью и убывающим потенциалом вследствие «утраты трения».

51 Подобный способ смотреть на вещи давно известен. Принято говорить о «бурях юности», уступающих место «спокойствию старости», об «укоренившемся убеждении» после «борьбы с сомнениями», об «облегчении от внутреннего напряжения» и т. п. Все это – примеры произвольного энергетического подхода, разделяемого всеми и каждым. Разумеется, для ученого-психолога этот подход не представляет интереса до тех пор, пока он не почувствует потребности оценивать психологические ценности, тогда как для физиологической психологии данная проблема вообще не возникает. Психиатрия, в противоположность психологии, имеет как область знания чисто описательный характер, и до недавнего времени она совсем не занималась психологической каузальностью, фактически даже отрицала энергетический подход. Аналитическая психология, однако, была обязана учитывать энергетическую точку зрения, поскольку каузально-механистический метод фрейдовского психоанализа был недостаточен для того, чтобы оценить психологические ценности должным образом. Ценность нуждается для своего объяснения в квантитативном понятии, и квалитативное понятие, вроде сексуальности, никак не может выступать в роли его заместителя. Квалитативное понятие всегда является описанием вещи, субстанции; в то время как квантитативное имеет дело с отношениями интенсивности, и никогда – с субстанцией или вещью. Квалитативное понятие, не обозначающее субстанции, вещи или некоего факта, представляет собой более или менее произвольное исключение из правила, и как таковое я должен считать его квалитативным, гипостазированным понятием энергии. Научное каузальное объяснение временами нуждается в допущениях подобного рода, однако они не должны приниматься только ради того, чтобы сделать энергетический подход излишним. То же самое справедливо в отношении теории энергии, которая временами проявляет тенденцию отрицать субстанцию, чтобы превратиться в чисто телеологическую или финалистскую. Использовать квалитативное понятие в качестве замены понятия энергии совершенно недопустимо, поскольку подобная операция представляла бы собой спецификацию энергии, которая, фактически, есть сила. В биологии это был бы витализм, в психологии – сексуализм (Фрейд) или какой-либо другой «-изм», поскольку можно было бы показать, что в этом случае энергия психического как целое сводится к одной определенной силе или влечению. Но влечения, как мы показали, являются особыми формами энергии. Энергия включает влече-

ния в более высокое по степени обобщения понятие, и последнее не может выражать собою ничего другого, кроме отношений между психологическими ценностями.

d. Энергетизм и динамизм

52 Сказанное выше относится к *чистому* понятию энергии. Понятие энергии, подобно его корреляту, понятию времени, является, с одной стороны, непосредственно данной, априорной, интуитивной идеей⁴³, а с другой – конкретным, прикладным, или эмпирическим, понятием, извлекаемым из опыта, подобно всем научным объяснительным понятиям⁴⁴. *Прикладное* понятие энергии всегда связано с поведением сил, с субстанциями в движении; поскольку энергия доступна опыту не иначе, как через наблюдение движущихся тел. Поэтому на практике мы говорим об электрической и тому подобных энергиях, как если бы энергия была определенной силой. Такое слияние прикладного, или эмпирического, понятия с интуитивной идеей события приводит к постоянным смешениям «энергии» с «силой». Аналогичным образом психологическое понятие энергии является не чистым, но конкретным и прикладным понятием, предстающим перед нами в виде сексуальной, витальной, ментальной, моральной «энергии» и так далее. Иными словами, энергия предстает в форме влечения (drive), несомненно динамический характер которого служит для нас основанием для проведения концептуальной параллели с физическими силами.

53 Приложение чистого понятия к материалу опыта с необходимостью влечет за собой конкретизацию или визуализацию этого понятия, вследствие чего оно начинает выглядеть так, как если бы постулировалась некая субстанция. Так обстоит дело, например, с понятием эфира в физике, который несмотря на то, что является понятием, трактуется именно так, как если бы являлся субстанцией. Это смешение неизбежно, так как мы не способны вообразить себе количество, если последнее не является количеством чего-либо. Это что-либо и есть субстанция. Следовательно, всякое прикладное понятие неизбежно гипостазировано, даже вопреки нашему желанию, хотя нам никогда не следует забывать, что то, с чем мы имеем дело, по-прежнему остается понятием.

54 Я предложил обозначать понятие энергии, используемое в аналитической психологии, словом «либидо». Возможно, выбор этого термина в некоторых отношениях не является идеальным, тем не менее, мне казалось, что он оправдан хотя бы из соображений исторической справедливости. Фрейд был первым, кто проследил до логического конца реально существующие динамические психологические взаимоотношения и представил их в последовательной форме, используя для этого удобный термин «либидо», хотя и со специфически сексуальной коннотацией, которую он придал ему в соответствии со своей общей отправной точкой, которой являлась сексуальность. Одновременно с «либидо» Фрейд использовал понятия «драйв», или «инстинкт» (например, «эго-инстинкты»)⁴⁵, и «психическая энергия». Поскольку Фрейд ограничивается почти исключительно сексуальностью и ее многообразными ответвлениями в психическом, сексуальное определение энергии как специфической влекущей силы вполне достаточно для его целей. Однако в общей психологической теории невозможно ограничиваться рассмотрением лишь сексуальной энергии, то есть одного специфического влечения, в качестве объяснительного принципа, так как трансформация психической энергии – вопрос не только сексуальной динамики. Сексуальная динамика – лишь один из частных случаев в общем поле психического. Нельзя отрицать ее существования, важно найти для нее правильное место.

55 Поскольку, вследствие конкретизирующего характера нашего мышления, прикладное понятие энергии тотчас же гипостазировано в качестве психических сил (влечений, аффектов и прочих динамических процессов), то ее конкретный характер получает, на мой

взгляд, надлежащее выражение в термине «либидо». Сходные понятия всегда использовались при обозначениях подобного рода: возьмем, например, шопенгауэровскую «Волю», #p#⁶ Аристотеля, платоновский Эрос, «любовь и ненависть начал» у Эмпедокла или бергсоновский *elan vital*⁷. От этих понятий я заимствовал только конкретный характер термина, но не его определение. В моей более ранней книге объяснение этого момента опущено, что привело к многочисленным недоразумениям, таким, например, как обвинение в том, что я построил своего рода виталистическую концепцию.

56 Хотя я не вкладываю никакого специфически сексуального содержания в слово «либидо»⁴⁶, нельзя отрицать существования сексуальной динамики в большей степени, чем любой другой динамики, например динамизма, связанного с потребностью в утолении голода и т. п. Еще в 1912 году я отметил, что моя концепция общего жизненного инстинкта, именуемого мною либидо, заменяет собой понятие «психической энергии», которым я пользовался в «Психологии Dementia Praecox». Тем не менее, я сознаю свою вину за то, что допустил тогда важную оплошность, а именно, представляя понятие либидо только в его психологической конкретности, я упустил из виду его метафизический аспект, который и является предметом настоящего обсуждения. Однако, оставляя понятие либидо полностью в его конкретной форме, я обращался с ним так, как если бы оно было гипостазировано. До сих пор мне приходится винить себя в том, что я создал повод для недоразумений. Поэтому я как можно отчетливее заявил в своей «Теории психоанализа»⁴⁷, опубликованной в 1913 году, что «либидо», о котором мы говорим, не только не конкретно или познаваемо, но представляет собой абсолютный Икс, чистейшую гипотезу, модель или контрмодель и не более конкретно постижимо, чем энергия, известная миру физиков. Следовательно, либидо – это лишь сокращенное обозначение для «энергетической точки зрения». В конкретных обстоятельствах мы никогда не будем в состоянии работать с чистыми понятиями, если только нам не удастся найти для феномена математическое выражение. Пока это невозможно, прикладное понятие автоматически будет гипостазироваться благодаря данным опыта.

57 Необходимо все же отметить еще одну неясность, проистекающую из конкретного применения понятия либидо и понятия энергии вообще, а именно неизбежное в практическом опыте смешение энергии с каузальным понятием следствия, которое вообще является не энергетическим, а динамическим.

58 Каузально-механистический взгляд на вещи видит последовательность фактов *a-b-c-d* следующим образом: *a* является причиной *b*, *b* – причиной *c* и так далее. Здесь понятие следствия предстает как обозначение качества в виде «свойства» причины, другими словами, как нечто, имеющее отношение к динамизму. С другой стороны, финалистски-энергетический взгляд так видит данную последовательность: *a-b-c* являются средством для трансформации энергии, которая беспричинно течет из *a*, представляющего собой менее вероятное состояние, энтропически к *b-c* и таким способом к более вероятному состоянию *d*. В данном случае действие причины полностью игнорируется, поскольку только интенсивности следствия принимаются в расчет. А так как интенсивности – одни и те же, то вместо *a-b-c-d* с таким же успехом можно было бы поставить *w-x-y-z*.

59 Исходный факт опыта в обоих случаях – последовательность *a-b-c-d*, однако разница состоит в том, что механистический взгляд из наблюдаемого им действия причины делает заключение о динамизме, в то время как энергетический взгляд делает объектом наблюдения скорее эквивалентность трансформированного следствия, нежели действие причины. Иными словами, оба подхода наблюдают последовательность *a-b-c-d*, один качественно, другой количественно. Каузальный способ мышления отделяет динамическое

⁶ Желание, побуждение (*греч.*).

⁷ Жизненный порыв (*франц.*).

понятие от исходного факта опыта, в то время как финалистская точка зрения прилагает свое отвлеченное понятие энергии к сфере наблюдения и позволяет ему, так сказать, динамизироваться. Несмотря на свои эпистемологические различия, о большей абсолютности которых не приходится и мечтать, оба способа наблюдения неизбежно смешиваются в понятии силы – каузальный взгляд, артикулирующий свое отвлеченное восприятие действующего качества через понятие динамизма, и финалистский взгляд, позволяющий своему отвлеченному понятию конкретизироваться посредством применения. Таким образом, механист говорит об «энергии *психического*», тогда как энергетист – о «психической *энергии*». Из сказанного достаточно ясно, что один и тот же процесс обнаруживает разные формы или аспекты в зависимости от точек зрения, с которых он рассматривается.

III. Фундаментальные понятия теории либидо

а. Прогрессия и регрессия

60 К числу наиболее важных энергетических явлений психической жизни относятся прогрессия и регрессия либидо. Прогрессию можно было бы определить как постоянное становление и укрепление процесса психологической адаптации. Мы знаем, что адаптация не есть нечто, что достигается раз и навсегда, хотя и существует тенденция утверждать противоположное. Эта тенденция является результатом ошибочного понимания психической установки личности, необходимой для подлинной адаптации. Наши действия удовлетворяют требованиям адаптации только благодаря правильно направленной установке. Следовательно, достижение адаптации проходит через две стадии: (1) приобретение установки, (2) осуществление адаптации посредством этой установки. Отношение человека к реальности представляет собой нечто удивительно устойчивое, однако чем устойчивее его психические склонности, тем менее постоянным будет достижение им эффективной адаптации. В этом следует видеть неизбежный результат непрерывных изменений в окружающей среде и требуемых ими новых адаптаций.

61 Следовательно, можно говорить о том, что прогрессия либидо заключается в непрерывном удовлетворении требований, порождаемых условиями окружающей среды. Такое удовлетворение возможно лишь при помощи определенной установки, которая как таковая неизбежно имеет направленный характер и поэтому характеризуется известной односторонностью. Таким образом, легко может случиться, что установка более не способна удовлетворять требованиям адаптации, потому что в условиях окружающей среды произошли изменения, которые требуют иной установки. Не исключено, например, что установка на чувство (*feeling-attitude*), стремящаяся исполнить требования реальности посредством эмпатии, сталкивается с ситуацией, которая может быть разрешена только при помощи мышления. В таком случае установка на чувство нарушается и прогрессия либидо тоже прекращается. Жизненное чувство, присутствовавшее до этого, исчезает, а вместо него возрастает психическое значение определенных сознательных содержаний, причем этот рост сопровождается весьма неприятными ощущениями; субъективные содержания и реакции резко выступают вперед, и складывающаяся ситуация наполняется аффектами, способными привести к эмоциональному взрыву. Эти симптомы служат указанием на преграды, возникающие на пути либидо, и остановка в его движении всегда ознаменовывается распадом пар противоположностей. Во время прогрессии либидо пары противоположностей объединяются в скоординированном потоке психических процессов. Их совместная работа делает возможным сбалансированное и правильное протекание этих процессов, тогда как в условиях отсутствия внутренней полярности последние могли бы стать односторонними и трудно осмысля-

емыми. Поэтому мы имеем основание рассматривать всякое экстравагантное и чрезмерное поведение как следствие утраты равновесия, поскольку координирующий эффект противоположного импульса явно недостаточен. Поэтому для прогрессии, которая есть не что иное, как успешное достижение адаптации, крайне важно, чтобы импульс и контримпульс, положительное и отрицательное достигли бы состояния правильного взаимодействия и взаимовлияния. Такое уравнивание и объединение пар противоположностей можно наблюдать, например, в процессе размышления, предшествующего принятию трудного решения. Но при остановке либидо, происходящей в тех случаях, когда прогрессия стала невозможной, положительное и отрицательное не могут больше объединяться в координированном действии, поскольку оба процесса обрели равную ценность и находятся в равновесии. Чем дольше продолжается остановка, тем больше возрастает ценность противостоящих позиций; они все более и более обогащаются ассоциациями и привязывают к себе постоянно расширяющуюся сферу психического материала. Напряжение приводит к конфликту, конфликт – к попыткам взаимного вытеснения, и, если одну из противостоящих сил удастся вытеснить, это приводит к диссоциации, расщеплению личности или разобщению с собой. Сцена в таком случае подготовлена для невроза. Поступки, являющиеся следствием подобного состояния, не скоординированы, иногда патологичны и внешне не отличаются от автоматических действий. Хотя в целом эти поступки нормальны, они частично основываются на вытесненной противоположности, которая вместо того, чтобы работать в качестве уравнивающей силы, оказывает блокирующее воздействие, препятствуя тем самым дальнейшему прогрессу.

62 Борьба противоположностей продолжала бы и дальше тянуться подобным бесплодным образом, если бы вследствие вспыхнувшего конфликта не начинался процесс регрессии, обратного движения либидо. Благодаря своей коллизии противоположности постепенно лишаются ценности и ослабевают. Эта утрата ценностей устойчиво прогрессирует и является единственным, что замечает сознание. Она тождественна с регрессией, поскольку, соразмерно с уменьшением ценности сознательных противоположностей, увеличивается ценность всех тех психических процессов, которые не имеют отношения к внешней адаптации и поэтому редко или даже совсем не применяются сознательно. Эти психические факторы по большей части являются бессознательными. Естественно предположить, что, по мере того как ценность сублиминальных элементов и бессознательного увеличивается, они оказывают все большее влияние на сознательный разум. Вследствие тормозящего воздействия, которое сознание оказывает на бессознательное, бессознательные ценности утверждаются поначалу только косвенно. Торможение, которому они подвергаются, – результат специфической направленности сознательных содержаний. (Это торможение идентично тому, что Фрейд называет «цензором».) Косвенная манифестация бессознательного принимает форму нарушений в сознательном поведении. В ассоциативном эксперименте они выступают в виде указателей на комплекс (комплекс-индикаторов), в повседневной жизни – в виде «симптоматических действий», впервые описанных Фрейдом, а при невротических состояниях заявляют о себе в качестве симптомов.

63 Поскольку регрессия повышает ценность содержаний, которые были до этого исключены из сознательного процесса адаптации и поэтому являлись или полностью бессознательными, или только «смутно осознаваемыми», то психические элементы, вынужденные теперь переступить порог сознания, представляются в данный момент бесполезными с точки зрения адаптации и по этой причине неизменно удерживаются направленной психической функцией на известном расстоянии. Природа этих содержаний известна всем, кто хорошо знаком с фрейдистской литературой. Они имеют не только инфантильно-сексуальный характер, но и представляют собой совершенно несовместимые содержания и тенденции, отчасти аморальные, отчасти неэстетичные, отчасти иррационального, нереального

свойства. Явно подчиненный характер этих содержаний в контексте адаптации стал причиной того, что «психические задворки» выглядят столь неприглядно, как это принято в психоаналитических работах⁴⁸. То, что регрессия выносит на поверхность, на первый взгляд, несомненно, кажется какой-то липкой грязью, поднявшейся из глубин; но если мы не ограничиваемся поверхностной оценкой и воздерживаемся от беглого суждения на основе заранее сложившейся догмы, то обнаруживается, что эта «липкая грязь» содержит в себе не только несовместимые и отвергнутые остатки повседневной жизни или вызывающие неудобство и предосудительные животные наклонности, но и зародыши новой жизни и жизненных возможностей для будущего⁴⁹. Величайшая заслуга психоанализа состоит в том, что он не боится поглубже заглянуть в несовместимые элементы и разобраться в них, что было бы совершенно бесполезным и, действительно, предосудительным предприятием, если бы не открывало возможностей новой жизни, скрывающейся в вытесненных содержаниях. То, что такие возможности есть, доказывается не только богатством практического опыта, но и может быть выведено логическим путем из следующих соображений.

64 Процесс адаптации нуждается в направленной сознательной функции, характеризующейся внутренней последовательностью и логической согласованностью. Поскольку такая функция имеет направленный характер, любое несоответствующее ей содержание должно быть исключено, чтобы сохранить целостность направления. Несоответствующие элементы подвергаются торможению и посредством этого ускользают от внимания. Опыт показывает, что существует только *одна* сознательно направленная функция адаптации. Если, например, мне свойственна мыслительная ориентация, то я не могу одновременно ориентироваться при помощи чувства, поскольку мышление и чувство – две совершенно различные функции. Фактически, я должен тщательно исключить чувство, если не хочу вступать в конфликт с логическими законами мышления – с тем, чтобы мыслительный процесс не был нарушен чувством. В данном случае я отвожу максимум либидо из чувственного процесса, в результате чего функция чувства становится относительно бессознательной. С другой стороны, опыт показывает, что ориентация – в значительной степени дело привычки; в соответствии с этим другие неподходящие функции, в той степени, в какой они несовместимы с преобладающей установкой, относительно бессознательны и поэтому не применяются, не развиваются и не дифференцируются. Более того, исходя из принципа сосуществования, они неизбежно ассоциируются с другими содержаниями бессознательного. Следовательно, в тех случаях, когда эти функции активизируются с помощью регрессии и столь чтимого сознания, то они появляются в несколько неуклюжем виде, в странном одеянии и покрытыми липкой грязью глубин.

65 Если мы вспомним, что приостановка либидо была обусловлена неудачей сознательной установки, мы сможем понять, сколь ценные семена лежат в бессознательных содержаниях, активизируемых регрессией. Эти семена содержат в себе элементы той, другой функции, которая была исключена сознательной установкой и которая была бы способна эффективно дополнить или даже заменить неадекватную сознательную установку. Если мышление терпит неудачу в качестве адаптирующей функции, поскольку имеет дело с ситуацией, к которой можно адаптироваться только при помощи чувства, то бессознательный материал, активизированный регрессией, будет содержать в себе недостающую функцию чувствования, хотя и находящуюся еще в эмбриональной форме, архаическую и неразвитую. Аналогичным образом в противоположном случае регрессия активизировала бы мыслительную функцию, которая эффективно компенсировала бы неадекватную функцию чувствования.

66 Активизируя бессознательный фактор, регрессия противостоит сознанию, выдвигая на авансцену внутреннюю проблему психического, противоположную целям внешней адаптации. Естественно, что сознательный разум должен противиться принятию регрессив-

ных содержаний, тем не менее, в конечном счете он вынужден, вследствие невозможности дальнейшего прогресса, подчиниться регрессивным ценностям. Иными словами, регрессия приводит к необходимости адаптироваться к внутреннему миру души.

67 Так же как адаптация к окружающей среде может потерпеть неудачу из-за односторонности адаптируемой функции, так и адаптация к внутреннему миру может не удалиться вследствие односторонности рассматриваемой функции. Например, если приостановка либидо явилась результатом неспособности мыслительной установки справиться с требованиями внешней адаптации и если бессознательная функция чувствования активизируется посредством регрессии, то к внутреннему миру имеет отношение только установка на чувства. Поначалу этого может быть достаточно, но по истечении некоторого времени такое положение уже не будет отвечать необходимым требованиям, и мыслительной функции тоже придется заручиться какой-то поддержкой, точно такой же поворот к противоположному был необходим, когда ей приходилось иметь дело с внешним миром. Таким образом, полная ориентация на внутренний мир становится необходимой лишь до тех пор, пока не достигнута внутренняя адаптация. Как только адаптация достигнута, прогрессия может начаться сызнова.

68 Принцип прогрессии и регрессии изображается в мифе о ките-драконе, разработанном Фробениусом⁵⁰, как я подробно показал в своей книге *Символы трансформации* (pars. 307 ff). Герой мифа является символическим выразителем движения. Вход в чрево дракона представляет собой движение в регрессивном направлении, а путешествие на восток («ночное плавание по морю») с сопровождающими его событиями символизирует попытку адаптироваться к условиям психического внутреннего мира. Полное поглощение героя и исчезновение его в чреве чудовища репрезентирует полный отвод интереса от внешнего мира. Одоление чудовища изнутри есть достижение адаптации к условиям внутреннего мира, а выход на поверхность («выскальзывание») героя из чрева чудовища с помощью птицы, происходящий в момент восхода солнца, символизирует возобновление прогрессии.

69 Характерно, что в то время, как герой проглатывается чудовищем, оно начинает ночное плавание по морю на восток, то есть по направлению к восходу солнца. Мне кажется, это служит указанием на то, что регрессия не обязательно есть ретроградный шаг в смысле обратного движения или дегенерации, но, скорее, представляет собой необходимую фазу развития. Индивид, тем не менее, не осознает, что в ходе регрессии он развивается; он ощущает, что находится в принудительной ситуации, напоминающей раннее инфантильное состояние или даже эмбрионическое состояние внутри материнского чрева. И только в том случае, если он застревает в данном состоянии, можно говорить об обратном развитии (инволюции) или дегенерации.

70 С другой стороны, *прогрессию* не следует смешивать с *развитием*, ибо непрерывный жизненный поток необязательно представляет собой развитие и дифференциацию. С первобытных времен определенные растительные и животные виды останавливались в своем развитии на мертвой точке, без дальнейшей дифференциации, и, тем не менее, продолжали существовать. Точно таким же образом психическая жизнь человека способна быть прогрессивной без эволюции и регрессивной без инволюции. Эволюция и инволюция, на самом деле, не являются непосредственно связанными с прогрессией и регрессией, поскольку последние являются простыми жизне-движениями, которые, несмотря на свойственное им направление, фактически имеют статический характер. Они соответствуют тому, что Гете удачно описал как систолу и диастолу⁵¹.

71 Много возражений было высказано по поводу мнения, что мифы представляют психологические факты. Люди очень неохотно отказываются от представления, что миф является своеобразным видом объяснительной аллегории астрономических, метеорологических или растительных процессов. Существования объяснительных тенденций в мифах, разуме-

ется, нельзя отрицать, поскольку нет недостатка в доказательствах того, что мифы имеют также и объяснительное значение, однако мы по-прежнему стоим перед вопросом: почему мифы вынуждены объяснять вещи подобным аллегорическим способом? Важно понять, откуда первобытные люди черпают свой объяснительный материал, ибо не следует забывать, что их потребность в причинных объяснениях отнюдь не столь велика, как у нас. Первобытный человек гораздо более интересуется плетением выдумок, нежели объяснением вещей. Мы имеем возможность на примере наших пациентов почти ежедневно видеть, каким образом возникают мифические фантазии: они не выдумываются, но являются в виде образов или цепочек представлений, которые прокладывают себе путь из бессознательного, и когда их подробно излагают, то они часто имеют характер связанных эпизодов, напоминающих мифические драмы. Вот как возникают мифы, и вот причина того, что фантазии, рожденные бессознательным, имеют так много общего с примитивными мифами. Но поскольку миф вообще является лишь проекцией, падающей из бессознательного, а не сознательным изобретением, то вполне понятно, что нам повсюду приходится сталкиваться с одними и теми же мифами-мотивами и что мифы, по существу, представляют собой типичные психические явления.

72 Нам необходимо теперь рассмотреть, как следует понимать процессы прогрессии и регрессии в энергетическом отношении. То, что они, по существу, являются динамическими процессами, к настоящему времени достаточно ясно. Прогрессию можно было бы сравнить с водным потоком, стекающим с горы в долину. Возникновение преграды на пути либидо аналогично специфическому препятствию на пути водного потока, такому, например, как плотина, которая трансформирует кинетическую энергию потока в потенциальную энергию водохранилища. Задержанная таким образом, вода загоняется в другой канал, если в результате создания преграды она достигает уровня, позволяющего части ее потечь в еще одном направлении. Возможно, она направится в канал, в котором энергия, возникающая из-за разности в потенциале, трансформируется посредством турбины в электричество. Эта трансформация могла бы служить моделью для новой прогрессии, осуществляемой посредством возникновения преграды и регрессии, причем об изменившемся характере прогрессии свидетельствовал бы новый способ, каким энергия теперь проявляет себя. В этом процессе трансформации принцип эквивалентности имеет особую эвристическую ценность: интенсивность прогрессии снова заявляет о себе в интенсивности регрессии.

73 Основной постулат энергетической точки зрения касается не существования прогрессии и регрессии либидо, а только необходимости эквивалентных трансформаций, поскольку энергетика имеет дело исключительно с количеством и не пытается объяснять качество. Поэтому прогрессия и регрессия – это специфические процессы, которые следует понимать как динамические и которые как таковые обусловлены качествами материи. Они ни в коем смысле не могут быть выводимы из сущностного характера понятия энергии несмотря на то, что в своих взаимных отношениях могут пониматься исключительно энергетически. Почему прогрессии и регрессии вообще следует существовать, можно объяснить только свойствами материи, то есть посредством механистически-каузальной гипотезы.

74 Прогрессия как непрерывный процесс адаптации к условиям окружающей среды происходит из жизненной потребности в такой адаптации. Ее необходимость обеспечивает полную ориентацию на эти условия и вытеснение всех тех тенденций и возможностей, которые содействуют индивидуации.

75 С другой стороны, регрессия как адаптация к условиям внутреннего мира берет свое начало в жизненной потребности удовлетворить требования индивидуации. Человек не есть машина в том смысле, что он способен последовательно поддерживать один и тот же уровень трудовой отдачи. Идеальным образом он способен удовлетворять требованиям внешней необходимости лишь в том случае, если адаптируется также и к собственному внутрен-

нему миру, то есть если он пребывает в согласии с самим собой. И наоборот, он способен адаптироваться к своему внутреннему миру и достичь согласия с самим собой лишь в том случае, если он адаптируется к условиям окружающей среды. Как показывает опыт, пренебрегать той или другой функцией можно только в течение определенного времени. Если, например, имеет место односторонняя адаптация только на внешний мир, тогда как внутренним пренебрегают, то ценность внутреннего мира постепенно увеличится, и это проявится во вторжении личных элементов в сферу внешней адаптации. Мне довелось видеть радикальный пример только что сказанного: фабриканта, сумевшего добиться успеха и процветания в своей области, стали посещать воспоминания об определенной поре его юности, когда он получал большое удовольствие от занятий искусством. Он ощутил потребность вернуться к этим занятиям и начал создавать художественные проекты оформления товаров, изготавливаемых его фабрикой. Результатом стало то, что никто не хотел покупать эти художественно оформленные продукты, и через несколько лет наш фабрикант стал банкротом. Его ошибка заключалась в перенесении во внешний мир того, что принадлежало миру внутреннему, вследствие неправильно истолкованных им требований индивидуации. Поэтому поразительную неудачу функции, которая была до этого адекватно адаптирована, можно объяснить только этим типично неправильным истолкованием внутренних требований.

76 Несмотря на то, что прогрессия и регрессия в каузальном плане имеют свое основание, с одной стороны, в характере жизне-процессов, а с другой, в условиях окружающей среды, тем не менее, если взглянуть на них с энергетической точки зрения, то придется представить их только в качестве средств, в качестве транзитных промежуточных стадий на пути следования энергии. Если рассматривать их под таким углом, то прогрессия и достигаемая посредством нее адаптация есть средства к регрессии, к манифестации внутреннего мира во внешнем. Таким путем создаются новые средства для изменившегося вида прогрессии, несущие с собой наилучшую форму адаптации к условиям окружающей среды.

в. Экстраверсия и интроверсия

77 Прогрессию и регрессию можно связать с экстраверсией и интроверсией: прогрессия как адаптация к внешним условиям может рассматриваться в таком случае в качестве экстраверсии; регрессия же как адаптация к внутренним условиям – в качестве интроверсии. Однако эта параллель обычно приводит к заметной путанице в понятиях, поскольку прогрессия и регрессия, в лучшем случае, представляют собой лишь смутные аналогии экстраверсии и интроверсии. В действительности последние два понятия репрезентируют динамизмы другого рода, нежели прогрессия и регрессия. Прогрессия и регрессия – это динамические формы конкретно детерминированной трансформации энергии, тогда как экстраверсия и интроверсия являются формами, которые могут принимать как прогрессия, так и регрессия, на что указывают сами их названия. Прогрессия есть движение жизни вперед – в том же самом смысле, в каком вперед движется время. Это движение может происходить в двух различных формах: или экстравертированной, когда прогрессия находится под преобладающим воздействием на нее объектов и условий окружающей среды, или интровертированной, когда ей приходится адаптироваться к условиям эго (или, более правильно, «субъективного фактора»). Аналогичным образом, регрессия может идти в двух направлениях: либо как отдаление от внешнего мира (интроверсия), либо как бегство в экстравагантное переживание (экстраверсия). Неудача в первом случае вводит человека в состояние постоянной тупой задумчивости, во втором – превращает в банального прожигателя жизни. Эти два разных способа реагирования, которые я назвал интроверсией и экстраверсией, соответствуют двум противоположным типам установки и подробно описываются в моей книге *Психологические типы*.

78 Либи́до движется не только вперед и назад, но и наружу и вовнутрь. Психология движения в двух последних из названных направлений достаточно подробно описывается в моей книге о типах, поэтому я могу воздержаться здесь от дальнейшей ее разработки.

с. Канализация либидо

79 В *Символах трансформации* (pars. 203 f.) я употребил выражение «канализация либидо» для характеристики процесса энергетической трансформации или конверсии. Этим понятием я обозначаю перенос психических интенсивностей или ценностей от одного содержания к другому – процесс, соответствующий физической трансформации энергии: например, в паровой машине происходит конверсия теплоты в давление пара и затем в энергию движения. Аналогичным образом, энергия определенных психологических феноменов конвертируется при помощи соответствующих средств в динамизмы иного рода. В вышеупомянутой книге я привел примеры подобных процессов трансформации, и нет необходимости подробно останавливаться на них в данном случае.

80 Когда Природа предоставлена самой себе, энергия трансформируется в направлении ее естественного «градиента». Естественные феномены таким способом продуцируются, но не «работают». Точно так же и человек, когда он предоставлен самому себе, существует в качестве природного явления и, в собственном смысле этого слова, не производит никакой работы. И лишь культура обеспечивает человека «машиной», благодаря которой естественный градиент используется для осуществления работы. То, что человек, по всей вероятности, постоянно думал об изобретении этой «машины», может быть связано с чем-то, глубоко укорененным в его природе, по существу же – в природе живого организма как такового. Ибо сама живая материя является трансформатором энергии, и некоторым – доселе неведомым – образом жизнь принимает участие в процессе трансформации. Жизнь течет так, словно бы использует природные физические и химические условия в качестве средств для своего собственного существования. Живое тело – машина для преобразования энергий, которые оно использует в других динамических проявлениях, служащих их эквивалентами. Мы не можем сказать, что физическая энергия преобразуется в жизнь – лишь то, что ее трансформация является выражением жизни.

81 Точно так же, как живое тело в своей целостности является машиной, другие формы адаптации к физическим и химическим условиям обладают ценностью механизмов, делающих возможными различные формы трансформации. Поэтому все те средства, которые животное использует для самосохранения и продления своего существования – помимо непосредственного питания своего тела – могут рассматриваться в качестве машин, использующих естественный градиент для осуществления работы. Когда бобр валит деревья и перегораживает реку, он производит работу, обусловленную его дифференциацией. Эта дифференциация – продукт того, что можно было бы назвать «природной культурой», которая функционирует в качестве трансформатора энергии, в качестве машины. Аналогичным образом, и человеческая культура, как естественный продукт дифференциации, является машиной; прежде всего, технической машиной, утилизирующей природные условия для трансформации физической и химической энергии, но, помимо этого, и психической машиной, утилизирующей психические условия для трансформации либидо.

82 Так же как человеку удалось изобрести турбину и посредством направления на нее потока воды трансформировать кинетическую энергию последней в электричество, которое может применяться различным образом, точно так же ему удалось, с помощью психического механизма, преобразовать и природные инстинкты, которые, в противном случае, последовали бы своему градиенту без осуществления работы и перешли бы в другие динамические формы, соответствующие инстинктивному существованию.

83 Трансформация энергии инстинкта достигается при помощи ее канализации в *аналог объекта инстинкта*. Так же как электростанция имитирует водопад и тем самым овладевает его энергией, так и психический механизм имитирует инстинкт и тем самым получает возможность приложить его энергию к особым целям. Хорошим примером сказанного является весенняя церемония, совершаемая австралийским племенем вачанди⁵². Сначала вырывается яма в земле, а потом ей придается такая форма и она так огораживается со всех сторон кустарником, что напоминает женский половой орган. Затем вокруг этой ямы пляшут всю ночь, причем держат копья перед собой таким образом, что они напоминают мужской орган в состоянии эрекции. Во время этой круговой пляски вачанди тычут свои копья в яму с криками: «Pulli nira, pulli nira, wataka!» (не пронзай, не пронзай же женский половой орган!). Во время этой церемонии никому из ее участников не разрешается смотреть на женщин.

84 С помощью описанной выше дыры вачанди воссоздают женский половой орган, объект природного инстинкта. При помощи повторяющихся выкриков и экстатической пляски они внушают себе, что дыра – это действительно вульва, а чтобы эта иллюзия не была разрушена реальным объектом инстинкта, никто из участников церемонии не имеет права смотреть на женщину. Нет сомнения, что в данном случае мы имеем дело с канализацией энергии и ее переносом на аналог первоначального объекта посредством танца (который фактически является брачным танцем, как у птиц и других животных) и имитации полового акта⁵³.

85 Этот танец имеет особое значение в качестве церемонии оплодотворения земли и поэтому совершается весной. Он играет роль магического акта, целью которого является перенос либидо в землю, благодаря чему земля приобретает особую психическую ценность и становится объектом ожидания. Психика в этом случае напряженно занята землей, и та, в свою очередь, воздействует на нее, так что налицо возможность и даже вероятность того, что человек уделит ей свое внимание, что является необходимым психологическим условием для ее возделывания. Действительно, земледелие возникло, хотя это и не следует понимать в абсолютном смысле, из образования сексуальных аналогий. «Свадебная постель в поле» – пример канализационной церемонии подобного рода: весенней ночью крестьянин берет с собой в поле жену и там вступает с нею в половую связь, для того чтобы сделать землю плодородной. Таким путем устанавливается очень тесная аналогия, действующая подобно каналу, подводящему воду из реки к электростанции. Энергия инстинкта оказывается тесно связанной с полем, вследствие чего возделывание последнего приобретает значение полового акта. Такая ассоциация обеспечивает постоянный приток интереса к полю, что, соответственно, развивает притяжение к нему у пахаря. Он, таким образом, вынужден заниматься полем так, чтобы это способствовало его плодородию.

86 Как убедительно показал Мерингер, ассоциация между либидо (также и в сексуальном смысле) и земледелием отражена в обыденном употреблении слов и выражений⁵⁴. Вложение либидо в землю достигается не только посредством сексуальной аналогии, но и при помощи «магического касания», как мы это видим в обычае катания (walzen, walen) по полю⁵⁵.

Для первобытного человека канализация либидо носит настолько конкретный характер, что он даже само утомление от работы ощущает как состояние «высосанности» его демоном поля⁵⁶. Все основные предприятия и усилия, такие как вспашка земли, охота, война и т. п., начинаются с церемоний, имеющих своей целью установление магической аналогии, или с предварительных заклинаний, которые, вне всяких сомнений, имеют психологическую цель канализации либидо в необходимый вид деятельности.

В танцах буйволов у индейского племени таос пуэбло танцоры изображают не только охотников, но и охоту. Благодаря возбуждению и наслаждению, получаемым от танца,

либидо канализуется в форму охотничьей деятельности. Наслаждение, без которого в данном случае не обойтись, порождается ритмическими звуками барабанов и волнующими напевами стариков, которые руководят всей церемонией. Хорошо известно, что пожилые люди живут своими воспоминаниями и любят поговорить о своих прежних подвигах; это «воодушевляет» их. Воодушевление «разжигает», и, в известном смысле, старики дают первый толчок танцу, миметической церемонии, цель которой – приучить юношей и мальчиков к охоте, подготовить их к ней психологически. Сходные *rites d'entree*⁸ подробно описаны применительно ко многим примитивным племенам⁵⁷. Классический пример подобного обряда – церемония под названием *atninga* у австралийского племени арунтас. Она призвана возбудить гнев у членов племени, собирающегося в поход с целью отмщения. Задача возбуждения гнева выполняется вождем, который привязывает волосы мертвеца, за которого необходимо отомстить, к рту и пенису члена племени, которого нужно привести в состояние гнева. Затем вождь становится на колени перед этим человеком и заключает его в объятия, как бы осуществляя с ним половой акт⁵⁸. Предполагается, что таким путем «внутренности» данного человека загорятся желанием отомстить убийце». Смысл церемонии, очевидно, в том, чтобы вызвать у каждого члена племени ощущение интимного знакомства с убитым, так чтобы каждый находился в состоянии готовности отомстить за него.

87 Чудовищная сложность таких церемоний показывает, сколь много усилий требуется, чтобы отвести либидо от его естественного русла, по которому оно привычно течет в повседневной жизни, в сферу довольно необычной деятельности. Современный ум считает, что этого можно достичь простым усилием воли и что нет необходимости во всевозможных магических церемониях – что объясняет, почему так много времени было потрачено, чтобы понять их правильно. Но если мы будем помнить, что первобытный человек гораздо более бессознателен и в гораздо большей степени «природное явление» по сравнению с нами, а также почти не имеет представления о том, что мы называем «волей», тогда нетрудно понять, почему он нуждается в усложненных церемониях там, где для нас достаточно простого волевого акта. Мы более сознательны, иначе говоря, более цивилизованны. В ходе тысячелетий нам удалось не только покорить дикую природу вокруг нас, но и подчинить нашу собственную дикость – по крайней мере, на время и по настоящий момент. Во всех событиях мы выступаем в качестве обладателей «воли», то есть энергии, которую можно использовать, и хотя, возможно, этого количества и недостаточно, тем не менее, это больше того, чем обладают первобытные люди. Мы больше не нуждаемся в магических танцах, делающих нас «сильными», перед совершением задуманного нами, по крайней мере, в обыденной жизни. Но если нам приходится иметь дело с чем-то, что превосходит наши силы, или с чем-то, успешный исход чего отнюдь не гарантирован, тогда мы торжественно закладываем краеугольный камень с благословения Церкви или «крестим» корабль в тот момент, когда он соскальзывает со стапелей; во время войны мы заручаемся поддержкой со стороны патристического Бога, и потный страх срывает пылкую молитву с уст даже самого отважного бойца. Поэтому достаточно лишь тени небезопасных обстоятельств, чтобы «магические» формальности были воскрешены самым естественным образом. Благодаря этим церемониям высвобождаются более глубокие эмоциональные силы; убеждение превращается в слепое самовнушение, а психическое поле зрения сужается до одной неподвижной точки, на которой сосредоточивается все давление бессознательных сил. А то, что успех сопутствует скорее уверенному, чем неуверенному человеку, по сути, объективный факт.

⁸ Обряды введения (франц.).

d. Образование символа

88 Психологическим механизмом, трансформирующим энергию, служит символ. Под символом я имею в виду реальный символ, а не знак. Дыра в земле у вачанди является не знаком женских половых органов, а символом, означающим представление о земле-женщине, которую необходимо сделать плодородной. Принять эту землю-женщину за человеческую женщину означало бы интерпретировать символ семиотически, и это роковым образом нарушило бы ценность церемонии. Именно по этой причине никто из танцующих не имеет права взглянуть на женщину. Психологический механизм был бы разрушен семиотической интерпретацией – это было бы все равно что разбить вдребезги трубу турбины, подводящую воду, на том основании, что она представляет собой слишком неестественный водопад, обязанный своим существованием подавлению естественных условий. Я далек от того, чтобы считать, что семиотическая интерпретация бессмысленна; она не только возможна, но и достаточно правильна. Ее полезность неоспорима во всех тех случаях, когда природе просто перечат – без какой-либо эффективной работы, являющейся следствием этого. Но семиотическая интерпретация становится бессмысленной, когда используется только она и применяется схематически – короче говоря, когда она игнорирует реальную природу символа и снижает его ценность до простого знака.

89 Первым успехом, отвоеванным первобытным человеком у инстинктивной энергии – путем построения аналогий, – оказалась магия. Церемония носит магический характер до тех пор, пока она поддерживает состояние ожидания, даже если и не приносит при этом эффективных практических результатов. В этом случае энергия канализуется в новый объект и становится причиной нового динамизма, который, в свою очередь, продолжает оставаться магическим до тех пор, пока не обеспечит эффективной работы. Выгода, извлекаемая из магической церемонии, заключается в том, что объект, в который вновь вкладывается энергия, приобретает способствующий работе потенциал для психического. Вследствие его ценности он оказывает определяющее и стимулирующее воздействие на воображение; в течение продолжительного времени ум очарован им и находится в его власти. Это становится причиной действий, выполняемых на конкретном магическом объекте в полушутливой-полуигровой манере, причем большинство из таких действий имеют ритмический характер. Хорошим примером могут служить наскальные рисунки в Южной Америке, состоящие из борозд, глубоко вырезанных в каменной породе. Они сделаны индейцами, которые на протяжении многих столетий снова и снова шаловливо повторяли эти борозды с помощью острого камня. Содержание рисунков с трудом поддается интерпретации, однако деятельность, с ними связанная, несравненно более значима⁵⁹.

90 Влияние, оказываемое на психику магически действенным объектом, имеет и другие, не менее важные последствия. Благодаря длительному игровому интересу к объекту человек, вероятно, делает множество всевозможных открытий относительно этого объекта, которые в противном случае могли бы ускользнуть от его внимания. Как известно, много открытий было сделано именно таким образом. Недаром магию называют «матерью науки». До самого конца Средних веков то, что мы сегодня называем наукой, являлось не чем иным, как магией. Поразительный пример этого – алхимия, символизм которой совершенно верно демонстрирует принцип трансформации энергии, описанный выше, причем более поздние алхимики полностью осознали этот факт⁶⁰. И лишь благодаря развитию магии в науку, то есть продвижению вперед от простого ожидания к реальной технической работе с объектом, мы приобрели то владычество над силами природы, о котором в век магии можно было только грезить. Исполнилась даже мечта алхимиков о трансмутации элементов, и

магическое действие на расстоянии сделалось реальностью благодаря открытию электричества. Поэтому у нас есть все основания высоко оценивать процесс образования символа и отдавать ему должное в качестве неопенимого средства использования простого потока инстинктивной энергии для эффективного труда. Водопад, несомненно, более красив, чем электростанция, но суровая необходимость учит нас ценить электрический свет и электрифицированную промышленность гораздо выше величественной расточительности водопада, заставляющего нас застыть в восхищении на четверть часа во время праздничной прогулки.

91 Подобно тому как в физической природе только очень малая доля природной энергии может быть преобразована в удобную для употребления форму, а значительно большей части ее приходится оставаться неиспользованной, растрчивая себя в природных явлениях, так и в нашей психической природе только незначительная часть всей энергии может быть отведена от своего естественного русла. Несравнимо большая часть не может быть использована нами, но уходит на то, чтобы поддерживать нормальный ход жизни. Отсюда явствует, что либидо предназначено природой для разнообразных функциональных систем, из которых оно не может быть полностью изъято. Либидо вложено, или «инвестировано», в эти функции в качестве специфической силы, которая не поддается трансформации. Лишь там, где символ предлагает более крутой, сравнительно с природой, градиент или уклон, становится возможным канализация либидо в другие формы. История цивилизации щедро демонстрирует, что человек обладает относительным избытком энергии, допускающим его применение помимо естественного ее течения. То, что символ делает это отклонение от естественного течения возможным, доказывает, что не все либидо поглощено определенной формой, которую навязывает естественное течение, но что сверх этого остается некоторое количество энергии, которое можно было бы назвать избыточным либидо. Понятно, что этот избыток может являться результатом неспособности прочно организованных функций уравниваться по своей интенсивности. Эти функции можно было бы сравнить с системой водопроводных труб, диаметр которых слишком мал, для того чтобы отвести воду, которая в них непрерывно поступает. Вода, в таком случае, была бы вынуждена тем или иным образом куда-то переливаться. Из этого избыточного либидо возникают определенные психические процессы, которые невозможно объяснить, а если их все-таки объясняют, то крайне неадекватно – как следствия естественных обстоятельств. Например, как мы должны объяснять религиозные процессы, природа которых, по существу, имеет символический характер? В абстрактной форме символами являются религиозные представления; в форме действия обряды или церемонии есть не что иное, как символы. Они представляют собой манифестацию и выражение избыточного либидо. В то же самое время символы играют роль «мостиков» для перехода к новым видам деятельности, которые следует определить как культурные, чтобы отличать их от инстинктивных функций, выполняющих свою обычную работу в соответствии с естественным законом.

92 Я назвал символ, преобразующий энергию, «аналогом либидо»⁶¹. Под таковым я имею в виду представление, которое способно дать эквивалентное выражение либидо и канализовать его в форме, отличной от первоначальной. В мифологии представлены многочисленные эквиваленты подобного рода, начиная от священных объектов, вроде *churingas*⁹, фетишей и т. п. до образов богов. Обряды, которыми окружаются священные объекты, нередко очень наглядно раскрывают свою природу как трансформаторов энергии. Так, первобытный человек ритмически потирает свою *churinga* и переводит в себя магическую силу, исходящую от фетиша, в то же самое время сообщая ему свежий «заряд» этой силы⁶². Более

⁹ *Churingas* – различные предметы у аборигенов Австралии, в которые превратились их мифические герои. Последние считаются воплощением родового тотема. – *Прим. ред.*

высокой стадией этого же направления мысли является представление о тотеме, которое тесно связано с истоками племенной жизни и прямо ведет к идее палладиума, покровительствующего племени божества, и вообще к идее организованного человеческого сообщества. Трансформация либидо посредством символа – процесс, начавшийся с первых шагов человечества и продолжающийся поныне. Символы никогда не изобретаются сознательно, но всегда поступают из бессознательного, в результате откровения или интуиции⁶³. Ввиду тесной связи между мифологическими символами и снами-символами, а также того, что сновидение – это «le dieu des sau-vages»¹⁰, более чем вероятно, что большинство исторических символов ведет свое происхождение непосредственно от сновидений или, по крайней мере, находится под их воздействием⁶⁴. Мы знаем, что это справедливо в отношении выбора тотема и что имеются аналогичные свидетельства относительно выбора богов. Эта извечная функция символа сохраняется и в наши дни несмотря на то, что в течение многих столетий общее направление умственного развития предполагало подавление индивидуального образования символов. Одним из первых шагов в этом направлении стало установление официальной государственной религии, следующим шагом было уничтожение политеизма, первая, неудавшаяся попытка которого содержится в реформах Аменхотепа IV. Нам известна исключительная роль, принадлежащая христианству в подавлении индивидуального образования символов. Но постепенно интенсивность христианской идеи спадает, и нам, возможно, предстоит увидеть новую вспышку индивидуального символаобразования. Необычайный рост числа христианских сект начиная с восемнадцатого века, века Просвещения, служит тому красноречивым подтверждением. Христианская наука, теософия, антропософия и «Маздазнан» являются дальнейшими шагами по этому же пути.

93 В рамках практической работы с нашими пациентами мы сталкиваемся с образованием символов на каждом этапе в истории их заболевания. Целью такого символаобразования является трансформация либидо. В начале лечения обычно убеждаешься, что процесс образования символов идет полным ходом, однако протекает он в неподходящей форме, что выражается в предоставлении либидо слишком низкого градиента. Вместо того чтобы конвертироваться в эффективную работу, либидо бессознательно перетекает в старые каналы, то есть в архаические сексуальные фантазии и вообще в фантазийную деятельность. Соответственно, пациент продолжает находиться в состоянии войны с самим собой, иными словами, остается невротиком. В строгом смысле слова, в таких случаях анализу указывается на надежное средство, то есть на редукативный психоаналитический метод, введенный в практику Фрейдом, – метод, который разрушает все несоответствующие символы и сводит последние к их естественным элементам. Электростанция, расположенная слишком высоко и неудобно построенная, демонтируется и разделяется на свои исходные компоненты, благодаря чему естественное течение восстанавливается. Бессознательное продолжает продуцировать символы, которые, безусловно, можно было бы продолжать сводить к их элементам *ad infinitum*¹¹.

94 Однако естественный ход вещей никогда не может принести человеку полного удовлетворения, поскольку он обладает избытком либидо, для которого другой градиент может оказаться более благоприятным по сравнению с естественным. По этой причине человек неизбежно будет стремиться к такому градиенту, независимо от того, насколько часто его, возможно, будет отбрасывать редукцией к естественному градиенту. Поэтому мы пришли к заключению, что в тех случаях, когда несоответствующие структуры подвергаются редукции и естественный ход вещей восстанавливается, так что появляется какая-то возможность для пациента вести нормальное существование, редукативный процесс не следует продол-

¹⁰ Бог дикаря (франц.).

¹¹ До бесконечности (лат.).

жать дальше. Вместо этого процесс образования символов следует усилить в направлении их синтеза до тех пор, пока не обнаружится более благоприятный градиент для избыточного либидо. Редукция к естественному положению вещей не является ни идеальным состоянием, ни панацеей. Если бы естественное состояние действительно являлось идеальным, тогда образу жизни первобытного человека можно было бы позавидовать. Однако это никоим образом не так, о чем свидетельствует хотя бы то, что, не говоря уже о всех прочих горестях и трудностях человеческой жизни, первобытный человек терзаем суевериями, страхами и компульсиями до такой степени, что если бы ему пришлось существовать в условиях нашей цивилизации, то его нельзя было бы квалифицировать иначе, как глубоко невротическое существо, если не просто как сумасшедшего. Что бы мы сказали о европейце, который повел бы себя следующим образом. Одному негру приснилось, что его преследовали враги, которые схватили его и сожгли заживо. На следующий день он попросил своих родственников разжечь костер, и сказал им, чтобы они держали его ступни в огне – для того чтобы при помощи этой отводящей беду церемонии предотвратить приснившееся ему во сне несчастье. Он получил настолько тяжелые ожоги, что в течение многих месяцев был неспособен ходить⁶⁵.

95 Человечество было освобождено от подобных страхов благодаря непрерывному процессу образования символов, ведущему к формированию культуры. Следовательно, за реверсией к естественному состоянию должна последовать синтетическая реконструкция символа. Редукция же возвращает нас к примитивному естественному человеку и к его своеобразному умственному состоянию. Фрейд направил свое внимание главным образом на безжалостную жажду наслаждения, Адлер – на «психологию престижа». И жажда наслаждений, и потребность в престиже, несомненно, являются очень важными особенностями первобытной души, однако они далеко не единственные. Для полноты картины нам следовало бы упомянуть и другие характерные черты первобытного человека, такие как его склонности к игре, таинственному или «героическому», но прежде всего – то выдающееся качество первобытного ума, каковым является его подчиненность надличностным «силам» – будь то инстинкты, аффекты, суеверия, фантазии, колдуны, ведьмы, духи, демоны или боги. Редукция возвращает цивилизованного человека к этой подчиненности первобытного сознания, от которой, как ему хотелось бы надеяться, он уже избавился. И так же, как редукция заставляет человека осознать свою подчиненность упомянутым «силам», тем самым подводя его к достаточно серьезной проблеме, так и синтетическое лечение символом приводит его к религиозному вопросу, причем не столько к проблеме современных религиозных убеждений, сколько к той же религиозной проблеме первобытного человека. Перед лицом самых что ни на есть реальных сил, господствующих над человеком, только равно реальная действительность способна предложить ему помощь и защиту. Не интеллектуальная система, но лишь непосредственный опыт может служить противовесом слепой силе инстинкта.

96 Полиморфизм инстинктивной природы первобытного человека находит себе прямую противоположность в регулирующем принципе индивидуации. Множественности и разделенности внутреннего мира противопоставляется интегрирующее единство, сила которого не менее велика, чем сила инстинктов. Вместе они образуют пару противоположностей, необходимую для саморегуляции, о которой часто говорят как о дихотомии природы и духа. Подобные представления коренятся в психических состояниях, между которыми человеческое сознание колеблется, подобно стрелке весов.

97 Умственное состояние, характерное для первобытного человека, может быть непосредственно пережито нами лишь в форме инфантильного психического состояния, которое все еще живет в наших воспоминаниях. Специфику этого психического состояния Фрейд достаточно справедливо характеризует как инфантильную сексуальность, поскольку позднее из этого зачаточного состояния развивается зрелое сексуальное существо.

Фрейд, однако, выводит все прочие ментальные особенности человека из этого инфантильного зачаточного состояния, так что создается впечатление, что и само разумное начало возникает из изначальной сексуальной стадии и, следовательно, является не чем иным, как последующим порождением первичной сексуальности. Фрейд не учитывает того, что инфантильное поливалентное зачаточное состояние не есть лишь своеобразно перверсная предварительная стадия нормальной и зрелой сексуальности; инфантильное состояние кажется перверсным, поскольку является предварительной стадией не только взрослой сексуальности, но и ментального склада индивида в целом. Из этого инфантильного зачаточного состояния развивается законченный взрослый человек, поэтому зачаточное состояние имеет ничуть не более сексуальный характер, нежели разум взрослого человека. В этом состоянии сокрыты не просто истоки взрослой жизни, но и все наследие предков, которое безгранично. Это наследие включает в себя не только инстинкты, доставшиеся человеку от животной стадии, но и все те дифференциации, которые оставили наследственные следы после них. Таким образом, каждый ребенок рождается с колоссальной расщепленностью в своем психическом строении: с одной стороны, он более или менее подобен животному, с другой – он представляет собой конечное воплощение извечной и бесконечно сложной совокупности наследственных факторов. Эта расщепленность является причиной напряженности зачаточного состояния и позволяет объяснить многие загадки детской психологии, в которых определенно нет недостатка.

98 Если теперь мы посредством редуктивной процедуры откроем инфантильные стадии взрослой психики, то обнаружим в качестве ее предельной основы зачатки, содержащие в себе, с одной стороны, более позднее сексуальное существование *in statu nascendi*¹², а с другой – все те сложные предпосылки цивилизованного существования, о которых только что шла речь. Это отражается наиболее ярко в детских сновидениях. Многие из них – самые что ни на есть простые «детские сны», которые сразу поддаются истолкованию, но другие содержат в себе возможности смысла, от которого начинает кружиться голова, и вещи, открывающие свое глубинное значение только в свете параллелей с первобытным сознанием. Эта другая сторона есть разум *in nuce*¹³. Детство важно не только потому, что разнообразные искажения инстинкта уходят в него корнями, но и потому, что это – время, когда профетические (как устрашающие, так и ободряющие) сновидения и образы предстают перед душой ребенка, формируя всю его дальнейшую судьбу, так же как и те ретроспективные прозрения о жизни наших пращуров, которые далеко выходят за пределы детского опыта. Следовательно, в душе ребенка естественным состояниям уже противостоят «духовные». Человек, ведущий первобытное существование, ни в коем смысле не является просто «естественным», подобно животному – он понимает, верует, опасается, поклоняется вещам, значение которых вообще невозможно объяснить, исходя из условий его естественного окружения. Значение этих вещей фактически уводит нас далеко от всего, что естественно, очевидно и легко доступно для понимания, и очень часто находится в резком противоречии с естественными инстинктами. Нам остается лишь глубоко задумываться над всеми этими ужасными обрядами и обычаями, против которых восстает всякое естественное чувство, или над теми верованиями и представлениями, которые находятся в непреодолимом противоречии с данными опыта. Все это приводит нас к предположению, что духовный принцип (каким бы он ни был) утверждает себя вопреки просто естественным условиям с невероятной силой. Можно сказать, что это тоже «естественно», и что оба состояния имеют одну и ту же «природу». Я несколько не сомневаюсь в этом источнике, но должен отметить, что это «естественное» нечто строится на конфликте двух принципов (которым вы можете давать то или

¹² В состоянии зарождения (*лат.*).

¹³ В сжатом виде (*лат.*).

иное название в соответствии с вашим вкусом) и что это противостояние есть выражение, а, возможно, также и основа того напряжения, которое мы называем психической энергией.

99 Кроме того, и с теоретических позиций у ребенка должно присутствовать определенное напряжение противоположностей – в противном случае не могло бы быть и речи об энергии, поскольку, как сказал еще Гераклит, «война – отец всех вещей». Как я уже отметил, этот конфликт может быть понят как противоборство между глубоко примитивной природой новорожденного младенца и его высоко дифференцированным наследием. Характерным признаком естественного человека является его абсолютная инстинктивность, обусловленная тем, что его существование полностью находится во власти инстинктов. Наследие, противостоящее такому состоянию, состоит из мнемонических вложений, накапливающихся в результате всего опыта его предков. Многие склонны воспринимать эту гипотезу скептически, полагая, что имеются в виду «врожденные идеи». Несомненно, это не так. Скорее, перед нами проблема врожденных *возможностей* идей, «тропинок», постепенно возникающих благодаря кумулятивному опыту наших предков. Отрицать наследование подобных тропинок было бы равносильно отрицанию наследства, заключенного в мозге. Чтобы быть последовательными, таким скептикам следовало бы утверждать, что ребенок рождается с мозгом обезьяны. Но так как он рождается с человеческим мозгом, значит, он унаследовал его от своих предков. Естественно, само функционирование мозга остается глубоко бессознательным для ребенка. Сначала он сознает только инстинкты и то, что противостоит этим инстинктам, а именно – своих родителей. По этой причине ребенок не имеет представления о том, что стоящее на его пути, возможно, находится внутри него самого. Справедливо или нет, оно проецируется на конкретных родителей. Эта инфантильная предубежденность настолько живуча, что нам, врачам, нередко с огромным трудом удается убедить своих пациентов в том, что злобный отец, который ничего не позволял им, находится скорее внутри, нежели вовне их самих. Все, что исходит из бессознательного, появляется спроецированным на других. И дело не в том, что эти другие совершенно не виноваты, а в том, что даже наилучшая проекция, по крайней мере, «вешается на крючок», возможно, совершенно незначительный, но все же – крючок, предоставляемый другим лицом.

100 Хотя наше наследство состоит из физиологических проводящих путей, оно, тем не менее, некогда представляло собой психические процессы наших предков, оставившие свой отпечаток. Если они снова осознаются индивидом, то это может произойти только в форме новых психических процессов; и хотя эти процессы могут стать осознанными только благодаря индивидуальному опыту и, следовательно, возникают как индивидуальное приобретение, они, тем не менее, остаются предсуществующими тропами, которые лишь заполняются индивидуальным опытом. Вероятно, любой «впечатляющий» опыт – лишь такой прорыв в старое, доселе бессознательное русло.

101 Эти предсуществующие тропы суть факты, от которых никуда не уйти, столь же неоспоримые, как исторический факт того, что человек проделал путь от своей первобытной пещеры до современного большого города. Это развитие стало возможным только благодаря образованию общества, которое, в свою очередь, обязано своим возникновением обузданию инстинкта. Обуздание инстинкта с помощью психических и духовных процессов осуществляется с одинаковой силой и одинаковыми результатами как в отдельном человеке, так и в истории человечества. По своему содержанию это устанавливающий нормы, или, выражаясь точнее, «номотетический»⁶⁶, процесс, черпающий свою силу из бессознательной реальности вышеупомянутых унаследованных троп. Собственно, сам разум как деятельное начало в этом наследии состоит из суммы умов наших предков, «невидимых отцов»⁶⁷, чей авторитет заново рождается вместе с ребенком.

102 Философское понятие ума как «духа» в качестве самостоятельного термина все еще не в силах освободиться от сковывающего его отождествления с другой коннотацией

духа, а именно духа как «призрака» («ghost»). С другой стороны, религии удалось преодолеть языковую ассоциацию с «духами», дав высшему духовному авторитету имя «Бог». На протяжении веков под влиянием этой концепции вырабатывался духовный принцип, противостоящий чистой инстинктивности. Особенно важно в данном случае, что Бог понимается одновременно и как Творец природы. В нем видят создателя тех несовершенных существ, которые заблуждаются и грешат, и в то же самое время он является их судьей и надсмотрщиком. Простая логика подсказывает: если я создаю творение, которое впадает в заблуждение и грех, и не имеет практически никакой ценности вследствие своей слепой инстинктивности, то я явно плохой творец, даже не завершивший обучения созданных мною людей. (Как мы знаем, этот аргумент играл важную роль в гностицизме.) Но религиозная точка зрения противопоставляет этой критике утверждение, что пути и намерения Бога неисповедимы. Действительно, как показывает история, гностический аргумент не пользовался сколько-нибудь значительной популярностью, поскольку неприступность Бого-понятия, очевидно, отвечает жизненной потребности, перед которой бледнеет всякая логика. (Следует понимать, что мы говорим здесь не о Боге как Ding an sich¹⁴, но лишь о человеческой концепции, которая как таковая является законным объектом науки.)

103 Несмотря на то, что Бого-понятие – это преимущественно духовный принцип, тем не менее, коллективная метафизическая потребность обуславливает убеждение в том, что Бого-понятие одновременно является и идеей Первопричины, от которой происходят все те инстинктивные силы, которые противоположны духовному принципу. Таким образом, Бог (обычно) предстает перед нами не только как сущность духовного света, появляющегося в виде самого последнего цветка на древе эволюции, не только как духовная цель спасения, в котором все творение переживает свою кульминацию, и не только как завершение и цель всего, но и как темнейшая, крошечная первопричина самых мрачных глубин Природы. В этом убеждении состоит колоссальный парадокс, несомненно отражающий глубокую психологическую истину. Дело в том, что он утверждает сущностную противоречивость одного и того же бытия – бытия, сокровенный характер которого есть напряжение противоположностей. Наука называет это «бытие» энергией, поскольку энергетический процесс отражает живое неравновесие между противоположностями. По этой причине Бого-понятие, само по себе до невозможности парадоксальное, настолько удовлетворяет человеческим потребностям, что никакая логика, какой бы она ни была убедительной, не в силах устоять перед ним. Действительно, самая тонкая рефлексия едва ли смогла бы найти более подходящую формулу для этого фундаментального факта внутреннего опыта.

104 Я полагаю, будет не лишним обсудить более подробно природу противоположностей, лежащих в основе психической энергии⁶⁸. Фрейдовская теория заключается в каузальном объяснении психологии инстинкта. При таком подходе духовный принцип неминуемо должен казаться лишь дополнением, побочным продуктом инстинктов. Поскольку отрицать тормозящую и ограничивающую власть инстинкта невозможно, то она прослеживается в том числе и в вопросах воспитания, образования, формирования моральных принципов, обычаев и традиций. Моральные принципы, в свою очередь, согласно этой теории получают власть благодаря вытеснению. Перед нами порочный круг. Духовный принцип не признается в качестве равноценного противника инстинктов.

105 С другой стороны, духовная точка зрения находит свое воплощение в религиозных взглядах, которые, я полагаю, всем известны достаточно хорошо. Может создаться впечатление, что фрейдистская психология представляет угрозу для духовной точки зрения, но на самом деле она несет в себе не большую опасность для нее, чем материализм вообще – неважно, научный или практический. Односторонность сексуальной теории Фрейда полезна

¹⁴ Вещь в себе (нем.).

хотя *бы* в качестве определенного симптома. Даже если она не имеет научного оправдания, она имеет оправдание моральное. Вне всякого сомнения, инстинктивность находится в конфликте с нашими моральными воззрениями – наиболее часто и наиболее заметно это проявляется в половой сфере. Конфликта между инфантильной инстинктивностью и моралью невозможно избежать. Такой конфликт, на мой взгляд, является необходимым условием существования психической энергии. В то время как все мы согласны с тем, что убийство, воровство и всякого рода жетокость недопустимы, существует, тем не менее, вопрос о допустимости проявления полового инстинкта. Все подобного рода проявления представляют собой примеры инстинктивного поведения, и необходимость их подавления представляется нам самоочевидной. И только в отношении секса мы ощущаем необходимость поставить вопросительный знак. Это указывает на сомнение относительно того, действительно ли адекватны своим целям существующие у нас моральные нормы и основанные на них юридические установления. Ни один умный человек не станет отрицать, что в этой области мнения резко разделяются. По существу, проблемы не было бы вообще, если бы общественное мнение было единодушно в этом вопросе. Очевидно, мы имеем дело с реакцией на чересчур строгую мораль. И это не просто взрыв примитивной инстинктивности; как известно, подобные «взрывы» никогда еще не становились источником угрозы для моральных законов и нравственных проблем. Скорее, среди нас существуют серьезные опасения относительно того, справедливо ли наши моральные воззрения трактуют природу секса. Естественно, что эти сомнения порождают законный интерес к любой попытке понять природу секса более правильно и глубоко, и этому интересу отвечает не только фрейдистская психология, но и многочисленные другие исследования подобного рода. Поэтому особый упор, который Фрейд делал на секс, можно было бы рассматривать как более или менее сознательную попытку ответа на злободневный вопрос, и наоборот, признание, которое взгляды Фрейда нашли у публики, свидетельствуют, насколько удачно был выбран момент для этого ответа.

106 Внимательный и способный критически смотреть на вещи читатель произведений Фрейда не может не заметить, насколько широко и гибко его понятие сексуальности. Фактически, оно покрывает собой так много, что нередко удивляешься, почему в некоторых местах автор вообще пользуется сексуальной терминологией. Его понятие сексуальности включает в себя не только физиологические сексуальные процессы, но практически каждую стадию, фазу и вид чувства и желания. Эта беспредельная гибкость делает данное понятие универсально применимым, хотя вытекающие из него объяснения не всегда успешны. При помощи такого собирательного понятия вы можете объяснить произведение искусства или религиозное переживание в точно таких же терминах, как и истерический симптом. При таком подходе полное различие между вышеуказанными явлениями совершенно не учитывается. Таким образом, подобное объяснение может быть только мнимым – по крайней мере, для феноменов искусства и религиозных переживаний. Однако, несмотря на эти неудобства, психологически правильно браться за проблему сначала с сексуальной стороны, поскольку можно обоснованно предполагать, что непредубежденный человек в этом случае найдет для себя что-то, над чем следует задуматься.

107 Сегодня конфликт между этикой и полом представляет собой не просто коллизию между инстинктивностью и нравственностью, но борьбу за то, чтобы отвести инстинкту по справедливости полагающееся ему место в наших жизнях, признать в этом инстинкте силу, которая ищет для себя выражения и к которой, безусловно, нельзя относиться несерьезно, а следовательно, нельзя насильно подгонять ее под наши моральные законы, которые вводятся нами же из лучших побуждений. Сексуальность – это отнюдь не только инстинктивность; это, вне всяких сомнений, творческая сила, которая является не только основной причиной нашего индивидуального существования, но и очень важным фактором нашей психической жизни в целом. Сегодня нам слишком хорошо известны тяжелые последствия,

к которым может привести развитие сексуальных расстройств. Можно было бы назвать сексуальность полномочным представителем остальных инстинктов, что в известной степени объясняет, почему секс – с точки зрения духа – является главным его антагонистом. И здесь дело не в том, что сексуальная распушенность сама по себе более аморальна, нежели чревоугодие и пьянство, скупость, деспотизм и прочие крайности, – дух чувствует в сексуальности двойника, равного по силе и действительно родственного себе. Ибо, подобно тому как дух стремится поставить сексуальность, как и всякий другой инстинкт, себе на службу, так и сексуальность имеет древнее притязание на дух, который она некогда – на этапе зачатия, беременности, рождения и детства – содержала в себе, и без чьей страсти дух никогда не может обойтись в своих творениях. Что представлял бы из себя дух, если бы не имел себе среди инстинктов ровни, противостоящей ему? Он был бы всего лишь пустой формой. Благодарное внимание к другим инстинктам стало для нас самоочевидной необходимостью, но в отношении полового инстинкта дело обстоит иначе. Для нас секс все еще проблематичен, а это означает, что в данном вопросе мы не достигли той степени осознания, которая позволила бы нам полностью отдать должное этому инстинкту без ощутимого для нас морального ущерба. Фрейд не только ученый, исследующий сексуальность, он, кроме того, и ее защитник; поэтому, учитывая огромную важность сексуальной проблемы, я признаю моральную оправданность его понятия сексуальности, даже если не могу принять это понятие в научном отношении.

108 В задачи этой статьи не входит выяснение причин современного отношения к сексу. Достаточно отметить, что сексуальность представляется нам наиболее сильным и самым непосредственным инстинктом⁶⁹, выдвигаясь на первое место среди прочих инстинктов. С другой стороны, я должен также подчеркнуть, что духовный принцип, строго говоря, вступает в конфликт не с инстинктом как таковым, но лишь со слепой инстинктивностью, которая реально сводится к неоправданному превосходству инстинктивной природы над духовной. Кроме того, духовное заявляет о себе в психическом в виде некоего инстинкта, поистине настоящей страсти, «пожирающего огня», как однажды выразился Ницше. Этот инстинкт является не производным от какого-либо другого инстинкта, как психологи инстинкта хотели бы нас уверить, но принципом *sui generis*¹⁵, специфической и необходимой формой инстинктивной власти. Я затрагивал эту проблему в специальном исследовании, к которому и отсылаю читателя⁷⁰.

109 Образование символов следует путем, открываемым этими двумя возможностями человеческого разума. Редукция разрушает все несоответствующие и бесполезные символы, возвращая психические процессы к их естественному, то есть инстинктивному течению, а это становится причиной запруживания либидо. Большинство так называемых «сублимаций» являются принудительными продуктами описанной ситуации, деятельностью, культивируемыми с целью как-то израсходовать невыносимый избыток либидо. Однако основные, самые примитивные требования не находят себе удовлетворения при помощи подобной процедуры, то есть сублимации. Если психологию такого запруженного состояния исследовать внимательно и без предубеждения, то нетрудно обнаружить в ней истоки первоначальной формы религии – религии индивидуального рода, совершенно отличной от догматической коллективной религии.

110 Поскольку созидание религии или образование символов имеет для первобытной психики столь же важное значение, как и удовлетворение инстинкта, то путь к дальнейшему развитию логически задан: спасение от состояния редукции заключается в разработке религии индивидуального характера. Тогда наша подлинная индивидуальность появляется из-за завесы коллективной личности, что было бы совершенно невозможным в состоянии редук-

¹⁵ Своего рода (*лат.*).

ции, поскольку наша инстинктивная природа в основе своей имеет коллективный характер. Развитие индивидуальности также невозможно или, во всяком случае, серьезно задерживается, если состояние редукции приводит к вынужденным сублимациям в виде разнообразных культурных деятельности, поскольку они, по существу, в такой же степени имеют коллективный характер. Но в силу того, что люди в основной своей массе – существа коллективные, такие вынужденные сублимации представляют собой терапевтические продукты, которые не следует недооценивать, поскольку они помогают многим людям внести в свою жизнь долю полезной деятельности. К числу таких культурных деятельности нам необходимо отнести и религиозную практику в рамках существующей коллективной религии. Например, изумительное богатство католического символизма само по себе обладает огромной эмоциональной притягательностью, которой для многих натур вполне достаточно. Непосредственный характер взаимоотношений с Богом в протестантизме удовлетворяет страстную потребность мистика в независимости, тогда как теософия с ее неограниченными спекулятивными возможностями отвечает потребности в псевдогностических интуициях и потафляет ленивому мышлению.

111 Такие организации или системы суть «символы» ([symbolon] = символ веры), которые дают человеку возможность установить духовный противовес своей первичной инстинктивной природе, создать культурную установку в противоположность явной инстинктивности. В этом заключалась функция всех религий. В течение длительного времени и для подавляющей части человечества этого символа коллективной религии было достаточно. Вероятно, только на время и для сравнительно небольшого числа людей существующие коллективные религии стали неадекватными. Всюду, где бы культурный процесс ни продвигался вперед, в отдельных личностях или в группах, мы обнаруживаем отход от коллективных религиозных убеждений. Всякое продвижение в культуре является, в психологическом отношении, расширением сознания, переходом к осознанию того, что может иметь место только благодаря различению. Поэтому продвижение вперед начинается с индивидуации, то есть с индивидуального, сознающего свою изолированность, с прокладывания нового пути через неисхоженную до этого территорию. Чтобы совершить это, человеку сначала необходимо повернуться к фундаментальным фактам собственного бытия, независимо от любого авторитета и традиции, и позволить себе осознать свою отличность от других. Если ему удастся придать коллективную вескость своему расширенному сознанию, он создает напряжение противоположностей, обеспечивающее стимуляцию, в которой культура нуждается для своего дальнейшего прогресса.

112 Сказанное не следует понимать в том смысле, что развитие индивидуальности необходимо или даже своевременно при любых обстоятельствах. Тем не менее, мы вполне можем доверять суждению Гете о том, что «высшей радостью человека должен быть рост личности». Существует множество людей, для которых развитие индивидуальности является основной необходимостью, особенно в культурную эпоху, подобную нашей, – эпоху, буквально напичканную коллективными нормами, когда газета становится настоящим правителем земли. По своему, естественно, ограниченному опыту я знаю, что среди людей более зрелого возраста очень много тех, для кого развитие индивидуальности – обязательное требование. Поэтому лично я полагаю, что в наше время как раз зрелый человек испытывает наибольшую потребность в каком-то дальнейшем образовании для себя, для своей индивидуальной культуры, после того как полученное в школе и университете образование вылепило его исключительно по коллективному шаблону и тщательно пропитало коллективной ментальностью. Я нередко сталкивался с тем, что люди зрелого возраста проявляют в этом отношении совершенно неожиданную от них способность к образованию.

113 Очевидно, именно в юности мы должны извлекать наибольшую пользу из убежденного признания инстинктивного аспекта жизни. Например, своевременное признание

сексуальности предохраняет от невротического подавления ее, которое делает человека чрезмерно замкнутым или же вынуждает его вести жалкое и несоответствующее его возможностям существование, что рано или поздно приводит к возникновению конфликта. Признание и правильная оценка нормальных инстинктов вводят молодую личность в жизнь и вовлекают ее в отношения с судьбой, делая, таким образом, причастной жизненным нуждам и последующим жертвам и достижениям, благодаря которым характер личности развивается, а опыт становится более зрелым. Тем не менее, для зрелой личности непрерывное расширение жизни, очевидно, не есть правильный принцип, поскольку переход ко второй половине жизни требует упрощения, ограничения и большей сосредоточенности – иными словами, индивидуальной культуры. Человек в первой половине жизни, характеризующейся биологической ориентацией, обычно может позволить себе, благодаря молодости своего организма, расширять свою жизнь и создавать из нее что-либо ценное. Однако этот же человек во второй половине жизни ориентируется на культуру, причем уменьшающиеся силы его организма порой просто заставляют его подчинять свои инстинкты культурным целям. Вместе с тем немало людей потерпело крах во время перехода из биологической сферы в культурную. Наше коллективное образование практически никак не обеспечивает этот переходный период. Занятые исключительно образованием молодежи, мы пренебрегаем образованием взрослых, относительно которых всегда предполагается – интересно, на каком основании? – что они более не нуждаются в нем. Налицо почти полное отсутствие направляющих ориентиров, необходимых для чрезвычайно важного перехода от биологической установки к культурной, для трансформации энергии из биологической в культурную форму. Этот процесс трансформации является индивидуальным процессом, и его невозможно осуществить с помощью общих правил и принципов. Он происходит при помощи символа. Образование символов – это фундаментальная проблема, которая не будет рассматриваться в этой работе. Я отсылаю читателя к Главе V моих *Психологических типов*, где я подробно обсуждаю эту проблему.

IV. Представление о либидо у первобытных племен

114 Насколько глубоко истоки религиозного символообразования связаны с понятием энергии, показывают наиболее примитивные представления, касающиеся магической власти, которая рассматривается и как объективная сила, и как субъективное состояние интенсивности.

115 Чтобы проиллюстрировать это утверждение, я приведу несколько примеров. Согласно сообщению Макджи (McGee), у индейцев племени дакота существует следующее представление об этой «силе». Солнце – это wakonda, не вот эта wakonda или вообще wakonda, но просто wakonda. Луна – это wakonda, и то же самое относится к грому, молнии, звездам, ветру и т. д. Мужчины тоже, особенно шаман, – wakonda, кроме того wakonda – это демоны стихийных сил, фетиши и другие ритуальные предметы, так же как и многие животные и местности, производящие особенно сильное впечатление на представителей племени. Макджи пишет: «Для перевода этого выражения [wakonda], наверное, лучше, чем какое-либо другое слово, подходит слово “тайна”, однако даже это понятие слишком узко, потому что wakonda способно с таким же успехом означать мощное, святое, старое, величественное, живое, бессмертное»⁷¹.

116 Сходными по употреблению со словом wakonda у дакотов являются слово oki у ирокезов и слово manitu у алгонкинов, имеющие абстрактное значение силы или продуктивной энергии. Wakonda – представление о «рассеянной, всепроникающей, невидимой, подающейся умелому управлению и способной передаваться жизне-энергии и универсальной

силе»⁷². Жизнь члена примитивного племени, со всеми его интересами, сосредоточена на обладании этой силой в достаточном количестве.

117 Особенно ценным является наблюдение, что понятия, подобные *manitu*, также используются индейцами в качестве восклицаний, когда происходит что-нибудь удивительное. Хевервик (Hetherwick)⁷³ сообщает то же самое о племени Yaos, обитающем в Центральной Африке, которые кричат *mulungu!* когда видят что-либо удивительное или непостижимое. *Mulungu* означает: (1) душу человека, которая носит название *lisoka* при жизни и становится *mulungu* после смерти; (2) мир духов в целом; (3) магически эффективное свойство или силу, присущие любого рода объекту, например жизни и здоровью тела; (4) активный принцип во всем магическом, таинственном, необъяснимом и неожиданном; (5) великую духовную силу, которая создала мир и всю жизнь.

118 Аналогичным *mulungu* является понятие *wong* аборигенов Золотого Берега. *Wong* может быть рекой, деревом, амулетом, озером, источником, участком земли, термитным холмом, крокодилами, обезьянами, змеями, птицами и т. д. Тэйлор⁷⁴ ошибочно истолковывает значение *wong* на анимистический лад – как дух или душу. Однако способ, каким *wong* используется, показывает, что это – динамическое отношение между человеком и объектами.

119 *Churinga*⁷⁷ австралийских аборигенов представляет собой сходное энергетическое понятие. Оно означает: (1) ритуальный объект; (2) тело индивидуального предка (от которого исходит жизненная сила); (3) мистическое свойство любого объекта.

120 Почти то же самое можно сказать и о понятии *zogo* австралийских племен, населяющих побережье Торрессова пролива, причем это слово используется и в качестве существительного, и в качестве прилагательного. Австралийское *arungiltha* – параллельное понятие со сходным значением, только оно употребляется для обозначения дурной магии и злого духа, который проглатывает солнце во время затмения⁷⁶. Аналогичный характер имеет и малайское *badi*, также заключающее в себе злые магические взаимосвязи.

121 Исследования Лумхольца (*Lumholtz*)⁷⁷ показали, что у мексиканских хуичоли также имеется первостепенной важности представление о силе, циркулирующей через людей, животных и растения (олений, мескаль, маис, перья и т. д.)⁷⁸.

122 Исследования Элис Флетчер, проводимые среди индейцев Северной Америки, показывают, что понятие *wakan* имеет характер энергетического взаимоотношения, сходного с уже рассмотренными нами. Человек может стать *wakan* благодаря посту, молитве или видениям. Оружие юноши – *wakan*, к нему нельзя прикасаться женщине (иначе либидо перетечет назад). К оружию обращаются с молитвами перед битвой (для того чтобы сделать его более мощным посредством заряжения либидо). *Wakan* устанавливает связь между видимым и невидимым, между живым и мертвым, между частью объекта и целым.

123 Кодрингтон говорит о меланезийском понятии *mana*: «Меланезийский ум полностью находится во власти веры в сверхъестественную силу или воздействие того, что почти повсеместно носит название *mana*. Это сила, которая работает, чтобы совершать все, находящееся за пределами власти обыкновенного человека, вне обычных процессов природы; она незримо присутствует в атмосфере жизни, привязывается к отдельным лицам и вещам и проявляется в результатах, которые можно приписать только ее работе... *Mana* – это сила или влияние, не физическое, а в некотором смысле сверхъестественное; однако она демонстрирует себя в виде физической силы или какого-либо рода власти или влияния, которыми обладает определенный человек. Такая *mana* не закрепляется навсегда за чем бы то ни было и может быть передана всему, чему угодно; однако духи, будь то души, отделившиеся от тела, или сверхъестественные существа, обладают ею и способны передавать ее; по суще-

ству, она имеет отношение к отдельным существам, которые порождают ее, хотя может действовать через посредство воды, камня или кости»⁷⁹.

124 Это описание ясно показывает, что в случае *мана*, как и в случае других представлений, мы имеем дело с неким понятием энергии: которое уже само по себе позволяет нам объяснить удивительный факт существования подобных примитивных идей. Этим я не хочу сказать, что у примитивного человека имеется абстрактная идея энергии, однако не может быть сомнений в том, что его понятие – это предварительная, конкретная стадия этой абстрактной идеи.

125 Аналогичные представления обнаруживаются в понятии *tondi* у батаков⁸⁰, *atua* у маори, *ani* или *han* у понapé, *kasinge* или *kalit* у палау, *anut* у кусайе, *yaris* у тоби, *ngai* у масаи, *andriamanitra* у малагасийцев, *njom* у экои т. д. Полный обзор подобных представлений дается Зедербломом (Soderblom) в его книге *Возникновение веры в Бога (Das Werden des Gottes glaubens)*.

126 Лавджой придерживается мнения, с которым я полностью согласен, что эти понятия «не являются первоначально названиями для “сверхъестественного” или удивительного и, тем более, для того, что вызывает благоговейный страх, почтение и любовь, – скорее это названия для действенного, мощного, продуктивного». Рассматриваемое понятие в действительности имеет отношение к идее «диффузной субстанции, или энергии, от обладания которой зависит всякая исключительная власть, или способность, или плодородие. Эта энергия, несомненно, является страшной (при определенных обстоятельствах), и она же является таинственной и непостижимой; но это потому, что она крайне мощная, а не потому, что вещи, через которые она проявляется, необычны и “сверхъестественны” или, например, “сокрушают разумное ожидание чего-либо”». Доанимистический принцип – это вера в «силу, которая воспринимается в качестве работающей согласно весьма правильным и доступным для понимания законам, в силу, которую можно исследовать и контролировать»⁸¹. Для подобных понятий Лавджой предлагает термин «примитивные энергетики».

127 Многие из того, что исследователи, следуя анимистической традиции, воспринимали в качестве духа, демона или нумена, на самом деле имеет отношение к примитивному понятию энергии. Как я уже отметил, в строгом смысле слова в данном случае неправильно говорить о «понятии». «Понятие примитивной философии», как Лавджой называет его, – это идея, явно рожденная нашей собственной ментальностью; то есть для нас *мана* обычно является психологическим понятием энергии, но для примитива она – психический феномен, постигаемый как что-то неотделимое от объекта. У примитивных племен невозможно найти никаких абстрактных идей, ни даже, как правило, простых конкретных понятий, но лишь «представления» («representations»). Все примитивные языки дают обильные доказательства этого. Так, *мана* – это не понятие, а представление, основанное на восприятии «феноменального» взаимоотношения. В этом состоит сущность *participation mystique*¹⁶ Леви-Брюля. Как ясно показывают некоторые из вышеприведенных примеров, в речи примитивных племен указывается только на факт взаимоотношения и на переживание, им вызываемое, но не на природу либо сущность данного взаимоотношения или определяющий его принцип. Открытие соответствующего обозначения для природы и сущности объединяющего принципа предстояло сделать более позднему уровню культуры, заменившему символические формы выражения.

128 В своем классическом исследовании, посвященном *мана*, Леман (Lehmann) определяет ее как что-то «необычайно действенное». Психическую природу *мана* особенно подчеркивали Преисс⁸² и Пер⁸³. Мы не можем избавиться от впечатления, что такой первобыт-

¹⁶ Мистического сопричастия (*фраки*).

ный взгляд на тапа является предшественником нашего понятия психической энергии и, весьма вероятно, энергии вообще⁸⁴.

129 С другой стороны, фундаментальное представление о тапа неожиданно возникает на анимистическом уровне в персонифицированной форме⁸⁵. В данном случае тапа – это души, демоны, боги, которые оказывают необычайное воздействие. Как правильно отмечает Леман, ничто «божественное» не пристаёт к тапа, и поэтому нельзя видеть в тапа первоначальную форму идеи Бога. Тем не менее, невозможно отрицать и того, что тапа есть необходимая или, по крайней мере, очень важная предпосылка для развития идеи Бога, даже если она, возможно, и не является наиболее примитивной из всех предпосылок.

130 Почти повсеместная распространенность примитивного представления об энергии – несомненное свидетельство того, что даже на ранних уровнях сознания человек испытывал потребность представить создаваемый им динамизм психических событий в конкретной форме. Следовательно, если в нашей психологии мы придаем особое значение энергетической точке зрения, то это согласуется с психическими фактами, которые еще с первобытных времен навсегда врезались в человеческую память.

Примечания

Впервые опубликована как «Über die Energetik der Seele» в книге под таким же названием (Zurich, 1928). В предисловии переводчиков к английскому изданию, вышедшему тогда же в Лондоне и Нью-Йорке, говорится, что эта работа Юнга «вчерне была написана вскоре после того, как автор закончил “Психологию бессознательного”» (i.e. Wandlungen und Symbole der Libio, опубл. 1912).

¹ Ср.: Symbols of Transformation, pars 190 ff. [Рус. пер. – Юнг К.Г. Символы трансформации / Пер. В.В. Зеленского. М., 2000].

² Ср.: Wundt. Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, 692. [Рус. пер. – Вундт В. Основания физиологической психологии. Т. 1–2. СПб., 1880–1881]. Что касается динамистической точки зрения, см.: von Hartmann. Weltanschauung der modernen Physik, p. 202ff.

³ Я использую слово «финалистский», а не «телеологический» для того, чтобы избежать неправильного понимания, прочно приставшего к распространенному представлению о телеологии, а именно, что последняя содержит в себе идею предвосхищаемого конца или цели.

⁴ «Финальные причины и механические причины взаимно исключают друг друга, ибо функция, имеющая одно значение, не может в то же самое время быть функцией со многими значениями» (Wundt, 1902, p. 728). Мне представляется недопустимым говорить о «финальных причинах», поскольку перед нами гибридное понятие, рожденное из смешения каузальной и финалистской точек зрения. Для Вундта каузальная последовательность имеет два выражения (term) и одно значение, то есть причину М и следствие Е, тогда как финальная последовательность имеет три выражения и несколько значений, то есть полагание цели А, средство М' и достижение цели Е'. Эта конструкция, по моему мнению, тоже представляет из себя гибридный продукт в том смысле, что полагание цели – это каузально понимаемое дополнение реальной финальной последовательности М' – Е', которая аналогичным образом имеет два выражения и одно значение. Поскольку финалистская точка зрения является всего лишь реверсом каузальной (Вундт), то М' – Е' – это просто каузальная последовательность М – Е, рассматриваемая в обратном порядке. Принцип финальности не признает никакой причины, полагаемой в начале, ибо финалистская точка зрения не имеет ничего общего с каузальной точкой зрения и, следовательно, не желает знать о причине точно так же, как каузальная точка зрения не имеет понятия о цели или конце, который должен быть достигнут.

⁵ Конфликт между энергетизмом и механицизмом находит для себя параллель в старой проблеме универсалий. Несомненно, справедливо, что отдельная вещь – это все, что «дано» нам в чувственном восприятии, и, в известной мере, универсалия представляет собой только *nomem*, слово. Однако в то же самое время сходства, отношения между вещами тоже даны нам, и, в известной мере, универсалия (общее понятие. – *Прим. пер.*) есть реальность («относительный реализм» Абеляра).

⁶ Финальность и каузальность – два возможных способа понимания, образующие антиномию. Они суть прогрессивная и регрессивная «интерпретанты» (Вундт) и как таковые противоречат друг другу. Естественно, эта констатация корректна лишь в том случае, если предполагается, что понятие энергии является абстракцией, выражающей отношение («Энергия есть отношение»: *von Hartmann*, 1869 г. 196). Однако эта констатация некорректна, если исходить из гипостазированного понятия энергии, как, например, у Оствальда в: *Die Philosophie der Werte*.

⁷ «Различие между телеологическим и каузальным взглядом на вещи является не реальным различием, разделяющим содержания опыта на две в корне различные сферы. Единственное различие между этими двумя взглядами имеет формальный характер и сводится к тому, что каузальная связь принадлежит в качестве дополняющей всякому финальному взаимоотношению, и наоборот, каждой каузальной связи может быть придана, если необходимо, телеологическая форма». *Wundt*. 1902, г. 737.

⁸ Ср.: прим. 5.

⁹ *Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie*, *Archiv für systematische Philosophie*, IV.

¹⁰ *Busse*. *Geist und Körper, Seele und Leib*.

¹¹ *Külpe*. *Einleitung in die Philosophie*, г. 150. [Рус. пер. – *Кюльпе О.* Введение в философию. СПб., 1901.]

¹² *Ibid.*, г. 323.

¹³ Фон Грот заходит настолько далеко, чтобы заявить: «Бремя доказательств ложится на тех, кто отрицает психическую энергию, а не на тех, кто признает ее» (*Grot Nicolas*. *Archiv für systematische Philosophie* (Berlin, IV). 1898, г. 324).

¹⁴ Именно так обстояло дело с Декартом, который первым сформулировал принцип сохранения количества движения, но не имел в своем распоряжении методов физического измерения, которые были открыты лишь в недавнее время.

¹⁵ Односторонность сознания компенсируется контрпозицией в бессознательном. Наиболее ясно эту компенсаторную установку бессознательного демонстрируют, главным образом, факты психопатологии. Подтверждающий материал можно найти в работах Фрейда и Адлера, а также в моей «Психологии *Dementia Praecox*» [Рус. пер. – *Юнг К.Г.* Психология раннего слабоумия (*dementia praecox*) // Работы по психиатрии. Психогенез умственных расстройств. СПб., 2000]. Теоретическое обсуждение проблемы см. в моей статье «Инстинкт и бессознательное», ниже. Об общем значении психологической компенсации см.: *Maeder*. *Regulation psychique et guerison*.

¹⁶ Ср.: Vol. 2, *Collected Works*.

¹⁷ Ср.: *Psychiatric Studies*, par. 168, n. 2a.

¹⁸ То, что комплекс или его основное ядро могут быть бессознательны, – не самоочевидный факт. Комплекс вообще не был бы комплексом, если бы не обладал определенной, довольно значительной аффективной напряженностью. Обычно предполагают, что эта энергетическая ценность автоматически вталкивает комплекс в сознание, что сила притяжения,

внутренне присущая ему, добивается сознательного внимания к себе со стороны сознания. (Силовые поля взаимно притягивают друг друга!) То, что комплекс, как показывает опыт, далеко не всегда представляет собой болезнь, не нуждается в специальном объяснении. Самое ближайшее и простейшее объяснение дается теорией вытеснения Фрейда. Данная теория исходит из предположения о наличии контрпозиции в сознательном разуме: сознательная установка, так сказать, враждебна бессознательному комплексу и не позволяет ему достичь сознания. Эта теория, несомненно, дает объяснение очень многим случаям, однако в моем опыте имеется несколько примеров, которые не могут быть объяснены подобным образом. На самом деле, теория вытеснения учитывает только те случаи, в которых некое содержание, само по себе вполне способное стать сознательным, или совершенно сознательно вытесняется и делается бессознательным, или прямо с самого начала не достигло сознания. Эта теория не принимает во внимание те случаи, несхожие с вышеозначенными, при которых содержание, обладающее высокой энергетической интенсивностью, образуется из бессознательного материала, который сам по себе не способен стать сознательным и поэтому вообще не может быть осознан, или если последнее все же удастся, то только с величайшими трудностями. В этих случаях сознательная установка, далекая от того, чтобы быть враждебной бессознательному содержанию, обычно самым благосклонным образом расположена к нему, как, например, в случае творческих продуктов, которые, как нам известно, почти всегда имеют свои истоки в бессознательном. Так же как мать страстно жаждет рождения своего ребенка и, тем не менее, производит его на свет с усилиями и болью, так и новое, творческое содержание, несмотря на готовность сознающего разума, может в течение долгого времени оставаться в бессознательном, не будучи «подавленным». Хотя оно обладает высокой энергетической ценностью, оно еще не стало сознательным. Случаи подобного рода не слишком трудно объяснить. Поскольку данное содержание является новым и, следовательно, необычным для сознания, оно не имеет ассоциаций и связующих мостов с сознательными содержаниями. Все эти связи должны быть сначала сформированы с приложением немалых усилий, ибо без них никакое сознание невозможно. Следовательно, при объяснении бессознательности комплекса следует учитывать два основных соображения: (1) вытеснение содержания, способного стать сознательным, и (2) необычность содержания, еще неспособного достичь сознания.

¹⁹ Или к гипостазированному понятию энергии, которого придерживается, например, Оствальд. Но понятие субстанции, необходимое для каузально-механистического способа объяснения, едва ли удастся обойти таким образом, поскольку «энергия» в основе своей всегда является понятием, связанным только с количеством.

²⁰ Ср.: Психология Dementia Praecox, pars. 175ff. [Рус. пер. – Юнг К.Г. Работы по психиатрии. Психогенез умственных расстройств. СПб., 2000.]

²¹ Ср.: Berger. Über die körperlichen Aeusserungen psychischer Zustände; Lehmann, Die körperlichen Aeusserungen psychischer Zustände, trans. (into German) by Bendixen.

²² Peterson and Jung. Psycho-physical Investigations with the Galvanometer and Pneumograph in Normal and Insane Individuals; Nunberg. On the Physical Accompaniments of Association Processes // Jung. Studies in Word Association; Ricksher and Jung. Further Investigations on the Galvanic Phenomenon.

²³ Veraguth. Das psycho-galvanische Reflexphänomen; Binswanger. On the Psycho-galvanic Phenomenon in Association Experiments // Jung. Studies in Word-Association.

²⁴ Ср.: Studies in Word-Association; The Association Method.

²⁵ Шиллер, в известном смысле, мыслит в понятиях энергии. Он оперирует идеями вроде «переноса интенсивности» и т. п. Ср.: On the Aesthetic Education of Man, trans. By Snell.

[Рус. пер. – *Шиллер Ф.* Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. Письма об эстетическом воспитании человека. М., 1957].

²⁶ «Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie».

²⁷ *Leitfaden der Psychologie*, p. 62, 66f. [Рус. пер. – *Лунне Т.* Руководство к психологии. СПб., 1907].

²⁸ *Stern. Über Psychologie der individuellen Differenzen*, p. 119ff. [Рус. пер. – *Штерн В.* О психологии индивидуальных различий // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1906. № 7].

²⁹ *Leitfaden der Psychologie*, p. 36 (1903 edn.).

³⁰ Маэдер придерживается того мнения, что «творческая активность» организма и особенно творческая активность психического «превышает расходуемую энергию». Он также считает, что в отношении психического, помимо принципа сохранения и принципа энтропии, следует применять еще третий принцип – принцип интеграции. Ср.: *Heilung und Entwicklung im Seelenleben*, p. 50 and 6gf.

³¹ «Geist und Körper, Seele und Leib».

³² Ibid.

³³ Ср. в частности: Ч. II, гл. III. [Рус. пер. – *Юнг К.Г.* Символы трансформации / Пер. В. Зеленского. М., 2000].

³⁴ «Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre» [ср.: *Collected Papers*, I–IV].

³⁵ *Hartmann. Weltanschauung der modernen Physik*, p. 6.

³⁶ Современная физика уравнивает энергию с массой, но это не имеет отношения к нашей цели.

³⁷ Символы трансформации, par. 226.

³⁸ Редукция какой-либо сложной структуры к сексуальности является обоснованным каузальным объяснением только в том случае, если заранее оговаривается, что мы интересуемся при объяснении исключительно функцией сексуальных компонентов в сложных структурах. Но если редукция к сексуальности принимается нами в качестве обоснованной и законной, то это может быть проделано лишь при молчаливом допущении, что мы имеем дело с исключительно сексуальной структурой. Тем не менее, исходить из подобного допущения – значит а priori утверждать, что сложная психическая структура может быть только сексуальной, явное *petitio principii* (аргумент, основанный на выводе из положения, которое само по себе еще требует доказательства [лат.]. – *Прим.* пер.)! Невозможно утверждать, что сексуальность является единственным фундаментальным психическим инстинктом, поэтому всякое объяснение на сексуальной основе способно быть лишь частичным объяснением, но ни к коем случае не самодостаточной психологической теорией.

³⁹ Это приложимо только к макрофизической сфере, в которой действительны «абсолютные» законы.

⁴⁰ Ср.: *Psychological Types*, pars. 505ff. [Рус. пер. – *Юнг К.Г.* Психологические типы / Пер. С. Лорие и В. Зеленского / Под ред. В. Зеленского. М.; СПб., 1995].

⁴¹ «Populare Schriften», p. 33.

⁴² Система является полностью закрытой, если не способна впитывать никакую энергию извне. Только в такой системе может иметь место энтропия.

⁴³ Поэтому идея энергии так же стара, как человечество. Мы находим ее в качестве одного из основополагающих представлений в примитивных обществах. Ср.: *Lehmann. Mana der Begriff des 'ausserordentlich Wirkungsvollen' bei Sudseeevolckern*, и мои замечания в:

Two Essays on Analytical Psychology, par. 108. [Рус. пер. – Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1996.] Юбер и Мосс (*Melanges d'histoire des religions*, preface, p. xxix) так же называют мана «категорией» понимания. Я цитирую их дословно: «[Эти категории], постоянно проявляющиеся в языке, хотя и не обязательно в эксплицитном виде, существуют, как правило, скорее в форме привычек, управляющих сознанием, хотя сами они остаются неосознанными. Понятие мана – один из таких принципов. Мана принадлежит к исходным фактам языка; подразумевается, что она присутствует в целом ряде суждений и рассуждений, касающихся свойств, качеств, присущих мана. Однако эта категория свойственна не только первобытному мышлению – и в наши дни, благодаря редукции, она по-прежнему остается первой формой, принимаемой другими категориями, постоянно оперирующими в нашем сознании, такими как субстанция и причина» и т. д.

⁴⁴ Обсуждение соотношения интуитивных понятий в сравнении с эмпирическими см.: Психологические типы, пар. 518 и далее; дефиниция «Функция».

⁴⁵ [Юнг употребляет в данном случае термины *Trieb* и *Ichtriebe* (букв. «влечение», «эго-влечение»), следуя немецкой терминологии Фрейда. Термины Фрейда были переведены на английский как «инстинкт» и «эго-инстинкты». Ср., напр.: *Freud. Introductory Lectures*, p. 350ff. (Рус. пер. – Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989)].

⁴⁶ Латинское слово *libido* никоим образом не имеет только сексуальной коннотации, оно имеет общее значение желания, страстного стремления, настоящей потребности. Ср.: Символы трансформации, pars. 185ff.

⁴⁷ *Freud and Psychoanalysis*, par. 282. [Рус. пер. – Юнг К.Г. Критика психоанализа. СПб., 2000.]

⁴⁸ В какой-то степени по методу Гудибраса, чье мнение цитируется Кантом (Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики, III): «Когда ипохондрический ветер гуляет по нашим внутренностям, то все зависит от того, какое направление он принимает. Если он пойдет вниз, то получится неприличный звук, если же он пойдет вверх, то это видение или даже священное вдохновение» [Рус. пер. – Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 2. М., 1964]; Кант цитирует в прозаической форме, хотя и очень близко в смысловом отношении к оригиналу, отрывок из знаменитой поэмы Сэмюэля Батлера (1612–1680) «Гудибрас» (1663). [Вследствие во многом выхолощенного перевода, рекомендуем обратиться к: *Dreams of a Spirit-Seer*, trans. by Emanuel Goerwitz, p. 84.] Кантовское переложение, по-видимому, основывается на «Гудибрасе» Сэмюэля Батлера, Ч. II, Песнь III, стихи 773—76:

«As wind i' th' *Hypochondrias* pent
Is but a blast if downward sent;
But if it upwards chance to fly
Becomes new *Light* and Prophecy».]

[Считаем бесполезным дать русский перевод:

«Когда томящийся в желудке
ветер-ипохондрик
Нежданной силой вниз направлен,
Звук он издаст, достойный самых пряных оргий.
Но если ввысь случайно возлетит,

Пророчество и Свет собою обличит». – Прим. рус. пер.]

⁴⁹ Хотя профессиональная пресыщенность невротическими нереальностями настраивает аналитика на скептический лад, обобщающее суждение с патологической точки зрения всегда страдает от свойственной ему предубежденности.

⁵⁰ «Das Zeitalter des Sonnengottes».

⁵¹ Диастола – это экстраверсия либидо, распространяющегося по всей вселенной; систола – его сжатие в личности, конкретной монаде. («Систола, сознательное, мощное сжатие, порождающее личность, а диастола – страстное стремление объять Все». Chamberlain, *Goethe*, p. 571.) Оставаться в той или иной из этих позиций означало бы смерть (p. 571), поэтому одного типа недостаточно, и он нуждается в дополнении его противоположной функцией. («Если человек придерживается исключительно рецептивной установки, если диастола будет продолжаться бесконечно, тогда в его психическую жизнь, так же как и в телесную, внедрится увечность и в конечном счете наступит смерть. Только действие способно оживить, и первым его условием является ограничение, то есть систола, которая создает жестко ограничивающую меру. Чем энергичнее действие, тем решительнее необходимо осуществлять ограничение». p. 581).

⁵² *Preuss*. Der Ursprung der Religion und Kunst, p. 388; *Schultze*. Psychologie der Naturvolker, p. 168; Символы трансформации, pars. 213f.

⁵³ Ср. наблюдение, приведенное в работе: *Pechuel-Loesche*. Volkskunde von Loango, p. 38: танцующие скребут одной ногой землю, совершая одновременно движения животом.

⁵⁴ «Wörter und Sachen.» Ср.: Символы трансформации, par. 214, n. 21.

⁵⁵ *Mannhardt*. Wald- und Feldkulte, I, p. 480ff.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 483.

⁵⁷ Исчерпывающий обзор можно найти в: *Levy-Bruhl*. How Natives Think, trans. by Clare, p. 228ff. [Рус. пер. – *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930].

⁵⁸ См. иллюстрацию в книге: *Spencer and Gillen*. The Northern Tribes of Central Australia, p. 560.

⁵⁹ *Koch-Grunberg*. Sudamerikanische Felszeichnungen.

⁶⁰ *Silberer*. Problems of Mysticism and Its Symbolism; кроме того: *Rosencreutz*. Chymische Hochzeit (1616).

⁶¹ Символы трансформации, pars. 146, 203.

⁶² *Spencer and Gillen*, p. 277.

⁶³ «Человек, разумеется, всегда пытался понять и контролировать свою окружающую среду, однако на ранних стадиях этот процесс имел бессознательный характер. Вопросы, являющиеся для нас проблемами, существовали в первобытном мозгу в латентном состоянии; как проблема, так и ответ находились там в смутном, нерасчлененном виде; на протяжении многих тысячелетий первобытного варварства сначала проблема, а затем частичный ответ на нее всплыли в сознании; в конце этого ряда тысячелетий, едва ли завершившегося в наши дни, неизбежно произойдет новый синтез, в результате которого загадка и ответ явятся как одно» (*Crawley*. The Idea of the Soul, p. 11.)

⁶⁴ «Сновидения для дикаря являются тем же, чем Библия для нас – источником божественного откровения». (*Gatschet*. The Klamath Indians of South-Western Oregon, цит. по: *Levy-Bruhl*, p. 57.)

⁶⁵ *Levy-Bruhl*, p. 57.

⁶⁶ [Предписываемый законом].

⁶⁷ *Soderblom*. Das Werden des Gottesglaubens, p. 88ff and 175ff.

⁶⁸ Я рассматривал эту же проблему с других сторон и иным способом в «Символы трансформации», pars. 253, 680; и в «Психологических типах», par. 326 и раздел 3 (а).

⁶⁹ Иначе обстоит дело у племен, ведущих примитивный образ жизни, для которых проблема пищи играет гораздо более важную роль.

⁷⁰ См.: Инстинкт и бессознательное, ниже.

⁷¹ The Siouan Indians-A Preliminary Sketch, p. 182; *Lovejoy*. The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy, p. 363.

⁷² *Lovejoy*, p. 365.

⁷³ «Some Animistic Beliefs among the Yaos of Central Africa».

⁷⁴ *Tylor*. Primitive Culture, II, p. 176, 205. [Рус. пер. – *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.]

⁷⁵ *Spencer and Gillen*, p. 277f., где о churinga в качестве ритуального объекта сообщается следующее: «Туземец имеет смутную и неопределенную, но все еще очень сильную идею, что любой священный объект, такой, например, как churinga, который передавался от поколения к поколению, не только наделен магической силой, вложенной в него, когда он был создан, но и приобретал особого рода действенность от каждого человека, которому он принадлежал. Человек, обладающий такой churinga, как, например, эта змея, будет постоянно потирать его своей рукой, напевая при этом историю churinga об этой змее, и постепенно начнет чувствовать, что между ним и священным объектом существует какая-то особая связь – что особого рода действенность переходит от объекта к нему, а также от него к объекту». Фетиши заряжаются новой силой, если их оставить стоять на несколько недель или месяцев около другого сильного фетиша. Ср.: *Pechuel-Loesche*, p. 366.

⁷⁶ *Spencer and Gillen*, p. 458.

⁷⁷ «Unknown Mexico».

⁷⁸ «...Хуичоли, под влиянием закона сопричастия, утверждают тождественность маиса, оленя, hikuli [=мескаль] и перьев, а также классификацию, установленную представителями их племени, основным принципом которой является общее присутствие в этих данностях, или, скорее, циркуляцию между ними мистической силы, имеющей величайшее значение для этого племени». (*Levy-Bruhl*, p. 128.)

⁷⁹ *Codrington*. The Melanesians, p. 118. Seligmann в своей книге: The Melanesians of British New Guinea, столь богатой ценными наблюдениями, говорит о bariaua (p. 446), которая также имеет отношение к понятию mana.

⁸⁰ *Warnecke*. Die Religion der Batak.

⁸¹ *Lovejoy*. p. 380f.

⁸² «Der Ursprung der Religion und Kunst».

⁸³ «Das Wesen des Mana».

⁸⁴ Ср. рассмотрение мною способа, каким Роберт Майер открыл понятие энергии: Two Essays on Analytical Psychology, pars. 106ff. [Рус. пер. – *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1996.]

⁸⁵ Seligmann (p. 640ff.) приводит наблюдения, которые, на мой взгляд, демонстрируют переходы *mana* в анимистические персонификации. Таковы labuni у народности гелариа в Новой Гвинее. Labuni означает «подача сигналов». Они имеют много общего с динамическими (магическими) влияниями, которые исходят или могут быть посылаемы в качестве сигналов из яичников (?) женщин, рожавших детей. [Вопросительный знак принадлежит Юнгу. – *Прим. ред.*] Labuni похожи на «теней», они пользуются мостами, чтобы пересе-

кать потоки, превращаются в животных, но в остальном не обладают ни личностью, ни какой-либо поддающейся определению формой. Сходным является понятие ауік, с которым я познакомился, наблюдая жизнь негритянского племени, обитающего на склонах горы Элгон в северной Кении.

Трансцендентная функция

Предварительное замечание

Это эссе было написано в 1916 году. Недавно его обнаружили студенты Института Юнга в Цюрихе, и оно было издано в частном порядке в своей первоначальной, необработанной форме, в переводе на английский язык. Чтобы подготовить рукопись к публикации, я ее переработал, сохранив при этом основные направления мысли и неизбежную ограниченность самого масштаба работы. По прошествии сорока двух лет эта проблема совершенно не утратила своей актуальности, хотя ее изложение по-прежнему нуждается в серьезном улучшении, что может понять каждый, кто знаком с таким материалом. Поэтому данное эссе, со всеми его недочетами, может рассматриваться как исторический документ. Оно может дать читателю определенное представление о тех умственных усилиях, которые были необходимы при первых попытках приложения синтетического подхода к психическим процессам в ходе психоаналитического лечения. Поскольку основное из содержащихся в этом эссе утверждений не утратило своей актуальности и сегодня, оно может стимулировать читателя к более широкому и глубокому пониманию этой проблемы. Сама же проблема созвучна повсеместно задаваемому вопросу: «Как конкретно должен поступить человек, чтобы наладить свои отношения с бессознательным?»

Этим вопросом задается индийская философия и, в особенности, буддизм и дзен-буддизм. В той или иной форме это самый фундаментальный практический вопрос любой религии и философии. Ибо бессознательное – это не какая-то конкретная вещь; оно – само Неведомое, имеющее к нам непосредственное отношение.

Предлагаемый здесь метод «активного воображения» представляет собой наиболее эффективный способ выведения на поверхность того содержимого бессознательного, которое располагается непосредственно под порогом сознания и, в случае более интенсивной активизации, по большей части спонтанно ввергается в сознательный разум. Поэтому данный способ представляет определенную опасность и по возможности не должен применяться без присмотра опытного специалиста. Одной из наименее опасных в этом отношении процедур является та, которая легко сводится к так называемым «свободным ассоциациям» Фрейда, однако при этом маловероятно, что она приведет к положительным результатам: пациент попадает в бесплодное окружение собственных комплексов, из которого ему уже никак не выбраться. Еще одна опасность заключается в том, что на поверхность может подняться подлинное содержимое бессознательного, но пациент может проявить к нему исключительно эстетический интерес и в результате остаться во всепоглощающей фантасмагории, что опять же ни к чему продуктивному его не приведет. Смысл и ценность этих фантазий проявляются только в ходе их интеграции в целостную личность – то есть тогда, когда человек задумывается не только над тем, что они значат, но и над их нравственными содержаниями.

И наконец, третья опасность – которая в определенных обстоятельствах может оказаться очень серьезной – состоит в том, что эти сублиминальные (лежащие по порогу сознания) содержания уже обладают столь сильным энергетическим зарядом, что, будучи высвобожденными с помощью активного воображения, они могут подавить сознательный разум и овладеть личностью. Это дает толчок к появлению состояния, которое – по крайней мере, в его изначальной форме – довольно легко принять за шизофреническое, если, к тому же, «психотический пассаж», демонстрируемый той или иной личностью, не вызывает скорого желания покинуть психологическую сцену. Таким образом, метод активного воображе-

ния – это не детская игрушка. Изначальная недооценка бессознательного лишь увеличивает этот риск. С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что этот метод является весьма ценным инструментом психотерапевта.

К.Г. Юнг

Кюснахт, июль 1958 / сентябрь 1959 года

131 В термине «трансцендентная функция» нет ничего таинственного или метафизического. Под ним следует понимать психологическую функцию, которую в определенном смысле можно сравнить с математической функцией того же названия, описывающей специфические взаимодействия между реальными и воображаемыми числами. Психологическая «трансцендентная функция» возникает из соединения содержимого бессознательного с содержимым сознания.

132 Опыт аналитической психологии красноречиво свидетельствует о том, что сознание и бессознательное редко приходят к согласию в отношении своих содержаний и их тенденций. Подобное несовпадение не просто случайно или непреднамеренно, оно объясняется тем фактом, что бессознательное стремится компенсировать или дополнить сознание. Мы можем перевернуть эту формулу и сказать, что это сознание дополняет бессознательное. Подобные отношения объясняются следующими причинами:

(1) Сознание обладает порогом интенсивности, которого его содержания еще должны достичь, поэтому все слишком слабые элементы остаются в бессознательном.

(2) По причине того, что функции сознания всегда обладают направленностью, оно навязывает ограничения (которые Фрейд называет цензурой) всему несовместимому с ним материалу, в результате чего этот материал погружается в бессознательное.

(3) Сознание организует текущий процесс адаптации, в то время как бессознательное содержит в себе не только забытый индивидом материал его прошлого, но и все унаследованные поведенческие качества, составляющие структуру разума.

(4) Бессознательное содержит все комбинации фантазий, которые еще не достигли порога интенсивности, но с течением времени и при благоприятных обстоятельствах могут выйти на свет сознания.

133 Это вполне объясняет комплементарную установку бессознательного по отношению к сознанию.

134 Конкретность и направленность сознательного разума являются качествами, которые человеческая раса обрела сравнительно недавно и которые отсутствуют, например, у большей части сохранившихся до наших дней первобытных народов. Эти качества зачастую очень ослаблены у пациента-невротика, который отличается от нормального человека большей подвижностью порога своего сознания; иными словами, у него перегородка между сознанием и бессознательным отличается большей проницаемостью. Психотик же, со своей стороны, испытывает мощное непосредственное давление со стороны бессознательного.

135 Конкретность и направленность сознательного разума являются чрезвычайно важными приобретениями, за которые человечество заплатило очень высокую цену и которые, в свою очередь, сослужили ему большую службу. Без этих качеств были бы невозможны наука, технология и цивилизация, поскольку все они предполагают непрерывность и направленность идущих в сознании процессов. Эти качества абсолютно необходимы как государственному деятелю, врачу или инженеру, так и простому рабочему. Вообще мы можем сказать, что индивид становится бесполезен для общества в той степени, в какой эти качества ослаблены бессознательным. Разумеется, великие художники и прочие творчески одаренные люди являются исключением из этого правила. Преимущество таких индивидов как раз и заключается в проницаемости перегородки, разделяющей сознание и бессознательное.

Но в тех профессиях и видах общественной деятельности, которые требуют постоянства и надежности, представители такого человеческого типа мало пригодны.

136 Стало быть, максимально возможные устойчивость и конкретность психического процесса вполне оправданны и даже необходимы, ибо того требуют суровые законы жизни. Но здесь имеется и определенный недостаток: в силу своей направленности сознание отторгает или исключает все те психические элементы, которые представляются ему несовместимыми с ним или действительно являются таковыми, то есть склонны менять направленность к своей выгоде и тем самым вести сознание к нежелательной цели. Но откуда нам знать, что данный психический материал является «несовместимым» по своей сути с установками сознания? Мы делаем такой вывод на основании суждения, которое определяет то направление пути, которое представляется нам желательным и целесообразным. Это суждение характеризуется ограниченностью и предубежденностью, поскольку отдаст предпочтение одной конкретной возможности за счет всех остальных. Кроме того, суждение всегда основывается на опыте, то есть на том, что уже известно. Как правило, оно не опирается на что-то новое, еще не изведенное, что, при определенных условиях, могло бы значительно обогатить направленный процесс. Такого быть просто не может по той причине, что содержимое бессознательного исключено из сознания.

137 В результате подобного действия суждения направленный процесс неизбежно становится односторонним, даже если рациональные мысли могут казаться многосторонними и непредвзятыми. Сама рациональность трезвого ума может быть самым худшим из предубеждений, поскольку мы называем разумным то, что нам таковым кажется. Стало быть, то, что нам представляется неразумным, обречено на изгнание по причине своего иррационального характера. Оно может на самом деле быть иррациональным, но с таким же успехом оно может только казаться таковым, поскольку воспринимается с определенной точки зрения.

138 Односторонность есть неизбежная и необходимая характерная черта направленного процесса, поскольку направленность сама по себе предполагает однобокость. Она является одновременно и преимуществом, и недостатком. Даже когда недостаток внешне никак не проявляется, в бессознательном все равно присутствует равносильная противоположная позиция, если, конечно, мы не имеем дело с идеальным случаем, когда все психические компоненты стремятся в одном и том же направлении. Теоретическая вероятность осуществления такого варианта не подлежит сомнению, но на практике это большая редкость. Контрпозиция в бессознательном не представляет собой опасности до тех пор, пока не получает сильный энергетический заряд. Но если, вследствие слишком сильной односторонности, напряжение увеличивается, противоположная тенденция ввергается в сознание, как правило, в тот момент, когда сознанию особенно важно не сбиться с выбранного им направления. Например, оратор оговаривается именно тогда, когда особо опасается сказать какую-нибудь глупость. Такой момент является критическим, потому что ему свойственно высокое напряжение, которое, при уже заряженном бессознательном, легко может привести к «возгоранию» и высвободить содержимое бессознательного.

139 Сегодняшняя цивилизованная жизнь требует концентрированного, направленного функционирования сознания, а это влечет за собой опасность сильной разобщенности с бессознательным. Чем дальше с помощью направленного функционирования мы сможем отойти от бессознательного, тем активнее будет формироваться таящаяся в нем мощная противоположная позиция, и ее возможный прорыв в сознание может иметь крайне нежелательные последствия.

140 Анализ дал нам возможность глубоко изучить воздействие бессознательного. Оно имеет такое значение для нашей повседневной жизни, что, по нашему мнению, неразумно рассчитывать на исключение или бездействие бессознательного после так называемого завершения лечения. Многие пациенты, смутно понимая это, никак не могут решиться на

отказ от анализа, хотя и они сами, и аналитик, находят это ощущение зависимости утомительным. Зачастую пациенты боятся идти дальше самостоятельно, потому что они по опыту знают, что бессознательное может снова и снова совершенно неожиданно вмешаться в их жизнь самым непредсказуемым образом.

141 Раньше предполагали, что пациенты смогут вести нормальную жизнь, как только приобретут достаточно практических знаний о самих себе, чтобы понимать свои сновидения. Однако практика показала, что даже профессиональные аналитики, которые, по идее, должны в совершенстве владеть искусством толкования сновидений, зачастую капитулируют перед своими собственными сновидениями и должны обращаться за помощью к коллегам. Если даже тот, кому положено быть экспертом по данному методу, оказывается неспособным дать удовлетворительное толкование своих сновидений, то чего тогда можно ожидать от пациента. Надежды Фрейда на то, что бессознательное может «истощиться», не оправдались. Жизнь сновидений и вторжения из бессознательного – *mutatis mutandis*¹⁷ – идут своим чередом.

142 Существует широко распространенное заблуждение, что анализ – это что-то вроде «курса лечения», по прохождении которого человек выздоравливает. Это дилетантское отношение сохранилось с самых первых дней существования психоанализа. Психоанализ можно определить как приведение психологического состояния в порядок с помощью врача. Естественно, это заново обретенное состояние, которое лучше подходит к внутренним и внешним условиям, может продолжаться в течение долгого времени, но случаи, когда одного «курса лечения» оказалось достаточно, являются редкостью. Да, медики никогда не стеснялись рекламировать свой оптимизм и всегда были готовы сообщить об изобретении надежных лекарств. Нас, однако, не должно обманывать «слишком человеческое» отношение практикующего врача, и мы должны всегда помнить, что жизнь бессознательного продолжается и постоянно порождает проблематические ситуации. Не следует впадать в пессимизм; мы видели прекрасные результаты, достигнутые благодаря везению и упорному труду. Но это не мешает нам признать, что анализ не служит «панацеей»; он, прежде всего, представляет собой более или менее тщательное наведение порядка. Нет таких перемен, результаты которых распространялись бы на достаточно долгий период времени. Жизнь всегда будет ставить новые задачи. Разумеется, существуют определенные, очень живучие коллективные установки, которые позволяют разрешать типичные конфликты. Коллективная установка дает индивиду возможность безболезненно устроиться в обществе, поскольку она воздействует на него, как и любое другое условие жизни. Но проблема пациента как раз в том и состоит, что он не может безболезненно для себя подстроиться под коллективную норму; требуется решение индивидуального конфликта, чтобы личность в целом осталась жизнеспособной. И здесь не годится какое-либо рациональное решение, и не существует такой коллективной нормы, которая могла бы безо всякого ущерба заменить индивидуальное решение.

143 Обретенная в ходе анализа новая установка рано или поздно с неизбежностью становится неадекватной, потому что непрерывное течение жизни постоянно требует адаптации. Адаптироваться раз и навсегда невозможно. Разумеется, пациент может потребовать от аналитика, чтобы тот подготовил его к безболезненной смене направления на последующих этапах его жизни. И опыт показывает, что такое требование вполне оправданно. Мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что прошедшие через тщательный анализ пациенты более свободно вносят изменения в свою последующую жизнь. Тем не менее, и в этом довольно часто возникают трудности, которые могут доставлять серьезные неприятности. Вот почему пациенты, даже прошедшие через тщательный анализ, часто по проше-

¹⁷ Сообразно с обстановкой, обстоятельствами (*лат.*).

ствии определенного времени снова обращаются за помощью к своему аналитику. В свете медицинской практики в этом нет ничего необычного, но такое положение вещей противоречит несколько ошибочному энтузиазму терапевта, а также представлению об анализе как о «панацее». По большому счету, надежды на появление формы терапии, которая раз и навсегда избавит человека от всех его проблем, практически нет. Человеку нужны трудности; они необходимы для его здоровья. Нас волнуют только излишние проблемы.

144 Основная задача терапевта заключается не в том, чтобы избавить пациента от минутных затруднений, а в том, чтобы подготовить его к успешной борьбе с будущими трудностями. Вопрос заключается в следующем: какую умственную и нравственную позицию следует занять по отношению к тревожащему нас воздействию бессознательного и каким образом донести эту установку до пациента?

145 На этот вопрос может быть только один ответ: нужно избавиться от разделенности между сознанием и бессознательным. Этого нельзя достичь односторонним осуждением содержания бессознательного, наоборот, следует признать его значение для компенсации односторонности сознания и учитывать это. Тенденции сознания и бессознательного являются двумя факторами, соединение которых и составляет трансцендентную функцию. Она называется «трансцендентной» потому, что делает переход от одной установки к другой органически возможным, без утраты бессознательного. Конструктивный, или синтетический, метод лечения предполагает инсайты или прозрения, которые, по крайней мере, потенциально присутствуют в пациенте и потому могут быть доведены до сознания. Если аналитик ничего не знает об этих потенциальных возможностях пациента, то он не может помочь ему в их развитии, если только аналитик и пациент вместе не провели соответствующее научное исследование этой проблемы, о чем, как правило, речи не идет.

146 Стало быть, на практике аналитик, подготовленный соответствующим образом, является для пациента трансцендентной функцией, то есть помогает ему свести бессознательное и сознание вместе и таким образом обрести новую установку. В этой функции аналитика состоит одно из многих важных значений *переноса*. С помощью переноса пациент цепляется за человека, в котором он видит надежду на обновление установки; именно в переносе он ищет желаемых перемен, которые имеют для него жизненно важное значение, даже если этот процесс и происходит неосознанно. Итак, для пациента аналитик является незаменимым человеком, совершенно необходимым для продолжения жизни. Какой бы детской ни казалась эта зависимость, она выражает чрезвычайно важную потребность, неудовлетворение которой зачастую приводит к возникновению жгучей ненависти к аналитику. Стало быть, чрезвычайно важно знать, на что в действительности направлено это скрытое в переносе требование; зачастую имеет место тенденция воспринимать его только в редуktивном смысле, как воспринимается эротическая фантазия подростка. Но такой подход означает буквальное понимание этой фантазии, обычно относящейся к родителям, словно пациент, или, скорее, его бессознательное по-прежнему питает какие-то детские ожидания по отношению к своим родителям. Внешне это та же самая надежда ребенка на помощь и защиту со стороны родителей, но ребенок уже стал взрослым, а то, что нормально для ребенка, взрослому не к лицу. Подобная фантазия стала метафорическим выражением неосознанно ощущаемой потребности в помощи в минуты кризиса. С исторической точки зрения, эротический характер переноса правильно объяснять категориями детского «эроса». Но таким способом нельзя понять смысл и цель переноса, а его толкование как детской сексуальной фантазии уводит от реальной проблемы. Понимание переноса следует искать не в историческом прошлом, а в его цели. Одностороннее снисходительное объяснение, в конце концов, становится бессмысленным, в особенности если оно не дает ничего нового, за исключением растущего сопротивления со стороны пациента. Скука, которой начинает веять от анализа, просто является выражением монотонности и нищеты идей – но не бессознатель-

ного, как предполагают некоторые, а аналитика, который не понимает, что эти фантазии следует интерпретировать не в буквально-редуктивном, а в конструктивном смысле. Когда аналитик это осознает, то застой зачастую преодолевается одним рывком.

147 Конструктивное отношение к бессознательному, то есть вопрос смысла и цели, прокладывает дорогу инсайтам (прозрениям) пациента при помощи процесса, который я называю трансцендентной функцией.

148 Здесь, пожалуй, будет нелишне сказать несколько слов о часто звучащем возражении, будто конструктивный метод – это просто «внушение». Это вовсе не так, ибо метод основан не на *семиотической* оценке символа (то есть фантазии или образа из сновидения) как признака элементарного инстинктивного процесса, а на его символическом, в истинном смысле этого слова, понимании, когда под словом «символ» имеется в виду наилучшее – из всех возможных – выражение какого-то сложного факта, еще не до конца воспринятого сознанием. С помощью редуктивного анализа этого выражения можно добиться только более четкого понимания изначально составляющих его элементов, и хотя я не отрицаю преимуществ углубленного понимания этих элементов, очевидным остается отсутствие рефлексии целеполагания в совершаемом процессе. А потому разложение символа на составные части на этой стадии анализа является ошибкой. Однако в самом начале метод разработки сложного значения символа в точности напоминает редуктивный анализ. Аналитик выясняет ассоциации пациента, и, как правило, их оказывается достаточно – даже порой и с избытком – для синтеза. И они снова оцениваются, но уже не семиотически, а символически. Здесь мы должны задать следующий вопрос: о чем говорят индивидуальные ассоциации А, Б и В, когда они рассматриваются в комплексе с проявившимся содержанием сновидения?

149 Незамужней пациентке приснилось, что *кто-то дал ей чудесный, богато украшенный древний меч, выкопанный из кургана*.

Толкование сновидения

Ассоциации:

Сверкающий на солнце кортик ее *отца*, который он однажды показал ей. Тогда это произвело на нее большое впечатление. Ее отец был во всех отношениях энергичным, волевым, порывистым человеком, большим любителем любовных приключений. *Кельтский* бронзовый меч – пациентка гордится своим кельтским происхождением. Кельты – народ страстный, темпераментный, порывистый. Орнамент выглядит очень загадочно – руны, знаки древней мудрости, древние цивилизации, наследие человечества, поднятое из могилы на свет.

Аналитическое толкование:

Пациентка обладает ярко выраженным комплексом отца, рано ушедшего из жизни, и связанными с ним богатыми сексуальными фантазиями. Она всегда ставит себя на место своей матери, хотя и с сильным неприятием отца. Она никогда не могла принять человека, подобного ее отцу, и потому против своей воли выбирала слабых, невротичных мужчин. Из этого можно сделать вывод о яростном сопротивлении отцу-врачу. Сновидение подняло на поверхность ее желание заполучить «оружие» отца. С остальным все ясно. По идее, этот сон должен прямо указывать на фаллическую фантазию.

Конструктивное толкование:

Похоже на то, что пациентка нуждалась в таком оружии. Ее отец оружием обладал. Он был энергичным человеком, вел соответствующий образ жизни и боролся с вытекающими из своего темперамента трудностями. Стало быть, несмотря на свою страстную, беспокойную жизнь он не был невротиком. Это оружие является очень древним наследием человечества, которое было заключено в пациентке и вышло на свет в результате раскопок (анализа). Оружие связано с озарением, с мудростью. Оно означает нападение и защиту. Оружием ее отца была страстная, негибкая воля, с помощью которой он и проложил свой жизненный путь. Вплоть до настоящего момента пациентка во всех отношениях была его полной противоположностью.

Сейчас она находится на пороге осознания того, что человек должен проявлять волю, а не просто покоряться судьбе, во что она верила до сих пор. Воля основывается на знании жизни и на понимании древнего наследия человеческой расы, которое содержится также и в ней, но до настоящего момента было погребено, поскольку и в этом смысле она тоже является дочерью своего отца. Раньше она этого не понимала, потому что по характеру была постоянно жалующимся, избалованным, распушенным ребенком. Она была совершенно пассивна и полностью погружена в свои сексуальные фантазии.

150 В этом случае аналитику не требовалось никаких дополнительных аналогий. Ассоциаций пациента было вполне достаточно. Нам могут возразить, что такой анализ сновидения включает в себя внушение. Но при этом игнорируется тот факт, что внушение действует только при наличии внутренней к нему готовности, в противном случае его можно навязать только при большой настойчивости и только на какое-то мгновение. Внушение, которое действует в течение хоть сколько-нибудь продолжительного периода времени, предполагает заранее обозначенную психологическую готовность, которую так называемое внушение просто вводит в игру. Поэтому это возражение необдуманно и приписывает внушению магическую силу, которой оно ни в коей мере не обладает, ибо если бы это было так, то внушающая терапия была бы невероятно эффективной, а в аналитических процедурах не было бы никакой необходимости. Но дела обстоят далеко не так. Более того, когда нас обвиняют во внушении, то не учитывают тот факт, что сами ассоциации пациентки указывают на культурное значение меча.

151 После этого отступления вернемся к вопросу о трансцендентной функции. Мы уже увидели, что во время лечения трансцендентная функция является, в определенном смысле, «искусственным» инструментом, потому что по большей части она поддерживается аналитиком. Но если пациент уверенно стоит на ногах, ему не нужно постоянно полагаться на внешнюю помощь. Толкование сновидений было бы идеальным методом для синтеза содержимого сознания и бессознательного, но на практике анализ своих собственных сновидений является чрезвычайно трудным делом.

152 Сейчас мы должны выяснить, что требуется для создания трансцендентной функции. Прежде всего, необходим материал из бессознательного. Наиболее доступным выражением происходящих в бессознательном процессов, несомненно, являются сновидения. Сновидение представляет собой, так сказать, чистый продукт бессознательного. Нельзя отрицать того, что в ходе приближения к сознанию сновидение изменяется, но эти изменения можно рассматривать как несущественные, поскольку они тоже происходят в бессознательном и не являются преднамеренными. Возможные модификации первоначального образа сновидения происходят в самом верхнем слое бессознательного и потому тоже содержат ценный материал. Они являются побочным, следующим за основным сновидением продук-

том фантазии. То же самое можно сказать и о последующих образах и идеях, которые часто возникают во время дремы или неожиданно вспыхивают в момент пробуждения. Поскольку сновидение рождается во сне, оно обладает всеми характеристиками *abaissement du niveau mental*¹⁸: низким напряжением психической энергии: логической прерывистостью, фрагментарностью, образованием аналогий, поверхностными ассоциациями вербального, звукового или визуального типа, сгущением, иррациональными выражениями, запутанностью и т. п. С увеличением напряжения сновидения приобретают более упорядоченный характер; в них появляется драматургия, их связь с сознанием становится более четкой, валентность ассоциаций увеличивается.

153 Поскольку во сне напряжение, как правило, очень низкое, то сновидения, по сравнению с материалом сознания, являются примитивными выражениями содержимого бессознательного и их очень трудно понять с конструктивной точки зрения, зато, как правило, легче подвергнуть редуктивному анализу. В целом, сновидения не годятся или малопригодны для создания трансцендентной функции, поскольку они предъявляют объекту слишком большие требования.

154 Итак, нам следует искать другие источники бессознательного материала. Такими, например, являются вторжения бессознательного в бодрствующее сознание, идеи, приходящие «как гром среди ясного неба», провалы, ошибки и заблуждения памяти, симптоматические действия и т. п. Этот материал, как правило, более пригоден для метода редукции, чем для конструктивного анализа; он тоже слишком фрагментарен и прерывист, а для осмысленного синтеза непрерывность просто необходима.

155 Еще одним источником бессознательного материала служат спонтанные фантазии. Они, как правило, отличаются достаточной связностью и четкостью содержания, важность которого зачастую очевидна. Некоторые пациенты способны фантазировать в любое время, просто-напросто «отключая» критическое отношение к фантазиям. Эти фантазии можно использовать, хотя способностью к такого рода фантазированию наделен далеко не каждый человек. Впрочем, умение свободно фантазировать можно развить с помощью тренировок. Тренинг заключается, прежде всего, в систематических упражнениях по отключению критического внимания, то есть создания вакуума в сознании. Это стимулирует стоящие наготове фантазии. Разумеется, в данном случае необходимо, чтобы фантазии с сильным либидозарядом действительно были наготове. А так бывает далеко не всегда. Там, где ничего подобного не наблюдается, требуются особые меры.

156 Перед тем, как поговорить об этих мерах, я должен сделать неприятное допущение, что читатель в данный момент задастся вопросом: «А что, собственно, автор хочет всем этим сказать?» И почему так уж необходимо поднимать на поверхность содержимое бессознательного? Разве недостаточно того, что время от времени оно проявляется само по себе и вызывает весьма неприятные ощущения? Нужно ли нам силой вытаскивать его на поверхность? Не заключается ли задача аналитика как раз в противоположном – в освобождении бессознательного от фантазий и лишения его, таким образом, эффективности?

157 Будет нелишне подробно ответить на эти вопросы, поскольку методы введения бессознательного в сознание могут шокировать читателя как совершенно новые, необычные и, возможно, даже несколько странные. Поэтому я должен, прежде всего, развеять эти естественные сомнения, чтобы они не мешали нам, когда мы начнем рассматривать вышеупомянутые методы.

158 Как мы уже знаем, содержимое бессознательного нам необходимо как дополнение к сознательной позиции. Если осознанная установка отличается лишь слабой «направленностью», то бессознательное может вполне произвольно вторгнуться в сознание. Это и проис-

¹⁸ Понижения ментального уровня (франц.).

ходит со всеми теми людьми, которые отличаются низким напряжением сознания, например, с представителями первобытных народов. Дикарям не нужны никакие специальные меры для того, чтобы поднять бессознательное на поверхность. Вообще-то эти особые меры не требуются и цивилизованным людям, ибо те из них, кто имеет наименьшее представление о своей бессознательной стороне, более всего подвержены ее воздействию. Но они не осознают того, что с ними происходит. Бессознательное тайно присутствует везде, и для этого ему не требуется наша помощь, но поскольку оно остается бессознательным, мы точно не знаем, что происходит и чего нам ждать. Вот поэтому мы и ищем способ довести до сознания то содержимое бессознательного, которое влияет на наши действия, чтобы мы могли избежать тайного вмешательства бессознательного и его неприятных последствий.

159 Читатель, конечно же, задаст вопрос: «Почему бы нам не оставить бессознательное в покое?» Люди, которым еще не пришлось пережить неприятностей такого рода, естественно, не видят никакого смысла в контроле бессознательного. Но любой человек, достаточно от него пострадавший, с удовольствием будет приветствовать самую возможность такого контроля. Процессам, происходящим в сознании, направленность абсолютно необходима, но, как мы уже имели возможность убедиться, последняя неизбежно влечет за собой и односторонность. Поскольку психическое является такой же саморегулирующейся системой, как и тело, то регулирующее противодействие всегда будет развиваться в бессознательном. Если бы не направленность сознания, ответные влияния бессознательного не являлись бы помехой. Именно эта направленность не допускает такой возможности. Разумеется, это не означает ликвидации противодействующих сил, порождаемых бессознательным. Однако их регулирующее влияние всякий раз нивелируется критическим отношением со стороны сознания и направленной на решение задачи волей. В этом смысле психика цивилизованного человека уже больше не является саморегулирующейся системой; ее можно сравнить скорее с машиной, у которой чувствительность к изменению скорости ослабла в такой степени, что это может привести к самоповреждению в ходе функционирования; в то же самое время подобная сниженная чувствительность делает психику такого «массового» человека уязвимой для манипуляций со стороны самых разнообразных односторонних волей.

160 Что ж, особенность функционирования психического заключается в том, что при подавлении ответного влияния бессознательного последнее утрачивает свою регулирующую функцию. Тогда оно начинает ускорять и интенсифицировать происходящие в сознании процессы. Похоже, что вместе с утратой регулирующей функции утрачивается и сама энергия регулирующего противостояния, в результате чего складываются условия, при которых не только не существует никакого противодействия, но и его энергия подключается к энергии направленного процесса. Это, естественно, облегчает осуществление сознанием своих намерений, но, поскольку эти намерения ничто не сдерживает, они вполне могут реализовываться в ущерб деятельности целостной системы. Например, когда кто-нибудь делает довольно смелое утверждение и подавляет противодействие, а именно, вполне обоснованные сомнения, он может себе же во вред настаивать на своей точке зрения.

161 Легкость, с которой может быть «отключено» противодействие, пропорциональна уровню разобщенности, разделенности психического, ведущей к утрате инстинктивного начала. Это характерная и обязательная черта цивилизованного человека, поскольку инстинкты, не утратившие своей первоначальной силы, могут сделать адаптацию к обществу практически невозможной. Речь идет не о полной атрофии инстинкта, а, в большинстве случаев, всего лишь о стойких последствиях образования, которое ни за что не пустило бы такие глубокие корни, если бы не приносило индивиду пользу.

162 Помимо случаев, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, хороший пример подавления регулирующего воздействия бессознательного можно найти в книге Ницше «Так говорил Заратустра». Идея «сверхчеловека» и «последнего (самого презрен-

ного) человека» выражает регулирующее влияние: «сверхчеловек» хочет стащить Заратустру назад, в коллективную сферу усредненных человеческих существ, каким он всегда и был, а «последний человек» в общем-то является персонификацией противодействия. Но ревущий лев нравственных убеждений Заратустры загоняет все это влияние и, прежде всего, чувство жалости, назад, в пещеру бессознательного. Таким образом, регулирующее влияние подавляется, но тайное противодействие бессознательного не прекращается, явным доказательством чего служит дальнейшее творчество Ницше. Сначала он ищет противника в Вагнере, которому он не может простить «Парсифаля», но вскоре его гнев обрушивается против христианства и, в особенности, против святого Павла, который, в определенном смысле, испытал те же превратности судьбы, что и Ницше. Хорошо известно, что психоз Ницше поначалу выразился в отождествлении с «Распятием Христом», а потом – с расчлененным Дионисом. Хорошо известно и то, к чему привело дальнейшее развитие этой человеческой драмы: нараставшее противодействие, в конце концов, вырвалось на поверхность.

163 Другим примером является классическая мегаломания, о которой мы можем прочитать в четвертой главе Книги Даниила. Находившегося на вершине власти Навуходоносора посетило сновидение, в котором ему было предсказано падение, если только он не смирит свою гордыню. Даниил вполне профессионально истолковал это сновидение, но к нему не прислушались. Последовавшие события показали, что его толкование было верным, поскольку Навуходоносор, подавив регулирующее воздействие бессознательного, пал жертвой психоза, который и представлял собой то самое наказание, которого он стремился избежать: царь земли, он превратился в животное.

164 Один мой знакомый однажды рассказал мне сновидение, в котором *он шагнул прямо в пустоту с вершины горы*. Я рассказал ему кое-что о воздействии бессознательного и посоветовал воздержаться от опасных путешествий в горы, страстным любителем которых он был. Но он меня высмеял. Несколько месяцев спустя, во время восхождения на гору, он действительно шагнул в пустоту и погиб.

165 Любой человек, который видел, как подобное случается снова и снова, создавая всевозможные драматические ситуации, поневоле задумается. Он начинает понимать, насколько легко упустить из виду регулирующее влияние бессознательного и что ему следует обращать пристальное внимание на регуляторные процессы, которые так необходимы для нашего умственного и физического здоровья. Соответственно, он постарается помочь себе, занимаясь наблюдением за собой и самокритикой. Но обычные самонаблюдение и интеллектуальный самоанализ – это совершенно неадекватные средства для установления контакта с бессознательным. Хотя ни одному человеческому существу не удастся избежать неприятных ощущений, каждый человек старается от них увернуться, особенно если он видит путь, каким их можно обойти. Знание о регулирующем влиянии бессознательного как раз и дает такую возможность, указывая пути, позволяющие избежать достаточно многих неприятных ощущений. Мы можем отказаться от великого множества окольных путей, единственной отличительной чертой которых являются утомительные конфликты. Плохо уже то, что мы сбиваемся с дороги и делаем серьезные ошибки на неизведанной территории, но заблудиться на густо заселенной и покрытой отличными дорогами местности – это уже перебор. Итак, каким же образом мы можем раздобыть знание о регулирующих факторах?

166 Если мы не обладаем способностью к свободному фантазированию, мы должны прибегнуть к искусственным средствам. Основанием к этому, как правило, является подавленное или беспокойное состояние ума, которому мы не можем найти адекватного объяснения. Пациент, естественно, может выдать любое количество рациональных причин – достаточно сослаться на плохую погоду. Но ни одна из них не может быть по-настоящему удовлетворительным объяснением, поскольку причинное объяснение состояний такого типа, как правило, удовлетворяет только постороннего человека, да и то до опреде-

ленной степени. Посторонний человек рад тому, что его потребность в причинном объяснении более-менее удовлетворена; ему достаточно знать, откуда что взялось; он не ощущает тех страданий, которые причиняет пациенту депрессия. Пациент хочет знать, что с ним происходит и как от этого избавиться. *Ценность эмоционального беспокойства содержится в самой его интенсивности – это энергия, которую человек должен иметь в своем распоряжении, чтобы выйти из состояния ослабленной адаптированности.* Подавлением этого состояния или рационально-пренебрежительным к нему отношением ничего не добьешься.

167 Для того чтобы овладеть энергией, находящейся в «неположенном» месте, человек должен сделать основой или исходной точкой процедуры свое эмоциональное состояние. Он должен как можно лучше осознать состояние, в котором он пребывает, полностью в него погрузившись и перенося на бумагу все возникающие у него фантазии и ассоциации. Фантазии следует дать полнейшую свободу, но при этом не позволить ей покинуть орбиту своего объекта, а именно аффекта, когда в действие придет механизм ассоциативного процесса, идущего по принципу «цепной реакции». Эти, как их называл Фрейд, «свободные ассоциации» уводят пациента от объекта к всевозможным комплексам, и нет никакой уверенности в том, что они как-то связаны с аффектом и не являются его заменой. Полная сосредоточенность на объекте порождает более или менее полное выражение настроения, которое либо конкретно, либо символически воспроизводит содержимое депрессии. Поскольку депрессия не порождена сознательным разумом, а является следствием нежелательного вторжения бессознательного, образ настроения представляет собой картину содержимого и тенденций бессознательного, которые, сгруппировавшись, образовали депрессию. Вся процедура представляет собой процесс обогащения и разъяснения аффекта, в результате чего аффект и его содержимое подводятся ближе к сознанию, становясь при этом более впечатляющими и более понятными. Эта работа сама по себе может оказывать благоприятное и тонизирующее воздействие. В любом случае, она создает новую ситуацию, поскольку дотоле смутный аффект становится более-менее четко сформулированной идеей благодаря помощи и сотрудничеству со стороны сознательного разума. Это и есть начало трансцендентной функции, то есть совмещения содержимого сознания с содержимым бессознательного.

168 С эмоциональным смятением можно справиться и другим способом, не проясняя его интеллектуально, а придавая ему визуальную форму. Обладающие определенным талантом к рисованию пациенты могут выражать свое настроение, рисуя картины. Картина не обязательно должна соответствовать техническим или эстетическим нормам, важно, чтобы в ней присутствовала свободная фантазия и желание написать ее как можно лучше. В принципе, эта процедура мало отличается от вышеописанной. Здесь тоже продукт создается под воздействием как сознания, так и бессознательного, воплощая в себе стремление бессознательного к свету и стремления сознания к вещественности.

169 Однако мы часто сталкиваемся со случаями, когда не имеется никакого ярко выраженного настроения или депрессии, а присутствует только общая, глухая неудовлетворенность, ощущение неприятия всего на свете, скуки или смутного отвращения, неясной, но мучительной пустоты. В таких случаях нет определенной исходной точки – ее нужно создать. Здесь необходима особая сосредоточенность на своем либидо, для которой желательно создавать благоприятные внешние условия, типа полного покоя, особенно ночью, когда либидо в любом случае направляется вовнутрь – интровертируется («Вот и ночь: громче голос бьющих ключей. И душа моя – бьющий ключ») (Ницше, «Так говорил Заратустра». Часть 2. «Ночная песнь»).

170 Критическое внимание следует отключить. Люди, склонные к визуальным образам, должны сосредоточиться на ожидании появления внутреннего образа. Как правило, такой зримый образ фантазии действительно появляется – иногда гипнотически. Он должен быть внимательно рассмотрен, а наблюдения должны быть перенесены на бумагу. Люди,

склонные к аудио-вербальным образам, как правило, слышат внутри себя слова, обрывки внешне бессмысленных фраз, которые, тем не менее, также следует старательно записывать. Некоторые люди в такие моменты просто слышат свой «внутренний» голос. Вообще-то довольно многие люди хорошо осознают присутствие у себя внутреннего критика или судьи, который сразу же комментирует все, что эти люди сказали или сделали. Сумасшедшие слышат этот голос непосредственно, как слуховую галлюцинацию. Но и нормальные люди, при условии развитости их внутренней жизни, также способны безо всякого труда воспроизводить этот неслышимый голос. Впрочем, поскольку этот голос печально известен своими упрямством и докучливостью, его почти всегда подавляют. Таким людям нетрудно извлекать из бессознательного нужный им материал и тем самым заложить основу трансцендентной функции.

171 Есть также люди и другого типа, которые внутри себя ничего не видят и не слышат, но зато их руки обладают способностью выражать бессознательное. Такие люди могут с большой пользой для себя работать с пластичными материалами. Люди, способные выражать бессознательное движениями своего тела, встречаются крайне редко. Недостаток движений, заключающийся в том, что их трудно зафиксировать в уме, должен компенсироваться последующим старательным их зарисовыванием, чтобы они не стерлись из памяти. Еще более редким, но не менее ценным даром является автоматическое записывание, непосредственно на бумаге или с помощью планшетки. Оно тоже дает хорошие результаты.

172 Теперь мы подошли к следующему вопросу: что делать с материалом, полученным одним из вышеописанных способов. На него нельзя дать никакого априорного ответа; когда сознательный разум сталкивается с продукцией бессознательного, его реакция, вызванная этим столкновением, и определяет последующую процедуру. Только практический опыт может дать нам ключ к ответу. Исходя из своего опыта я могу сделать вывод о существовании двух основных тенденций. Один путь – это *творческое формулирование*, другой – *понимание*.

173 В тех случаях, когда доминирует принцип творческого формулирования, материал постоянно меняется и накапливается до тех пор, пока не происходит что-то вроде конденсации мотивов в более-менее стереотипные образы. Они стимулируют творческую фантазию и выполняют в основном роль эстетических мотивов. Эта тенденция ведет к эстетической проблеме художественного формулирования.

174 Если же доминирует принцип понимания, эстетический аспект вызывает относительно слабый интерес, а иногда может даже считаться помехой. В данном случае идет ожесточенная борьба за понимание *смысла* созданного бессознательным продукта.

175 Если эстетическое формулирование имеет тенденцию сосредоточиваться на формальном аспекте мотива, то интуитивное понимание зачастую пытается постигнуть смысл по содержащимся в материале почти неадекватным намекам, не принимая к рассмотрению те поднимающиеся на поверхность элементы, которые сформулированы более четко.

176 Ни одна из этих тенденций не может быть реализована произвольным усилием воли; каждая из них в значительной степени является результатом особого склада конкретной личности. Обе эти тенденции имеют свои отрицательные стороны и могут сбить индивида с пути. Опасность эстетической тенденции заключается в преувеличении формальной или «художественной» ценности продукта фантазии: либидо отвлекается от реальной цели трансцендентной функции и сосредоточивается на второстепенных, чисто эстетических проблемах самовыражения художника. Опасность стремления понять смысл заключается в переоценке содержания, которое подвергается интеллектуальному анализу и толкованию, в результате чего утрачивается символический по сути своей характер продукта. До определенного момента мы можем следовать по одному из этих путей, чтобы удовлетворить свои эстетические или интеллектуальные потребности, в зависимости от того, какие из них

доминируют в данном конкретном случае. Однако не стоит закрывать глаза и на исподволь зреющую опасность, подстерегающую нас на любом из открывающихся путей, поскольку по достижении определенного уровня психического развития продукция бессознательного начинает сильно переоцениваться как раз потому, что до этого ей вообще не придавалось никакого значения. Эта переоценка является одной из самых больших помех на стадии формулирования материала бессознательного. Она обнажает коллективные стандарты, по которым оценивается все индивидуальное, все, что не укладывается в коллективную схему, не может быть признано хорошим или красивым, хотя правда и то, что современное искусство предпринимает попытки компенсировать эту позицию. Отсутствует не коллективное признание созданного индивидом продукта, а его субъективная оценка, понимание *субъектом* смысла и ценности этого продукта для него самого. Разумеется, такое чувство неполноценности индивида по отношению к своему собственному продукту не является непреложным правилом. Иногда мы сталкиваемся с его прямой противоположностью: наивной и некритичной переоценкой в сочетании с требованием коллективного признания, которое появляется сразу же после того, как был преодолен комплекс неполноценности. И наоборот, первоначальная переоценка может легко превратиться в обесценивающий скептицизм. Эти ошибочные суждения порождаются бессознательным индивида и недостатком уверенности в себе: индивид либо подстраивается исключительно под коллективные стандарты, либо, по причине своего раздутого (инфляцирующего) эго, утрачивает реальное восприятие самого себя.

177 *Похоже на то, что одна тенденция является регулирующим принципом другой; они связаны друг с другом узами взаимного компенсирования. Эта формула следует из опыта. Если на этой стадии попытаться сделать более общий вывод, то мы могли бы сказать, что эстетическое формулирование нуждается в понимании смысла, а пониманию требуется эстетическое формулирование. Обе тенденции дополняют друг друга и образуют трансцендентную функцию.*

178 Первые шаги в любом из этих направлений делаются в соответствии с одним и тем же принципом: сознание предоставляет свои средства выражения в распоряжение бессознательного содержания. Поначалу от него больше ничего и не требуется, дабы избежать ненужного воздействия. Ведущую роль в придании бессознательному содержательной формы следует оставить, насколько это возможно, случайным идеям и ассоциациям, поступающим из бессознательного. Естественно, это является ударом, и зачастую очень болезненным, по позиции сознания. Это нетрудно понять, если мы вспомним, каким обычно способом представляют себя сами содержания бессознательного: как элементы, которые по природе своей еще слишком слабы, чтобы преодолеть порог сознания самостоятельно, или же как элементы, которые должны быть подавлены буквально «на корню» уже вследствие того, что – по различным причинам – они несовместимы с сознанием. По большей части эти содержания являются нежелательными, неожиданными, иррациональными, а их неприятие или подавление представляется вполне оправданным. Только малая часть подобных содержаний имеет какую-либо необычную ценность, как с коллективной, так и с индивидуальной точек зрения. Но содержания, которые коллектив считает совершенно бесполезными, самому индивиду могут представляться чрезвычайно ценными. Этот факт находит свое выражение в определенном эмоциональном настрое и аффекте, вне зависимости от того, положительно или отрицательно проявляются подобные настроения индивида. Общество тоже оказывается расколотым в вопросе принятия новых и неизвестных идей, отличающихся навязываемой эмоциональностью. Цель первоначальной процедуры заключается в обнаружении содержаний чувственного тонуза, поскольку в таких случаях мы всегда имеем дело с ситуациями, в которых односторонность сознания сталкивается с сопротивлением, организуемым инстинктивной сферой.

179 Эти две дороги идут параллельно друг другу до тех пор, пока для одного типа людей решающей не становится эстетическая проблема, а для другого типа – интеллектуальная. В идеале эти два аспекта могли бы сосуществовать друг с другом или ритмично сменять друг друга, то есть творчество и понимание могли бы чередоваться. Кажется, что одно не может существовать без другого, но на практике случается так, что творческий порыв овладевает объектом, вытесняя смысл, или стремление к пониманию подавляет необходимость придания объекту формы. Бессознательное, прежде всего, хочет, чтобы его содержимое было увидено, а этого можно достичь только посредством придания ему формы, и оно также хочет, чтобы о нем судили только после того, как все, что оно должно сказать, получит уловимую – осязаемую или зримую – форму. Именно по этой причине Фрейд, прежде чем толковать содержимое сновидений, требовал их выражения в форме «свободных ассоциаций».

180 Далеко не всегда бывает достаточно просто выявить концептуальный контекст содержимого сновидения. Зачастую необходимо прояснить смутное содержимое посредством придания ему видимой формы. Это можно сделать с помощью рисунка, картины или скульптуры. Часто бывает так, что руки знают, как разрешить загадку, над которой тщетно бьется интеллект. Придав содержимому сновидения форму, человек продолжает видеть его более детально в состоянии бодрствования, и поначалу непонятное, изолированное событие интегрируется в сферу целостной личности, несмотря даже на то, что на первых порах это не осознается самим субъектом. Эстетическое формулирование на этом этапе останавливается и отказывается от любых попыток осмыслить происходящее. Иногда это приводит к тому, что пациенты начинают воображать себя художниками – разумеется, непонятыми. Желание понять, если оно не сопровождается тщательным формулированием, начинается со случайной идеи или ассоциации, а потому ему недостает адекватной основы. У него больше шансов реализоваться, если ему предшествует формулировка творческого продукта. Чем слабее сформирован и развит первоначальный материал, тем больше опасность подчинения понимания не эмпирическим фактам, а теоретическим и нравственным соображениям. Интересующий нас тип понимания на этой стадии состоит в реконструкции смысла, присущего изначальной «случайной» идее.

181 Нет сомнения в том, что такая процедура является законной только в том случае, когда для нее имеется достаточно серьезный повод. Точно так же ведущая роль может быть оставлена бессознательному только в том случае, если оно уже несет в себе волевое начало. Естественно, это происходит только тогда, когда сознательный разум оказывается в критической ситуации. Как только содержимому бессознательного придается форма и постигается смысл формулировки, встает вопрос о том, как связать его с эго и каким образом примирить эго и бессознательное. Это вторая и более важная стадия процедуры – соединение противоположностей для создания третьего элемента, трансцендентной функции. На этой стадии ведущая роль принадлежит уже не бессознательному, а эго.

182 Здесь мы не будем определять индивидуальное эго, а будем рассматривать его как тот постоянный центр сознания, присутствие которого мы стали ощущать с раннего детства. Эго сталкивается с психическим продуктом, который своим существованием по большей части обязан процессам, происходящим в бессознательном, а потому до определенной степени противостоит эго и его тенденциям.

183 Чтобы прийти к соглашению с бессознательным, необходимо занимать именно такую точку зрения. Позиция эго должна считаться равноценной противоположной позиции бессознательного, и наоборот. И обязательно нужно помнить о том, что если сознательный разум цивилизованного человека оказывает на бессознательное сдерживающее воздействие, то открытое заново бессознательное зачастую оказывает на эго очень опасное влияние. Точно так же, как в свое время эго подавило бессознательное, освободившееся бессознатель-

ное может отбросить эго в сторону и овладеть им. Есть опасность того, что эго, так сказать, «потеряет голову» и потому не сможет защитить себя от давления эмоциональных факторов – ситуация, с которой часто начинается шизофрения. Такой опасности не существовало бы или она не была бы настолько острой, если бы процесс столкновения с бессознательным каким-то образом мог лишить аффекты их динамики. Именно это и происходит, когда противоположная позиция подвергается эстетизированию или интеллектуальному анализу. Но конфронтация с бессознательным должна быть многосторонней, поскольку трансцендентная функция не является частичным процессом, идущим в обусловленном направлении; это полноценное и интегральное событие, в которое включены или должны быть включены все аспекты психической жизни. Стало быть, аффект должен развернуться во всю свою мощь. Эстетизация и интеллектуальный анализ являются прекрасным оружием против опасных аффектов, но их следует использовать только в случае действительно серьезной угрозы, а не для того, чтобы избежать выполнения необходимой работы.

184 Благодаря фундаментальным открытиям Фрейда мы знаем, что эмоциональные факторы заслуживают самого пристального внимания при лечении неврозов. Личность *как целое* должна восприниматься всерьез, и это правило относится как к врачу, так и к пациенту. Насколько тщательно врач должен укрываться за щитом теории – это вопрос деликатный, зависящий только от его благоразумия. В любом случае, лечение невроза – это не какое-то там психологическое «водолечение», а обновление личности, работа во всех направлениях и проникновение во все сферы жизни. Примирение с противоположной позицией – это серьезное дело, от которого порой зависит очень многое. Серьезное отношение к другой стороне – это обязательное предварительное условие процесса, потому что только таким образом регулирующие факторы могут оказать влияние на наши действия. Но серьезное отношение к другой стороне не означает, что мы должны воспринимать ее буквально – мы должны оказывать бессознательному доверие, чтобы у него появилась возможность сотрудничать с сознанием, вместо того чтобы всякий раз – невольно – вызывать взаимное беспокойство.

185 Итак, для того, чтобы прийти к соглашению с бессознательным, нужно не только оправдать точку зрения эго, но и наделить бессознательное такими же полномочиями. Эго берет на себя ведущую роль, но и бессознательное тоже должно иметь право голоса – *audiat et altera pars*¹⁹.

186 То, как этого можно добиться, лучше всего видно на примере тех людей, которым более-менее отчетливо слышится «внутренний» голос. Для них технически не составляет никакого труда записать услышанное и ответить на заявления «внутреннего» голоса с точки зрения эго. Это ничем не отличается от диалога между двумя равноправными человеческими существами, каждое из которых уважает и ценит аргументы другого и считает нужным потратить время на пересмотр конфликтных точек зрения за счет сравнения и дискуссии или же на то, чтобы провести между ними четкую границу. Поскольку к соглашению редко когда ведет прямая дорога, в большинстве случаев имеет место длительный конфликт, требующий больших жертв с обеих сторон. Такие же отношения вполне могут сложиться между пациентом и аналитиком, причем роль адвоката дьявола, естественно, достается последнему.

187 В наше время мы с ужасающей ясностью видим, насколько часто люди не способны выслушивать друг друга, хотя эта способность является фундаментальным и обязательным условием существования любого человеческого сообщества. Любой, кто хочет жить в согласии с самим собой, должен считаться с этой основополагающей проблемой. Ибо в той мере, в какой человек не допускает правоты другого человека, в той же мере он отказывает в праве на существование своему внутреннему «другому» – и наоборот. Способность

¹⁹ Следует выслушать и противоположную сторону (*лат.*).

к внутреннему диалогу – это оселок, на котором оттачивается наша способность к внешней объективности.

188 Если при наличии внутреннего диалога процесс примирения с бессознательным очень прост, то он, конечно же, более сложен в тех случаях, когда нам доступна только визуальная продукция, язык которой представляется достаточно красноречивым тем, кто его понимает, и совершенной тарабарщиной – тем, кто его не понимает. Столкнувшись с такой продукцией, это должно перехватить инициативу и спросить: «Как на меня действует этот знак?» (Гете, «Фауст») Этот фаустовский вопрос может привести и к просветляющему ответу. Чем более прямым и естественным является ответ, тем более он ценен, потому что прямота и естественность гарантируют более-менее полноценную реакцию. Совсем не обязательно доводить процесс конфронтации до сознания во всех его подробностях. Зачастую полноценная реакция не требует тех теоретических предположений, взглядов и концепций, которые делают возможным ясное понимание. В таких случаях человек должен удовлетворяться не вербализуемыми, но внушающими доверие чувствами, которые заменяют теории и понятия и являются более ценными, чем заумные разговоры.

189 Процесс обмена аргументами и аффектами, или «взаимная подзарядка», собственно, и составляют суть трансцендентной функции противоположностей. Конфронтация двух позиций порождает заряженное энергией напряжение и создает нечто третье – не мертворожденную логику в соответствии с принципом *tertium pop datur*²⁰, а перемещение энергетического потенциала между противоположностями; рождение живого начала, ведущего к новому уровню бытия, в новую ситуацию. Трансцендентная функция проявляет себя как качество соединенных противоположностей. До тех пор, пока они держатся порознь, – естественно, с целью избежать конфликта, – они не функционируют и остаются инертными.

190 В какой бы форме противоположности не проявлялись в индивиде, в основе этого процесса всегда лежит проблема потерянного и застрявшего в односторонности сознания, обреченного оставаться в образном круге собственной инстинктивной целостности и свободы. Это образ антропоида и архаического человека, с его, с одной стороны, вроде бы ничем не ограниченным миром инстинкта, а с другой – с его часто неправильно понимаемым миром духовных идей. Этот человек, компенсируя и исправляя нашу односторонность, появляется из темноты и показывает нам, каким образом и в каком месте мы сбились с основного пути и психически искалечили себя.

191 Здесь я должен удовлетвориться описанием внешних форм и возможностей трансцендентной функции. Другой, еще более важной задачей является описание содержимого этой функции. По этой теме уже накопилось огромное количество материала, но преодолены еще не все трудности с его толкованием. Нужно провести еще много подготовительных исследований, прежде чем будет заложен концептуальный фундамент, который даст нам возможность четко и понятно объяснить содержимое трансцендентной функции. К сожалению, мне пришлось убедиться в том, что научная общественность еще не вполне готова выслушивать чисто психологические аргументы, поскольку она либо воспринимает их слишком лично, либо находится во власти философских или интеллектуальных предубеждений. Из-за этого любая осмысленная оценка психологических факторов становится практически невозможной. Если люди воспринимают психологические факторы очень лично, то их суждение всегда будет субъективным, и они объявят невозможным все, что не уместается в рамки их собственного разума, или все, что они предпочитают не признавать. Они совершенно не способны понять, что верное для них может не годиться для другого человека с другой психологией. Мы по-прежнему очень далеки от обладания схемой, пригодной на все случаи жизни.

²⁰ Третьего не дано (лат.).

192 Одно из величайших препятствий на пути к психологическому пониманию – желание знать, является ли тот или иной психологический фактор «истинным» или «правильным». Если этот фактор описан правильно, значит, он истинен сам по себе и доказывает свою истинность самым своим существованием. С таким же успехом можно спрашивать, является ли утконос «истинным» или «правильным» созданием Творца. Таким же наивным является предубежденное отношение к роли, которую мифологические предположения играют в жизни психического. Раз они не являются «правдой», говорят нам, значит, им нет места в научном объяснении. Но мифологемы *существуют*, даже если содержащиеся в них утверждения и не совпадают с нашей ни с чем не сопоставимой идеей «истины».

193 Поскольку процесс примирения с противоположной позицией отличается целостностью, ни один аспект не остается за его пределами, даже если осознанными оказываются только отдельные фрагменты обсуждаемого материала. В результате конфронтации с ранее бессознательными содержаниями сознание постоянно расширяется или – если быть более точным – может расширяться при условии, что оно возьмет на себя труд интегрировать их. Это, естественно, происходит далеко не всегда. Даже если индивид достаточно разумен для того, чтобы понять саму процедуру, ему может не хватать отваги и уверенности в себе, или же он может оказаться слишком ленивым, как умственно, так и нравственно, или же слишком трусливым, чтобы предпринять такое усилие. Но в тех случаях, когда все необходимые предпосылки присутствуют, трансцендентная функция не только становится ценным дополнением к психотерапевтическому лечению, но и дает пациенту великолепную возможность оказать помощь аналитику и избавиться от зависимости, которую многие считают унижительной. Это возможность самому добиться своего освобождения и найти смелость быть самим собой.

Примечание

Написано в 1916 году и озаглавлено «Die Tranzendent Funktion». До 1953 года хранилось среди бумаг профессора Юнга. Впервые опубликовано в 1957 году Студенческой ассоциацией Института К.Г. Юнга в Цюрихе в переводе на английский А.Р. Поупа. Оригинальный текст на немецком языке был существенно исправлен автором и опубликован в: *Geist und Werk... zum 75. Geburtstag von Dr. Daniel Brody (Zurich, 1958)* вместе с важными предварительными замечаниями, написанными специально для этого издания. Для данной публикации автор частично переписал статью. Настоящий перевод основан на переработанной немецкой версии, а перевод А.Р. Поупа использовался в качестве дополнительного источника.

Обзор теории комплексов

194 Современная психология имеет нечто общее с современной физикой в том отношении, что ее метод получает от интеллекта гораздо большее признание, нежели сам предмет. Этот предмет, психическое, настолько разнообразен в своих проявлениях, настолько неопределен и ни к чему не привязан, что даваемые ему определения трудно, если вообще возможно, интерпретировать, в то время как определения, основанные на наблюдении и вытекающем из этого методе, могут иметь – или, в конце концов, должны иметь – и свое количественное выражение. Психологическое исследование исходит из этих эмпирически или произвольно определенных факторов и наблюдает за психическим в плане изменения последних. Таким образом, психическое воспринимается как *нарушение* возможной схемы поведения, установленной тем или иным методом. Подобная процедура *sit grano salis*²¹ характерна для естественных наук вообще.

195 При таких обстоятельствах достаточно очевидно, что почти все изучаемое зависит от метода и его исходных положений, которые в значительной степени определяют результат. Действительный объект исследований, конечно, играет определенную роль, но он не может проявлять свое самостоятельное бытие, не потревоженное и находящееся в естественных условиях. Таким образом, в экспериментальной психологии, и особенно в психопатологии, давно уже признано, что каждая конкретная экспериментальная процедура еще не постигает непосредственно сам психический процесс, но что между этим процессом и экспериментом – который можно было бы назвать «экспериментальной ситуацией» – встраивается некоторое психическое состояние, которое также видоизменяется. Эта психическая «ситуация» иногда может подвергнуть опасности весь эксперимент, *ассимилируя* не только процесс эксперимента, но и лежащие в его основе цели. Под «ассимиляцией» мы понимаем отношение со стороны субъекта, который неверно интерпретирует эксперимент, потому что он изначально имеет непреодолимую тенденцию рассматривать его, так сказать, в качестве теста на сообразительность, или интеллектуального теста, или как нескромную попытку заглянуть «за кулисы» его души. Такое отношение маскирует процесс, который экспериментатор пытается рассмотреть.

196 Подобное положение вещей является вполне обычным для ассоциативных тестов, изначально направленных на определение средней скорости реакции и на ее качество. Однако опыт их проведения показал, что этот результат малозначим, так как действенность метода оказалась под сомнением ввиду автономного поведения психического, иначе говоря, ассимиляции. Именно так я открыл чувственно окрашенные комплексы, которые ранее воспринимались как *несостоятельные издержки реакции*.

197 Открытие комплексов и феномена ассимиляции, вызываемого ими, достаточно ясно показало несостоятельность старой точки зрения – отсылающей назад, к Кондильяку, – которая допускала изучение *изолированных* психических процессов. Не существует изолированных психических процессов, как не существует изолированных жизненных процессов; во всяком случае, путем экспериментальной изоляции выявить их пока не удалось¹. Только лишь посредством специальной тренировки внимания и сосредоточения субъект может изолировать процесс таким образом, что он станет отвечать требованиям эксперимента. Но это уже другая «экспериментальная ситуация», отличающаяся от ранее описанной тем, что теперь влияние ассимилирующего комплекса преодолено сознательным мышлением, в то время как раньше это происходило за счет более или менее бессознательных низших комплексов.

²¹ С долей иронии (*лат.*).

198 Все это совершенно не означает, что ценность эксперимента подвергается сомнению в каком-либо фундаментальном смысле – только лишь критикуется его ограниченность. В области психофизиологических процессов – например, сенсорного восприятия или двигательных реакций, – где преобладают чисто рефлекторные механизмы, ассимиляции если и есть, то число их незначительно и явных нарушений эксперимента не наблюдается. В сфере же более сложных психологических процессов дело обстоит иначе: в этом случае экспериментальная процедура не может ограничиваться сведением к четко определенным возможностям. Здесь, где исчезают все препоны, вызванные специфичностью целей, появляются неограниченные возможности, которые с самого начала создают предпосылки для возникновения психологических ситуаций, которые мы называем «конstellляциями». Этот термин просто описывает те ситуации, когда внешние обстоятельства высвобождают психический процесс, в ходе которого определенное содержание накапливается и дает толчок действию. Когда мы говорим, что личность «констеллирована», то имеем в виду, что она заняла позицию, исходя из которой следует ожидать, что она будет реагировать определенным образом. Но конstellляция является автоматическим процессом, который происходит невольно и который невозможно остановить по собственному желанию. Констеллированные содержания представляют собой определенные комплексы, обладающие своей собственной специфической энергией. Например, в случае ассоциативного теста воздействие комплексов будет проявляться в значительных нарушениях реакции или реже будет скрыто за реакциями определенного типа; однако и в этом случае его можно распознать, так как подобные реакции больше не соответствуют смыслу тестового слова. Образованные субъекты, обладающие сильной волей, могут, пользуясь вербально-моторной возможностью, отгораживаться от значения тестового слова быстрой реакцией, так что само слово вообще не достигает их. Но это срабатывает только в том случае, когда защите подлежат действительно важные личные тайны. Искусство Талейрана использовать слова для сокрытия мысли дано немногим. Обычные люди, в особенности женщины, защищают себя с помощью *ценностных утверждений*. Это часто создает весьма комический эффект. Ценностные утверждения – *красивый, хороший, дорогой, милый, дружелюбный* и т. д. – являются атрибутами чувств. В ходе беседы можно заметить, как некоторые люди находят все *интересным, очаровательным, хорошим, восхитительным* или – если они англичане – *изящным, изумительным, великолепным, превосходным* и (особенно часто) *обворожительным*. Все это служит для сокрытия полного отсутствия у них интереса или для удержания объекта на расстоянии. Но подавляющее большинство субъектов не могут предотвратить образования комплексов вокруг определенных слов-стимулов, проявляя при этом различные симптомы беспокойства, главным из которых является задержка реакции. Можно также комбинировать эксперимент с электрическими измерениями сопротивления кожи, которыми пользовался Ферагут²: так называемый феномен психогальванического рефлекса дает дополнительную возможность зафиксировать нарушение реакции по вине комплекса.

199 Ассоциативный тест представляет в этом смысле наибольший интерес, поскольку он, как никакой другой сравнительно простой психологический эксперимент, воспроизводит психическую ситуацию *диалога* и в то же время дает возможность точной количественной и качественной оценки. Субъект имеет дело не с вопросами в виде определенных предложений, а с туманными, двусмысленными и, следовательно, приводящими в замешательство тестовыми словами, причем от него требуется не развернутый ответ, а реакция *одним* словом. Точные наблюдения за нарушениями реакций позволяют вскрыть и отметить факты, которые часто пропускаются в обычной беседе, и это дает нам возможность получить указания на невысказанную основу, на те состояния готовности, или конstellляции, о которых я упоминал ранее. То, что происходит в ходе ассоциативного теста, всегда имеет место во время диалога. В обоих случаях мы имеем дело с психологической ситуацией, которая кон-

стеллирует комплексы, ассимилирующие предмет разговора или ситуацию в целом, включая участвующие стороны. Беседа теряет свой объективный характер и свою реальную цель, поскольку констеллирующие комплексы ломают намерения говорящих и могут даже вложить в их уста ответы, которые они впоследствии не вспомнят. Этот феномен используется на практике во время перекрестного допроса свидетелей. Его эквивалентом в психологии является так называемый эксперимент повтора, который обнаруживает и локализует провалы в памяти. Скажем, после сотни реакций-ответов субъекта спрашивают, какие именно ответы он давал на отдельные тестовые слова. Провалы или фальсификации памяти проявляются с умеренной регулярностью во всех ассоциируемых областях, нарушенных комплексами.

200 Итак, я намеренно избегал обсуждения природы комплексов, основываясь на предположении, что она в общем известна. Слово «комплекс» в его психологическом смысле проникло в обыденную речь как в немецком, так и в английском языках. Сейчас всем известно, что у людей «есть комплексы» или что люди «обладают комплексами». Не так хорошо известен, хотя намного более важен с точки зрения теории тот факт, что комплексы могут *обладать нами*. Существование комплексов заставляет поставить под сомнение наивное предположение о единстве сознания, которое отождествляется с «психическим», и верховенстве воли. Всякая констелляция комплексов предполагает расстройство сознания: единство сознания нарушено и волевая направленность затруднена, если вообще возможна. Даже память, как мы видели, часто подвергается заметному воздействию комплекса. Следовательно, комплекс является психическим фактором, в энергетическом смысле обладающим ценностью, которая часто превосходит по величине ценность вполне осознаваемых намерений, иначе подобные нарушения в организации сознания были бы невозможны. Фактически, активный комплекс загоняет нас в состояние принуждения, навязчивого мышления и действия – состояния, для которого при соответствующих обстоятельствах единственным подходящим определением может стать юридическое понятие сниженной ответственности.

201 Что же, наконец, такое «чувственно окрашенный» комплекс с научной точки зрения? Это *образ* определенной психической ситуации, который сильно эмоционально акцентуирован и к тому же несовместим с привычной установкой сознания. Этот образ имеет мощную внутреннюю связанность и слаженность, присущую только ему целостность и добавок относительно высокую автономность, а значит, подлежит контролю сознательного разума лишь в ограниченной степени и проявляет себя как одушевленное постороннее тело в сфере сознания. Такой комплекс обычно подавляется усилием воли, но его существование не подвергается серьезной опасности, поэтому при первой же возможности он заявляет о себе с прежней силой. Определенные экспериментальные исследования показывают, что кривая его активности или интенсивности имеет волнообразный характер, с «длиной волны», измеряемой несколькими часами, днями или неделями.

202 Мы должны выразить благодарность французским специалистам в области психопатологии, в частности, Пьеру Жане, за наше сегодняшнее знание о состоянии экстремальной *разорванности (диссоциабельности)* сознания. Жане и Мортон Принс – оба, но порознь – сформулировали представление о способности личности к расщеплению на три или четыре фрагмента и выяснили, что каждый из них имеет свои специфические особенности и собственную независимую память. Эти фрагменты сосуществуют относительно независимо один от другого и могут взаимно замещать друг друга в любой момент времени, что означает высокую степень автономности каждого из них. Мои изыскания в области комплексов подтверждают эту довольно неутешительную картину возможности психической дезинтеграции, так как фундаментальных различий между фрагментом личности и комплексом не существует. Можно говорить об их существенном сходстве до тех пор, пока мы не перейдем к деликатному вопросу о фрагментированном сознании. Личностные фрагменты,

несомненно, обладают своим собственным сознанием, но пока без ответа остается вопрос, обладают ли также собственным сознанием такие небольшие психические фрагменты, как комплексы. Должен признать, что этот вопрос часто занимает мои мысли, поскольку комплексы проявляют себя подобно «дьяволам» Декарта, и, похоже, получают удовольствие от своих «проделок». Они подсовывают не то слово в чей-то рот, заставляют забыть имя человека, которого как раз надо с кем-то познакомить, вызывают першение в горле как раз в момент самого приглушенного фортепьянного пассажа во время концерта, заставляют опоздавшего, крадущегося на цыпочках, перевернуть с грохотом стул. Они подстрекают нас поздравлять с чем-то людей на похоронах, вместо того чтобы выразить соболезнование – принуждают нас ко всему тому, что Ф.Т. Фишер приписывает «озорному, непослушному объекту»³. Они являются действующими лицами наших сновидений, которым мы так бессильно противостоям; они – эльфы, так ярко описанные в датском фольклоре в истории о пасторе, который пытался обучить двух из них молитве: они прилагали невероятные усилия, чтобы вслед за ним правильно повторять слово в слово, но после первого же предложения добавляли: «Наш отец, который не на небесах». Как можно догадаться, с теоретической точки зрения эти упрямые комплексы необучаемы.

203 Я надеюсь, что никто не станет сильно возражать против такой метафорической парафразы научной проблемы, принимая это с известной долей иронии. Но даже самая трезвая оценка феноменологии комплексов не может игнорировать весьма впечатляющий факт их автономии, и чем глубже проникаешь в их природу – я мог бы даже сказать в их биологию, – тем больше они раскрывают себя как отщепленные *психические* элементы. Психология сновидений вполне ясно показывает, как в отсутствие сознания, сдерживающего и подавляющего комплексы, они проявляются в персонифицированном виде, в точности напоминая фольклорных домовых, которые по ночам шкодят в доме. Мы наблюдаем аналогичное явление при некоторых психозах, когда комплексы становятся «слышны» и проявляют себя как «голоса», носящие сугубо личностный характер.

204 Сегодня мы почти уверены в том, что комплексы де-факто являются отщепленными *психическими* составляющими. Своим происхождением они зачастую обязаны так называемой травме, эмоциональному шоку или чему-то подобному, что отщепляет небольшую частицу психического. Естественно, одной из наиболее распространенных причин их появления служит моральный конфликт, по сути возникающий из-за явной невозможности подтверждения природной целостности субъекта. Такая невозможность предполагает непосредственное расщепление, независимо от того, известно об этом сознанию или нет. Любой комплекс, как правило, играет заметную роль в бессознательном, что, естественно, в той или иной степени гарантирует ему свободу действий. В определенных случаях его могущество в процессе ассимиляции становится особенно заметным, поскольку бессознательное помогает комплексам ассимилировать даже эго, в результате чего возникает мгновенное изменение личности, известное как отождествление с комплексом. В Средневековье этот феномен носил другое название – одержимость. Вероятно, никто не сочтет такое состояние безвредным, однако фактически не существует принципиальной разницы между оговоркой, вызванной комплексом, и страшнейшим богохульством: разница заключается лишь в степени его проявления. История языка дает нам бесчисленное множество подтверждений тому. Когда кто-нибудь испытывает сильный эмоциональный кризис, мы говорим: «Какой бес вселился в него сегодня?», «Он одержим бесом», «Она стала сущей ведьмой» и т. д. Используя эти довольно затертые метафоры, мы практически не задумываемся над их подлинным значением, хотя оно лежит на поверхности и отчетливо указывает на тот факт, что наивные или простодушные люди, в отличие от нас, не «психологизируют» комплексы, вызывающие нарушения, а рассматривают их как вполне самостоятельных существ, или как демонов. Впоследствии в ходе развития сознания возник интенсивный эго-комплекс, или эго-созна-

ние, в результате чего комплексы лишились своей первоначальной автономии, по крайней мере, в проявлениях обыденной речи. Как правило, индивид говорит: «У меня есть комплекс», или же доктор успокаивающим голосом сообщает истеричному пациенту: «Ваша боль в действительности не существует, вы просто вообразили, что она вам досаждала». Страх перед болезнью, несомненно, порожден фантазией пациента, так что любой постарается убедить его, что он сам ввел себя в заблуждение.

205 Нетрудно заметить, что современное решение проблемы, как правило, строится на основании предположения, что комплекс создан, или «придуман», пациентом и что он не существовал бы вовсе, если бы пациент не приложил усилия к его претворению в жизнь. Однако в последнее время было установлено, что комплексы обладают значительной степенью автономности, вследствие чего не имеющие органической подоплеки, но «воображаемые» боли так же сильны, как и настоящие, и что страх заболевания не имеет ни малейшей тенденции к исчезновению, даже если сам пациент и его доктор в процессе общения сойдутся на мысли, что это не более чем плод «воображения».

206 Здесь мы сталкиваемся с интересным проявлением «апотропаического»²² мышления, полностью соответствующим традиции древних давать эвфемистические имена, классическим примером которой является, например, название по *ιχοQev ^swo<Z* (Понт Евксинский), «гостеприимное море». Точно так же, как Эринии («Гневные») назывались, весьма предусмотрительно и угодливо, Эвменидами («Благосклонными»), так и современный разум воспринимает все внутренние нарушения как результат своей собственной активности: он просто ассимилирует их. Конечно, в этом случае не происходит открытого признания апотропаического эвфемизма, а имеет место бессознательная тенденция сделать автономность комплекса *нереальной*, давая ей другое имя. Сознание ведет себя подобно человеку, услышавшему подозрительный шум на чердаке и бегущему в подвал с целью убедить себя, что там нет грабителя, а шум был просто плодом его воображения. На самом же деле ему просто не хватило духу подняться на чердак.

207 Тот факт, что мотивом, заставившим сознание объяснять комплексы как результат собственной активности, послужил страх, не вполне очевиден. Комплексы кажутся настолько тривиальными, такими глупыми и «ничтожными», что мы явно стыдимся их и делаем все возможное, чтобы их скрыть. Но если бы они на самом деле были столь «ничтожными», они не были бы настолько болезненными. Болезненное – значит причиняющее боль, нечто чрезвычайно неприятное и по этой причине само по себе важное и заслуживающее серьезного к себе отношения. Но мы всегда готовы счесть что-либо неприятное *нереальным, вымышленным* – насколько это возможно. Невротическая вспышка сигнализирует о том, что наступил момент, когда это уже невозможно осуществить примитивными магическими средствами, вроде апотропаических жестов и эвфемизмов. С этого момента комплекс утверждается на поверхности сознания; его уже нельзя обойти. Шаг за шагом он продолжает ассимилировать эго-сознание, в точности как раньше эго-сознание пыталось ассимилировать его. Это в конечном счете приводит к невротической диссоциации личности.

208 Подобное развитие раскрывает изначальную силу комплекса, которая, как я уже говорил, иногда превосходит даже силу эго-комплекса. Только теперь человек обретает способность понять, что эго имело все основания упражняться на комплексах в магии имен, так как совершенно очевидно, что источник его страхов весьма злобен и грозит поглотить его. Множество людей, причисляемых к нормальным, имеют «скелеты в шкафу», о существовании которого нельзя упоминать, чтобы не причинить им смертельную боль – так силен их страх перед таящимся призраком. Все те, кто пребывает на стадии признания своих ком-

²² Разновидность магического мышления, основанного на желании лишить силы воздействия другой объект или другого человека. Мышление, отвращающее напасти, болезни, беду и пр. – *Прим. ред.*

плексов нереальными, всякое упоминание невроза воспринимают как относящееся к явно патологическим личностям, к числу которых они, конечно же, не принадлежат. Как будто быть больными – привилегия, принадлежащая только больным!

209 Тенденция делать комплексы нереальными путем ассимиляции не доказывает того, что они являются «пустяками», но, напротив, говорит об их важности. Это неизбежное следствие того инстинктивного страха, который первобытный человек испытывает по отношению к предмету, движущемуся в темноте. У первобытных народов этот страх фактически появляется с приходом темноты, точно так же, как в нашем случае комплексы приглушены в дневное время, а ночью поднимают головы, прогоняя сон или заполняя его кошмарами. Комплексы являются объектами внутреннего опыта, объектами, которых не встретишь на улице или в людных местах. Благодаря им и счастье, и горе в личной жизни становятся глубже; они *лары* и *пенаты*²³, ожидающие нас у камелька, чье миролюбие опасно переоценивать; они – «маленький народец», проделки которого тревожат нас ночью. Когда несчастье случается с нашими соседями, оно мало заботит нас, но когда оно угрожает нам самим, мы вынуждены обратиться к врачу, который помог бы нам оценить, насколько сильна угроза, исходящая от комплекса. Только если вы повидали целые семьи, разрушенные комплексами морально и физически, и знаете, к какой беспримерной трагедии и безысходному горю они могут привести, сможете почувствовать всю силу реальности комплексов, вы поймете, насколько безответственно и ненаучно мнение, будто личность может «вообразить» комплекс. Подбирая медицинское сравнение, можно вспомнить об инфекционных заболеваниях или злокачественных опухолях, которые также развиваются без малейшего участия сознательной мысли. Это сравнение все же не полностью адекватно, потому что комплексы не вполне патологичны по своей природе, а являются характерными выражениями *психического*, безотносительно того, дифференцированно психическое или же оно недифференцированно и примитивно. Следовательно, мы безошибочно находим их следы у всех народов и во все эпохи. Об этом свидетельствуют древнейшие литературные памятники: в эпосе о Гильгамеше мастерски описана психология комплекса власти, а Книга Товит в Ветхом Завете предлагает нам историю эротического комплекса и способ его лечения.

²³ В древнеримской мифологии – божества-покровители родины и домашнего очага. – Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.